

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

МЕТОД

**МОСКОВСКИЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Выпуск 12
(продолжение серии ежегодников МЕТОД)
Том 2 № 2

**МОСКВА
2022**

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Главный редактор – М.В. Ильин

Редакционная коллегия

Авдонин В.С. – д-р полит. наук, канд. филос. наук, вед. науч. сотр. ИНИОН РАН; *Бажанов В.А.* – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета; *Гребеницкова Е.Г.* – д-р филос. наук, руководитель центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН; *Демьянков В.З.* – д-р филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. Института языкознания РАН; *Еремеев А.В.* – д-р физ.-мат. наук, зам. директора Омского филиала Института математики им. С.Л. Соболева РАН; *Золян С.Т.* – д-р филол. наук, проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта; *Ильин М.В.* – д-р полит. наук, профессор, канд. филол. наук, руководитель центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; *Кузнецов А.В.* – член-корр. РАН, д-р экон. наук, директор ИНИОН РАН; *Пивоваров Ю.С.* – академик РАН, д-р полит. наук, научный руководитель ИНИОН РАН; *Санников С.В.* – канд. истор. наук, науч. сотр. лаборатории по семиотике и знаковым системам Новосибирского государственного университета, директор по коммуникативным проектам и международному сотрудничеству АО «Технопарк Новосибирского академгородка»; *Спиоров А.В.* – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории моделирования эволюции Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН; *Фомин И.В.* – канд. полит. наук, независимый исследователь; *Чалый В.А.* – д-р филос. наук, проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта; *Чебанов С.В.* – д-р филол. наук, проф. кафедры математической лингвистики СПбГУ

Ответственный за выпуск – **М.В. Ильин**

Ответственные за номер – **М.В. Ильин, Т.А. Корнев**

МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – 188 с.

М 54

ББК 72.3
УДК 009

DOI: 0.31249/metodquarterly/02.02.00

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

METHOD

**MOSCOW QUARTERLY JOURNAL
OF SOCIAL STUDIES**

Part 12
(continuation of the yearbook series METHOD)
Volume 2 No 2

Moscow
2022

Published by decision of the Academic Council of INION RAN

Editor-in-Chief

Mikhail Ilyin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial Board

Vladimir Avdonin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Valentin Bazhanov, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia);

Vadim Chaly, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia);

Sergey Chebanov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);

Valery Demyankov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Anton Eremeev, Omsk Branch of Sobolev Institute of Mathematics, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia);

Ivan Fomin, Independent researcher;

Elena Grebenshikova, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Mikhail Ilyin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Alexey Kuznetsov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Yuri Pivovarov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Sergey Sannikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); Technopark of Novosibirsk Akademgorodok (Novosibirsk, Russia);

Alexander Spirov, Sechenov Institute of Evolutionary Physiology and Biochemistry, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Suren Zolyan, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

Responsible Editor of the Volume

Mikhail Ilyin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Responsible Editor of the Issue

Mikhail Ilyin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ivan Fomin, Independent researcher

DOI: 0.31249/metodquarterly/02.02.00

ISBN 978-5-248-01080-6

© INION RAN, 2022

ТЕМА НОМЕРА:
Смыслообразование и оязыковление

СОДЕРЖАНИЕ

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

<i>Золян С.Т.</i> Прагмасемантика – интерфейс и механизм смыслообразования	7

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ С.Т. ЗОЛЯНА

<i>Демьянков В.З.</i> «Я» – создатель возможных миров, бесценных слов транжир и мот	19
<i>Тульчинский Г.Л.</i> Семь прагмасемантических операционализаций контекстов смыслообразования	23
<i>Тискин Д.Б.</i> Является ли значение <i>я</i> контекстно зависимым?	34

ОЯЗЫКОВЛЕНИЕ

<i>Ильин М.В.</i> Люди создали себя рекурсией, референцией и оязыковлением	41
<i>Киосе М.И.</i> Концепция оязыковления в работах П. Тибо	82
<i>Ходж Б.</i> Мотивированные знаки как шарнирные понятия для понимания роли мотивированных знаков в семиотике Гюнтера Кресса	97

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОЦИЯ

<i>Демьянков В.З.</i> Базы данных: синтаксис, семантика, прагматика и «интерпретирующий зигзаг»	118
<i>Корнев Т.А.</i> Говорить и думать иначе. Обзорный реферат работ Стивена Каули	124
<i>Свирчевский Д.А.</i> Оязыковление: специальный выпуск журнала «Итальянское обозрение философии языка». (Обзор)	134
<i>Бутакова А.В.</i> «Я», «другое» и «другой» в жизненном мире: обзор работ Г. Сонессона	148
<i>Свирчевский Д.А.</i> Мультиmodalный подход Г. Кресса и Т. ван Левена: чтение визуальных образов. (Реферат)	159

РЕЦЕНЗИИ

<i>Евстифеев Р.В.</i> Путь очеловечивания: язык, сознание, гуманность. (Рецензия)	176

ISSUE TOPIC:
Semiosis and languaging

CONTENTS

PRAGMASEMANTICS AND SEMIOSIS

Suren Zolyan. Pragmasemantics – An Interface and Mechanism
of Meaning Production..... 7

The Discussion of the Suren Zolyan’s Article

Valery Demyankov. «I» – The Creator of Possible World, Spender
and Prodigal of Priceless Words 19

Grigorii Tulchinskii. Seven Pragmasemantic Operationalizations
of Meaning Generation Contexts 23

Daniel Tiskin. Is the Meaning of *I* Context-Dependent?..... 34

LANGUAGING

Mikhail Ilyin. Humans Shaped Themselves from Animals
by Recursion, Reference and Languaging..... 41

Maria Kiose. Paul Thibault’s Theory of Languaging 82

Bob Hodge. Motivated Signs as Hinge Concepts for Understanding
the Role of Motivated Signs in Gunther Kress’s Semiotics..... 97

BIBLIONAVIGATOR

Valery Demyankov. Databases: Syntax, Semantics, Pragmatics
and «Interpretive Zigzag» 118

Timofey Kornev. To Speak and to Think Otherwise.
A Summary Review of Stephen Cowley’s works 124

Dmitriy Svirchevskiy. Languaging. Special Edition
of «Italian Journal of Philosophy of Language». (A Review) 134

Anastasia Butakova. Ego, Alius and the Alter Inside Lifeworld:
The Summary of Göran Sonnesson’s Works 148

Dmitriy Svirchevskiy. Multimodal Approach of G. Kress
and T. van Leeuwen: Reading of visual Images 159

REVIEW

Roman Evstifeev. The Path of Humanizing : Language,
Consciousness, Humanity. (Review) 176

Золян С.Т.¹

Прагмасемантика – интерфейс и механизм смыслообразования²

Аннотация. Предлагается расширенное понимание прагмасемантики как семантики контекстно зависимых языковых структур. Она рассматривается как платформа-интерфейс для корреляции/преобразования внутрисистемных семантических единиц и экстралингвистических объектов. Это позволяет установить отношения между гетерогенными факторами, которые предстают как рекурсивная интерпретация, своего рода «странная» герменевтическая петля (Hofstadter), возникающая в результате каскадов создаваемых значений. При таком понимании прагмасемантика представляет собой семантическую систему языкового каскада интерфейсов, или подсистем, представляющую отношение между миром, языком и контекстом. Центром возможных соотношений являются «семиотические Я» (Ю.М. Лотман) различных подсистем. Рефлексивная петля Я – *тот, кто говорит «Я»* (Бенвенист), отождествляет и одновременно преобразует реального Я-говорящего в объект языка, местоимение «Я», и на него могут быть перенесены логико-семантические и лингвосомиотические операции. «Я» является не только указанием на говорящего, но и ключевым механизмом само-, мета- и ино-описания и соотнесения высказывания с его актуальными и потенциальными контекстами. Существуют различные «я», возникающие в процессе перехода от материального говорящего к семиотическим «Я», на основе которых осуществляется взаимодействие между высказываниями и контекстами. Это указывает на то, что между языком и речью, между высказыванием и контекстом возникают промежуточные подсистемы-интерфейсы. В результате «Я» как интерфейс между текстом, языком и контекстом может расщепляться на семиотически различные «Я», каждое из которых является центральной точкой соответствующей подсистемы (само-) референции и (само-) описания.

Ключевые слова: прагмасемантика; прагматика; контекст; местоимение «Я»; авто-референция; ино- и самоописание; система наблюдения.

Для цитирования: Золян С.Т. Прагмасемантика – интерфейс и механизм смыслообразования // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 7–18. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01>

---

¹ Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия; surenzolyan@gmail.com

© Золян С.Т. 2022.

² Исследование выполнено за счет гранта РНФ, 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, Калининград, Россия.

Начатая еще в 50-е годы дискуссия относительно разграничения семантики и прагматики интенсивно продолжается вплоть до последнего времени. В целом, несмотря на серьезные разночтения, сформировалось следующее понимание: прагматика, в отличие от семантики, изучает принимаемые знаками значения не в системе, а в контексте. Условно приняв такое разграничение за основу, заметим, что оно страдает кругообразностью, поскольку и то и другое является абстракцией от реальной ситуации: не может быть значения вне контекстов его употребления, и так называемые словарные значения есть абстракция от этих контекстов, равно как и не может быть контекстуальных значений вне их закреплённой в системе языка семантики.

Преодолеть подобный разрыв поможет динамическое понимание смысла, его рассмотрение как процесса или как операции (ср.: [Луман, 2011, с. 46]). Это позволяет установить отношения между разнородными факторами, благодаря чему кругообразность предстает как рекурсивная интерпретация, своего рода герменевтическая петля [Hofstadter, 2007], в результате которой создаются каскады смыслов различной интенсивности (в зависимости от типов дискурса). Однако для этого требуется система взаимоинтерпретирующих механизмов, обеспечивающих интерфейс как между текстом и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом) в целом, так и между промежуточными системами (от контекста в наиболее узком значении как синтагматического окружения лексической единицы до предельно широкого, вплоть до семиосферы в целом) [Лотман, 1984].

В свое время мы предложили понятие *поэтической прагмасемантики* [Золян, 1991 / 2014]. Мы основывались на необходимости терминологического оформления того разграничения, которое было предложено Максом Крессвеллом – как разграничение между прагматикой прагматической и прагматикой семантической¹, а также Ю.С. Степановым, предложившим разграничить прагматику и дейктику [Степанов, 1985, с. 220–224]. Под поэтической прагматикой (в отличие от ориентированной на описание системных контекстуальных факторов прагматики прагматической) мы понимали отношение – функцию, соотносящую высказывание с его контекстами на множестве возможных миров, включающем как актуальный мир в различные моменты времени и воображаемые (поэтические) миры, приписываемые высказыванию. Насколько мы можем судить, на английском этот термин был введен в [Saussure, 2007], но применительно

---

¹ Ср.: «It is right that such an account should be called 'pragmatics' but perhaps it should be called 'semantic pragmatics'. This is because the way in which the context produces the sense is part of the meaning. Pragmatic pragmatics would then study cases where the meaning itself depended on the context. Unlike semantic pragmatics there would be no rules for getting from the context to the meaning, for if there were we could get from there to the sense and it would just be a case of semantic pragmatics» [Cresswell, 1973, p. 238].

к Грайсеанской версии прагматики, ориентированной на описание посредством когнитивных или формальных моделей процессов конструирования значения слушателем [Kecskes, 2016, p. 52]. Мы пришли к необходимости расширить понимание контекста и контекстуальной зависимости единиц текста. Если теоретически еще можно представить изолированное от контекста описание текста (классический структурализм)¹, то сам термин *контекст* указывает на его сопряженность с текстом. Отсылки к контексту как чему-то самоочевидному и само собой объясняющему явно недостаточно – требуется системное описание контекста как механизма смыслообразования². Контекст применительно к тексту не есть нечто заданное извне, а вырастает из самого текста как некоторая рамка, определяющая понимание текста.

Предложенное нами отграничение поэтической прагмасемантики исходило из того, что на семантизацию высказывания влияют не только актуальные, но и воображаемые контексты. Между тем аналогичные процессы характерны и для семантизации непоэтических высказываний, что в логической семантике привело к выработке так называемых моделей 2D семантики [Lewis, 1988; Stalnaker, 2004] и центрированных миров [Cresswell, 1994]. Это не меняет нашего понимания прагмасемантики как интерфейса между прагматикой и семантикой, но с той оговоркой, что подобное расширение характерно не только для поэтического языка, хотя в нем она оказывается представлена в наиболее полном и системном виде, почему и может рассматриваться не как специфический случай расширения общеязыковой семантики, а как прототипическая система³. Поэтому

---

¹ Заметим, что такое описание возможно только при узком понимании текста – как осмысленной последовательности графических или вербальных символов. Между тем при социокультурном понимании текст предстает также и как отношение между собственно текстом, автором и адресатом (см.: Лотман, Пятигорский, 1968), поэтому в предельных случаях возможны и тексты, лишенные знакового выражения (чистый лист бумаги, молчание и т.д.), а наличие такового еще недостаточно для функционирования последовательности знаков как текста (документ без подписи, черновики и т.п.).

² Уместно напомнить «предвидение», сделанное еще в пионерской работе [Ross, 1970, p. 257]: «A precise theory would have to specify formally what features of the infinite set of possible contexts can be of linguistic relevance. Furthermore, these features would have to be described with the same primes which are used for the description of syntactic elements, so that rules which range over syntactic elements will also range over them. While such a theory can be envisioned, and may even eventually prove to be necessary, it is obvious that it does not exist at present».

³ Ср.: «Не только сообщение, но и его адресат и адресант становятся неоднозначными. Наряду с автором и читателем в поэзии выступает “я” лирического героя или фиктивного рассказчика, а также “вы” или “ты” предполагаемого адресата драматических монологов, мольбы или посланий <...> Главенствование поэтической функции над референтной не уничтожает саму референцию, но делает ее неоднозначной. Двойному смыслу сообщения соответствует расщепленность адресанта и адресата и, кроме того, расщепленность референции, что отчетливо выражается в преамбулах к сказкам различных народов» [Яacobсон, 1974, с. 221].

от рассмотрения 2D семантики можно предложить переход к моделям многомерной nD семантики и расширить ранее предложенное понимание прагмасемантики как семантики контекстно зависимых единиц и структур и рассматривать ее как платформу-интерфейс соотношения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров.

Исследования в различных областях показывают, что до настоящего времени нет описания операционально очерченных механизмов непосредственного взаимодействия между семантической системой языка и экстралингвистическими системами, образующими социально-культурный контекст в широком смысле слова. Более того, возможность непосредственной манифестации языка в речь представляется проблематичной. Необходимость промежуточной системы между языком и речью осознавалась еще Ф. де Соссюром, хотя эти размышления остались в его рукописях (см.: [Saussure, 2006], [Vouquet, 2004]). Очевидно и то, что не могут непосредственно взаимодействовать столь разные сущности, как материальный физический объект, звуковые волны, логическая абстракция, ментальные представления, кластер метаязыковых признаков, нейроны и т.д. Очевидно, что всякий раз требуется некоторый механизм перекодировки, или система интерфейсов, преобразующих структуры одной системы в структуры другой. При всем их разнообразии и специфичности, в общем виде эти процессы можно представить как текстуализацию контекста (или самого процесса контекстуализации) и одновременно как контекстуализацию текста (или, аналогично, процесса текстуализации).

Подобная многоуровневая система интерфейсов, которые в свою очередь в процессе дифференциации становятся системами со своими собственными интерфейсами, создает многоуровневый каскад смысловых отношений. В зависимости от характера этих отношений они могут быть идентифицированы как различные типы значений (социальные, культурные, языковые с их особой типологией: прямые, переносные, экспрессивные, дейктические и т.д.). Конкретизируя проблему, можно выделить основной интерфейс взаимодействия между языком и миром. Традиционно его ассоциируют с прагматикой – той сферой, где и когда семантика языка проецируется в мир и где происходит обратный процесс – мир проецируется в язык. При этом имеет смысл ограничить различные области прагматики и, вернувшись к вышеприведенному разграничению Ю.С. Степанова и М. Крессвелла, выделить область, наиболее близкую к семантической системе языка. При таком понимании прагмасемантика есть в наибольшей степени приближенный к семантической системе языка каскад интерфейсов, или подсистем, репрезентирующий само отношение R между миром W, языком L и текстом T в контексте C – это R: (L, W, C/T).

Предполагается, что прагмасемантика – это не буферная или пограничная зона, это именно особая область (или система систем), в которой создаются смысловые и текстуальные структуры. Здесь происходит встре-

ча между становящимися текстом и сами по себе лишенными референции и определяемыми исключительно внутрисистемной дифференциацией интенционалами языковых выражений, с одной стороны, а с другой – не обладающими семиотическими характеристиками элементами и структурами внешнего мира, которые в результате этого становятся контекстом. Посредством прагмасемантических механизмов осуществляется семиозис – возникновение и имплементация рекурсивных семиотических отношений референции и интерпретации. Прагмасемантику можно определить как систему механизмов и операций, определяющих взаимодействие знаковой системы и контекста. Посредством прагмасемантических механизмов осуществляются взаимосвязанные и одновременно противоположно направленные процессы: контекстуализации текста и текстуализации контекста. Описание прагмасемантических операций тем самым может осуществляться в двух направлениях: от текста и контекста к системе языка и от системы языка к таким интегральным семантическим комплексам, как семиосфера, культура и т.п. (эти комплексы могут быть рассмотрены как связное пространство текстов) [Лотман, 1984]. Прослеживание этих разнонаправленных процессов позволяет выделить первичные элементы и структуры прагмасемантики, описав их как семиотический инструментарий (органон) семиозиса.

Первичная модель прагмасемантики есть система отношений-операций между абстрактными операторами, одни из которых принадлежат семантической системе языка, другие – множествам потенциальных миров-контекстов. Если представить их как множество точек, то они будут одновременно принадлежать обоим множествам и предстанут как граница между языком и миром-контекстом. Уже через эти точки-операторы возможен переход к надстраиваемым над первичными моделями семантическим системам, расширяемым контекстам, в ходе которых первичные смыслы дополняются новыми. Особо отметим возможность обратных зависимостей: так, посредством прагмасемантики в систему языка проникает семантическая дифференциация, обусловленная контекстуальными факторами, вследствие чего она постоянно изменяется и находится в состоянии динамического равновесия с экстралингвистической средой. Рассмотрение пограничных точек-операторов приводит к их двойственному описанию – при рассмотрении их наблюдателем «изнутри», с точки зрения системы, и «извне», с точки зрения контекста. Контекстно зависимые единицы демонстрируют это свойство с особой наглядностью. Так, «Я» и абстрактно – как элемент системы языка, обозначающее говорящего, кем бы он ни был, и конкретно – выделяя применительно к любому контексту того, кто говорит. Настоящее время – это время, синхронизированное относительно момента говорения, которое может быть предельно детализировано применительно к конкретному речевому акту.

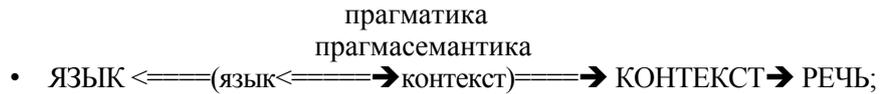
Вместе с тем интерфейсы сами становятся системами. Пространство между языком и речью заполняется промежуточными операциональными

системами, каждая из которых состоит из гетерогенных областей. Это можно изобразить в виде следующей схемы:

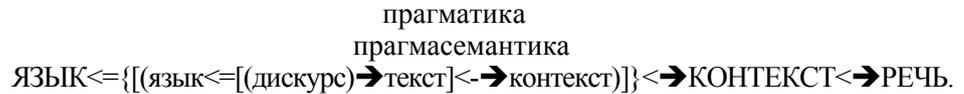
а) недифференцированное понимание прагматики – как описание контекстуальных механизмов актуализации

б) разграничение прагмасемантики от прагматики – как системы, оперирующей непосредственно с контекстно зависимыми единицами и подсистемами языка

с) выделение прагмасемантики как системы контекстуализации текста и формализации (текстуализации) контекста

Приведенные выше теоретические положения можно конкретизировать посредством анализа ключевого для прагмасемантической системы оператора – местоимения «Я». Оно не только указывает на говорящего, относительно которого задаются остальные координаты контекстуализации (место, время, мир); оно одновременно задает границу между различными семиотическими структурами, это уже иное «Я», семиотическое «Я», которое есть отношение между некоторой знаковой структурой и описывающей его метаструктурой.

Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое «я», реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста к некоторому их описывающему метаструктурному пространству [Лотман, 1996, с. 185].

Рассмотрение семантических отношений, которые выражаются посредством местоимения «Я», показывает, что непосредственная референция к говорящему есть лишь одна из возможных семантических функций. Безусловно, базисной можно считать автореферентную рекурсию¹, со-

¹ Ср.: «Лингвистическое время является *аутореферентным* (sui-referentiel)» [Бенвенист, 1974, с. 297].

гласно чеканной формулировке Эмиля Бенвениста: «Я – это индивид, который производит данный речевой языковой акт, содержащий акт производства языковой формы я. Тот есть “ego”, кто говорит “ego”. Мы находим здесь самое основание “субъективности”, определяемое языковым статусом “лица”» [Бенвенист, 1974, с. 287, 294].

Однако следует дополнить и уточнить другое положение Бенвениста, заимствованное им из традиционных представлениях о местоимениях как «пустых» формах: «Язык предоставляет в некотором роде пустые формы, которые каждый говорящий в процессе речи присваивает себе и применяет к своему собственному лицу, определяя одновременно самого себя как я, а партнера как ты» [Бенвенист, 1974, с. 297].

В данном случае «форму» можно понимать не как контейнер, в который говорящий помещает себя, а в смысле сосюровского противопоставления формы и субстанции, в связи с чем можно разграничить «говорящего как «субстанцию» и «говорящего как форму». «Пустые формы» обладают специфическим смысловым потенциалом, это скорее прагматические роли, которые приписывает высказывание говорящему, или, в иной формулировке, различные отношения между говорящим и приписываемым ему высказыванием. Бенвенист верно заметил, что при производстве «Я» не говорящий выбирает высказывание, содержащее «Я», а высказывание выбирает того, кто его производит, обозначая его как «Я». Отношение «Я» к контексту и высказыванию функционирует как механизм само- и иноописания. «Я» становится точкой пересечения высказывания и контекста, с одной стороны, соотнося это «Я» с референтом-индивидом, с другой стороны, с некоторой языковой сущностью, местоимением, включенной в систему языка и детерминированной внутрисистемными связями (оно склоняется, занимает определенную синтаксическую позицию и т.д.).

В качестве элемента языка говорящий становится «говорящим», элементом языковой системы и определяется уже совершаемыми над ним семиотическими операциями. Поэтому возможны различные «Я», возникающие в процессе перехода от говорящего-субстанции к «говорящим» семиотическим формам, определяющим взаимодействие между высказыванием и контекстом. Как было показано выше, между языком и речью, между высказыванием и контекстом возникают промежуточные подсистемы-интерфейсы. Вследствие этого «Я» как интерфейс между высказыванием и контекстом расщепляется на различные по своему статусу «Я», каждый из которых является центром соответствующей подсистемы. Рефлексивная петля Я – тот, кто говорит «Я», отождествляет и одновременно преобразует реального человека, Я-говорящего, в объект метаязыка, местоимение «Я», и на этот объект могут быть перенесены логико-семантические и лингвосомиотические операции. Реальный говорящий может быть только в актуальном мире, однако между ним и текстом выстраивается цепочка промежуточных говорящих (индексов), и «присвое-

ние» текста / языка закрепляется уже за ними. Становится возможным перемещение «Я» в другие миры, времена, локусы, а также установление сходных с метафорическими и метонимическими отношений между я-актуальным говорящим и «Я» высказывания в различных семиотических статусах. «Я» является не только указанием на говорящего, но и ключевым механизмом само-, мета- и иноописания и соотношения высказывания с его актуальными и потенциальными контекстами.

Вышеизложенное приводит к выводу, что формулировка Эмиля Бенвениста должна быть дополнена формулой, которую предложил создатель так называемой кибернетики второго порядка Хайнц фон Ферстер: «Рефлексивное личное местоимение “Я” предстает как бесконечно применяемый рекурсивный оператор, ... или, словами: “Я” есть наблюдаемая связь между мной и наблюдением над за собой» [Foerster, 1981, p. 268]. Различные значения и модусы употребления этого местоимения отражают различные формы связи между «Я» как обязательным агентом речи и наблюдения и «Я» как объектом описания и наблюдения. Это самоописываемое «Я», в свою очередь, может быть как агентом, так и объектом действия. Уже внутри языковой системы создается различие между само- и инореференцией, применительно к которым можно выделить различные семиотические (воображаемые) «Я»-агенты (подробнее см. в: [Золян, 2023]).

Завершая, приведем отрывок, в котором совмещены различные статусы (индексы) местоимения «Я»: совмещение наблюдения и описания, Я-как метафоры и как метонимии, Я-как участника и Я-как-наблюдателя, Я-как Ерофеева и я-как Отелло / Дездемона, Я-как говорящего субъекта и Я-как личности (*self*) ... «Да мало ли что “Я” там делал?»

Может, я играл в бессмертную драму «Отелло, мавр венецианский»? Играл в одиночку и сразу во всех ролях? Я, например, изменил себе, своим убеждениям: вернее, я стал подозревать себя в измене самому себе и своим убеждениям; я себе нашептал про себя – о, такое нашептал! – и вот я, возлюбивший себя за муки, как самого себя, – я принялся себя душить. Схватил себя за горло и душу. Да мало ли что я там делал?» – В. Ерофеев, «Москва – Петушки».

Возвращаясь к нашей схеме, мы можем констатировать, что переход от системы русского языка к речи проходит через ряд промежуточных подсистем семантизации, на каждом из которых появляются различные «Я».

1. Местоимение «Я» – обозначение любого говорящего в контексте его говорения / самоописания.

2. Местоимение «Я» – Христос, Дездемона, Отелло, я-изменивший самому себе – «Я – Веничка» – персонаж романа «Москва – Петушки»¹.

¹ Мы сильно упрощаем данное описание, поскольку подобная семантизация предполагает референцию в обратном направлении. Текст (драма «Отелло») – контекст₁ (ситуация, описанная в драме «Отелло») – контекст₂ (ситуация, описанная в романе «Москва – Петушки»); или текст (Евангелие) – контекст₁ (ситуация, описанная в драме «Отелло») –

3. «Я» – наблюдатель в мире романа, описывающий Венечку (самого себя).

4. Я – наблюдатель в актуальном мире, описывающий Венечку в мире романа.

5. Я – говорящий (автор) в актуальном мире, описывающий наблюдения наблюдателя в мире романа.

6. Я – читатель, наблюдающий на основе представленного автором описания в актуальном мире (текста романа), реконструирующий контекст происшедшего в мире романа (попытка Венечки удержать в себе выпитое, почему он держит себя за горло).

7. Самоописание Венечки, описание Ерофеева, интерпретация читателя.

Оказываются задействованными различные аспекты контекста (внутритекстовые, интертекстуальные, ситуационные, индексальные, коммуникативные). Благодаря их разнородности возникает стереометрическая интерпретация одного и того же действия: малоэстетическое физиологическое действие предотвратить блевание предстает как шекспировская коллизия. Одно и то же «Я» отражается в различных прагмасемантических рамках (зеркала): «Играл в одиночку и сразу во всех ролях». Заметим, что этому отрывку предшествует попытка Венечки замаскировать свое физиологическое действие – представить свое поведение как репетицию ненастоящего действия, т.е. себя – как актера, знака не-себя, а того, кого «Я» изображает¹. А непосредственно за этим следует попытка реконструировать свое отображение как совершаемое попутчиками инонаблюдение: «Я вошел в вагон и сию, страдаю от мысли, за кого меня приняли – мавра или не мавра? плохо обо мне подумали, хорошо ли?».

Возможно ли свести воедино перечисленные семь «Я»? Для обсуждения можно предложить три решения. Первое: представить их взаимодействие в виде матрешки, или рамки внутри рамки, где «Я» читателя-интерпретатора есть основная рамка, в которую заключены все остальные. Второе – представить внеличного надресата (Михаил Бахтин) или сверхчитателя (super-reader, термин Майкла Риффатера), «Я» текста как стратегию его интерпретации. Третья возможность: гипостазировать различные «Я» и представить их в виде некоторого полифонического единства (уже в духе другой концепции М. Бахтина). Особо следует отметить поэти-

---

контекст₂ (ситуация, описанная в романе «Москва – Петушки»). При этом цитата отсылает не столько к самим текстам, сколько созданным на их основе дискурсам.

¹ «Плохо только вот что, вдруг да они заметили, что я сейчас там на площадке выделывал?.. Кувыркался из угла в угол, как великий трагик Федор Шаляпин, с рукою на горле, как будто меня что душило? Ну да, впрочем, пусть. Если кто и видел – пусть. Может, я там что репетировал?» Налицо также и реминисценция к стихам Пастернака: «Как трагик в провинции драму Шекспирову, Носил я с собою и знал назубок, Шатался по городу и репетировал». А Федор Шаляпин, с рукою на горле, видимо упомянут в связи с его ролью Бориса Годунова и знаменитой репликой: *Ой! душно! душно! свету!*

ку романа: с одной стороны, это постоянный внутренний диалог героя с самим собой, он раздваивается на адресанта «Я» и адресата «Ты, Венечка», а с другой – декларируется идентичность автора Венедикта Ерофеева и Венечки.

Однако в данном случае обращение к роману понадобилось нам для демонстрации и конкретизации вышеприведенной концепции прагматической семантики как системы интерфейсов между языком как системой и текстом. Существуют различные «я», возникающие в процессе перехода от материального говорящего к семиотическим «Я», на основе которых осуществляется взаимодействие между высказываниями и контекстами. Это указывает на то, что между языком и речью, между высказыванием и контекстом возникают промежуточные подсистемы-интерфейсы. В результате «Я» как интерфейс между текстом, языком и контекстом может расщепляться на семиотически различные «Я», каждое из которых является центральной точкой соответствующей подсистемы (само-) референции и (само-) описания. Вместе с тем авторекурсивный характер семантики «Я» обеспечивает единство системы в целом. Каждое из «я» не только есть возможность перейти к следующему «Я», но и по принципу герменевтической петли отсылает к предшествующей.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1974. – 446 с.
- Золян С. Семантика и структура поэтического текста. – Ереван : Изд-во Ереванского университета, 1991. – 312 с. – 2-е дополненное издание: М. : УРСС, 2014.
- Золян С.Т. Местоимение «я» : механизм само- и иноописания // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2023. – в печати.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1984. – Вып 641 : Труды по знаковым системам. 17. – С. 5–23.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
- Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. Текст и функция // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам : тезисы. Кяэрику, 10–20 мая 1968 / отв. ред. Ю.М. Лотман. – Тарту : ТГУ, 1968. – С. 74–88.
- Луман Н. Общество общества. Кн. 1. Общество как социальная система. – Москва : Логос, 2011. – 232 с.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Москва : Наука, 1985. – 335 с.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- Bouquet S. Saussures unfinished semantics // The Cambridge companion to Saussure / Sanders C. (ed.). – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – P. 205–218.
- Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things // Observing Systems, The Systems Inquiry Series, Intersystems. – Publications, 1981. – P. 258–271.
- Cresswell M.J. Logics and Languages. – London : Methuen, 1973. – 288 p.
- Cresswell M.J. Language in the World. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 172 p.

- Hofstadter D.R. I Am a Strange Loop. – Basic Books, 2007. – 412 p.
- Kecskes I. Can Intercultural Pragmatics Bring Some New Insight into Pragmatic Theories? // *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society* / Ed. by Alessandro Capone, Jacob L. – Mey Springer, 2016. – P. 43–70.
- Lewis D. Index, Context, and Content / *Papers in Philosophical Logic*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – Vol. 1. – P. 21–44.
- Ross J. On Declarative Sentences // *Readings in English Transformational Grammar*. – 1970. – P. 222–277.
- Saussure F. de. Writings in general linguistics / Ed. by Bouquet S., Engler R. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. – 368 p.
- Saussure L. de. Pragmatic issues in discourse analysis // *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. – 2007. – N 1(1). – P. 179–195.
- Stalnaker R. Assertion Revisited: On the Interpretation of Two-Dimensional Modal Semantics // *Philosophical Studies*. – 2004. – N 118(1/2). – P. 299–322.

Suren Zolyan¹

Pragmasemantics – an interface and mechanism of meaning production²

Abstract. We expand the understanding of pragma-semantics as the semantics of context-dependent linguistic entities and consider it as a platform-interface for the correlation / transformation of intrasystem semantic units and extralinguistic objects and concepts. This makes it possible to establish relations between heterogeneous factors that circularity appears as a recursive interpretation, a kind of a «strange» hermeneutic loop (cf. Hofstadter, 2013), resulting from cascades of meanings created. With this understanding, pragmatics is the semantic system of the language cascade of interfaces, or subsystems, representing the relation of R between the world, language, and context. The reflexive loop: «The “I” is the one who says “I”» (Benveniste, 1966) identifies and simultaneously transforms the real person, the I-speaker, into an object of a language, the pronoun «I», therefore, logical-semantic and lingual-semiotic operations may be extrapolated on this object. The pronoun «I» is an indication of a speaker and a key mechanism for self-, meta- and other-description and correlation of an utterance with its actual and potential contexts. Various «I»s emerge within the transition process from some actual speaker to the semiotic «I», which is the critical entity for interaction between utterances and contexts. This demonstrates that intermediate subsystems-interfaces arise between language and speech, between utterances and contexts. As a result, the «I» as the interface between text, language, and context can be split into semiotically distinct «I»s, each of which is the central point of the corresponding subsystem of (self-) reference and (self-) description.

Keywords: pragmasemantics; pragmatics; context; pronoun «I»; auto-reference; other- and self-description; observation system.

For citation: Zolyan S. (2022). Pragmasemantics – an interface and mechanism of meaning production. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 7–18. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01>

---

¹ **Suren Zolyan**, Dr. Sc., professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, e-mail: surenzolyan@gmail.com

² The research is supported by the Russian Science Foundation, project N 22-18-00591 «Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning production» at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

References

- Benveniste E. (1974). *Obshhaja lingvistika*. M.: Progress. (In Russ.)
- Bouquet S. (2004). Saussures unfinished semantics. In: *The Cambridge companion to Saussure* (pp. 205–218). Sanders C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Cresswell M.J. (1973). *Logics and Languages*, London, Methuen.
- Cresswell M. (1994). *Language in the World*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Hofstadter D.R. (2007). *I Am a Strange Loop*. Basic Books.
- Foerster von H. (1981). Notes on an epistemology for living things. In: *Observing Systems, The Systems Inquiry Series, Intersystems. Publications*, 258–271.
- Jakobson R.O. (1975). Lingvistika i pojetika. In: *Strukturalizm «za» i «protiv»*. M.: Progress, 193–230. (In Russ.)
- Kecskes I. (2016). Can Intercultural Pragmatics Bring Some New Insight into Pragmatic Theories? In: *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society* (pp. 43-70). Alessandro Capone, Jacob L. Mey (Eds.). Springer.
- Lewis D. (1988). Index, Context, and Content. In: *Papers in Philosophical Logic, Volume 1* (pp. 21–44). Cambridge: Cambridge University Press.
- Lotman Yu.M. (1984). On the semiosphere. *Proceedings on sign systems*, 17, 5–23. Tartu: Tartu University Press. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. (1996). *Inside Thinking Worlds. Man - text - semiosphere - history*. M.: Languages of Russian culture. (In Russ.)
- Lotman Yu.M., Pyatigorsky A.M. (May 10–20, 1968). Text and Function. In: *III Letnjaja shkola po vtorichnym modelirujushhim sistemam: Tezisy* (pp. 74–88). Tartu: Tartu University Press. (In Russ.)
- Luhmann N. (2011). *Obshhestvo obshhestva*. M: Logos. (In Russ.)
- Ross J. (1970). On Declarative Sentences. In: *Readings in English Transformational Grammar* (p. 222–277).
- Saussure F. de. (2006). *Writings in general linguistics*. Bouquet S., Engler R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Saussure L. de. (2007). Pragmatic issues in discourse analysis. *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*, 1(1), 179–195.
- Stalnaker R. (2004). Assertion Revisited: On the Interpretation of Two-Dimensional Modal Semantics. *Philosophical Studies*, 118(1–2), 299–322.
- Stepanov Yu.S. (1985). *V trehmernom prostranstve jazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva*. M.: Nauka. (In Russ.)
- Zolyan S. (1991). *The semantics and structure of the poetic text*. Yerevan University Press. (In Russ.)
- Zolyan S.T. (2023). Mestoimenie «ja»: mehanizm samo- i ino-opisanija. *Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova (in press)*. (In Russ.)

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ С.Т. ЗОЛЯНА

DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.02

Демьянков В.З.¹

«Я» – создатель возможных миров, бесценных слов транжир и мот

Аннотация. Значение личных местоимений зависит от интерпретации окружающего текста и окружающего «возможного мира», в который этот текст погружен вместе с его обитателями («Я»). При этом имеем следующее распределение задач семантики и прагматики при установлении контекстно обусловленного значения языковых знаков: семантика отвечает за прямое, «конструкционное» значение языкового знака (вычисляемого на основе «лексического» значения элементарных составляющих плюс значение конструкции), а прагматика – за переносное, иногда уникальное, присущее только конкретному сочетанию знаков в тексте и не совпадающее с прямым. Взаимодействие семантики и прагматики происходит на различных уровнях знаков, включая в себя словообразование, построение предложения, текста и т.д. В результате интерпретация текста выглядит как своеобразный зигзаг переходов с уровня на уровень, когда для сочетания проинтерпретированного фрагмента сначала вычисляется прямое значение, а на основе его – переносное. Семантика местоимения «Я», т.е. прямое значение, – «автор интерпретируемого фрагмента текста», а прагматика включает множество возможных референтов в создаваемом возможном мире сначала средствами семантики, а затем – прагматики, приводящей к реальному миру, с уникальным (неконструкционным) референтным наполнением. Реальный мир – прагматически проинтерпретированный фрагмент окружения для референта «Я», мир, в котором «Я» живет, обладая правами владельца, время от времени преобразующего свое окружение. При таком распределении задач прагматика как вычисление неконструкционного значения всегда опирается на семантику. Тогда пытаются установить не прямое значение в опоре на знание того, как данный сложный знак интерпретировался в предыдущих эпизодах его употребления.

Ключевые слова: семантика; прагматика; переносное значение; личное местоимение; интерпретация текста; семантика возможных миров.

Для цитирования: Демьянков В.З. «Я» – создатель возможных миров, бесценных слов транжир и мот // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 19–22. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.02>

---

¹ Демьянков Валерий Закевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН, e-mail: vdemiank@mail.ru

© Демьянков В.З. 2022.

Статья С.Т. Золяна затрагивает несколько проблем, из которых сосредоточусь на двух.

1. Что означает (какова семантика) и как употребляется (какова прагматика) местоимения *Я*?

2. Чем в принципе различаются семантика и прагматика? И каково это различие применительно к лексическим единицам типа *Я, ты* и т.п.?

Возьмем старый анекдот:

«Фурманов: Василий Иванович, сын моего отца, а мне не брат. Кто это?»

Чапаев: Кто?

Фурманов. Да это же я!

Чапаев: Здорово, задам-ка я этот вопрос Петьке. Петька, сын моего отца, а мне не брат. Кто это?

Петька: Кто?

Чапаев: Вот балда! Да это же Фурманов!»

Логически возможный мир, в котором проживает «Я», далеко не всегда представляет собой многоэтажный дом или коммунальную квартиру, твердо закрепленных на земле: иногда этот мир скорее похож на юрту, которую владелец быстро сворачивает, перевозит на другое место и там легко разворачивает. Владелец юрты, в которую постучались гости, может через дверь ответить: «Дома никого нет!» Похожая фраза «Меня дома нет» допустима только с извинениями типа: «Меня ни для кого дома нет», т.е.: «Если спросят, есть ли кто дома», скажи: «Дома никого нет, а особенно меня».

Иначе говоря, *Я* — имя хозяина «приватизированного» возможного мира, в который посторонние допускаются только с разрешения этого *Я*.

В 1960–70-е годы термин прагматика особенно часто употреблялся в двух видах значения: употребление (контекстуализация) языковых выражений и переносное значение этих значений. Подумав и обсудив, эти группы, впрочем, постепенно пришли к тому мнению, что «переносное», т.е. реальное, значение выражений и есть «контекстно обусловленное», включенное в состав действий человека (прагматики как науки о праксисе). Наиболее наглядно это в случае словообразования. Позволю себе здесь самоцитирование:

«Выражения, обладающие лексическим значением, бывают элементарными (морфемы) и конструируемыми (производные слова, словосочетания, предложения, целые тексты). Трансфер начинается с того, что буквальный, или «композиционный», смысл целого выражения, прямо выводимый из значения конструкции плюс значения составных частей, получает «приращение», напоминающее добавочную стоимость в экономике. В итоге соединение корневых морфем *ног-* и *рук-* (как в словах *нога* и *рука*) с суффиксом *-к* дает сложные единицы *ручка* и *ножка*, обозначающие маленькую руку и ногу. Такое значение получается в соответствии с правилами «композиционной семантики»: значение корня плюс значение суффикса. Эта же композиция по другим, менее массовым законам обозначает «инструмент для письма» и «часть стула или стола». В рамках конструкции могут изменяться составные элементы звукового облика: в наших примерах чередуется послед-

ний согласный корня. А целое получает смысловую модификацию – «небуквальное значение», или «переносный смысл», например метафорический, – когда из-за внешнего сходства о письменной принадлежности говорят как о маленькой руке, а об опоре стола – как о маленькой ноге.

Некомпозиционные смысловые переходы называют прагматическими, поскольку они связаны не столько со свойствами знаков самих по себе, «в вакууме», сколько с закономерностями и случайностями употребления людьми. Так почему бы инструмент для письма не назвать ножкой? Шариковая ножка – тоже красиво. А стул на кривых ручках вызывал бы слезы умиления при мысли о трогательной гимнастке-неумехе.

Тайны прагматического привеса окружают и словосочетание. Например, *анютины глазки* – название определенного цветка, базирующееся на композиционном смысле «органы зрения милого существа по имени Анюта» (ср. *Анютины глаза* с той же семантикой) плюс прагматическое приращение, отсутствующее в толковании русских слов *Анюта*, *глаза* и суффикса *-к*. Да и предложение, бывает, обрастает небуквальностью, прямо не выводимой из смысла составных частей, например: *бабушка надвое сказала*. Так что читатель, глядящий в книгу и видящий в ней совсем иное, уже стоит на прагматическом краю трансфера» [Демьянков, 2020, с. 79].

Иначе говоря, закономерные, предсказуемые переходы от буквального к контекстно обусловленному значению семантически, а непредсказуемые и уникальные – сфера прагматики. В более ранней работе [Демьянков, 1985] это положение распространяется на все уровни языка, включая и синтаксис предложения.

Местоимение *Я* – своеобразный джокер, его семантика – «автор данного звучащего и / или читаемого текста», по Э. Бенвенисту, «индивид, который производит данный речевой языковой акт, содержащий акт производства языковой формы я... Тот есть “ego”, кто говорит “ego”» [Бенвенист, 1974, с. 287]. А прагматика («прагмасемантика») – здесь я абсолютно согласен с С.Т. Золяном – семантика контекстно зависимых языковых структур, «платформа-интерфейс для корреляции / преобразования внутрисистемных семантических единиц и экстралингвистических объектов». Фурманов, Чапаев и Петька (именно в этом порядке они фигурируют в бородатом анекдоте) являются такими экстралингвистическими объектами, у которых пытливый интерпретатор выявляет столь экзотичные родственные корреляции.

Вопрос: а есть ли в прагматике как лингвистической дисциплине еще что-либо, не охватываемое термином *прагмасемантика*?

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – Москва, 1974. – 446 с.
Демьянков В.З. Синтаксис, семантика, прагматика и интерпретирующий зигзаг // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1983. – С. 21–26. – Переп. в книге:

Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. – М., 1985. – С. 33–40.

Демьянков В.З. Трансфер знаний и переносное значение // Междисциплинарные исследования культурного трансфера : философия, лингвистика, медицина : сборник научных статей. – Москва, 2020. – С. 76–94.

Valery Demyankov¹

«I» – The Creator of Possible Worlds,
Spender and Prodigal of Invaluable Words

Abstract. Personal pronouns mean different things depending on how the surrounding text and the surrounding world are interpreted, together with inhabitants of the world, such as «I». Semantics and pragmatics collaborate in computing the context-dependent meanings of linguistic signs. Thus, semantics yields the direct constructional meaning, the starting point for this computation are lexical meanings of elementary text parts plus the meanings of the construction as such. Pragmatics yields figurative meanings which may be less routinized, uniquely characterizing a concrete sign combination in the text under interpretation. This figurative meaning does not always coincide with the direct meanings. The semantics – pragmatics interaction during text interpretation is accomplished at different levels of linguistic signs, including i.a. word formation, sentence construction, text structure, etc. Such text interpretation looks like a zigzag, a movement from level to level, in which every time direct meanings serve as starting points for figurative meanings. Semantics of the personal pronoun 'I', that is, its direct meaning, looks like «the author of the text fragment currently under interpretation». Its pragmatics includes mentioning of referents in the possible world being created in the framework of such interpretation. The real world looks like a pragmatically interpreted fragment of the context of the referent of 'I', it is the world lived in and possessed by this «I», from time to time modifying his or her domicile. Pragmatics as non-constructional meaning ascription always relies on semantics to which is added our knowledge of how these same sign combinations were used and understood in previous episodes of their use.

Keywords: semantics; pragmatics; figurative meaning; personal pronoun; text interpretation; possible world semantics.

For citation: Demyankov V.Z. (2022). «I» – the creator of possible world, spender and prodigal of invaluable words. *METHOD : Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 19–22. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.02>

References

- Benveniste E. (1974). *Obshhaja lingvistika*. M.: Progress. (In Russ.)
- Demyankov V.Z. (1983). Sintaksis, semantika, pragmatika i interpretirujushhij zigzag. In: *Soderzhatel'nye aspekty predlozhenija i teksta* (pp. 21–26). Kalinin. Reprinted in: (1985). *Osnovy teorii interpretacii i ee prilozhenija v vychislitel'noj lingvistike* (pp. 33–40). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
- Demyankov V.Z. (2020). Transfer znanij i perenosnoe znachenie. In: *Mezhdisciplinarnye issledovanija kul'turnogo transfera: filosofija, lingvistika, medicina: sbornik nauchnyh statej* (pp. 76–94). Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk. (In Russ.)

---

¹ Valery Demyankov, Institute of Linguistics of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: vdemiank@mail.ru

Тульчинский Г.Л.¹

**Семь прагмасемантических операционализаций
контекстов смыслообразования²**

Аннотация. Работа содержит попытку операционализации прагмасемантического подхода, который предложен С.Т.Золяном. Речь идет о систематическом рассмотрении различных способов конкретизации контекстов смыслообразования, которыми выступают системы социально-культурных практик. Тем самым открывается возможность показать – как взаимодействуют основные факторы смыслообразования: социально-культурные практики и субъектность. Концепт ценностно-регулятивных систем позволяет операционально представить такие факторы смыслообразования, как ценности (цели, способы и возможности реализации разных способов практической деятельности. Такие системы предстают интерфейсами смыслообразования. Их взаимодействие нелинейно. Универсальным интерфейсом является субъектность. Она позволяет переходить от одной ценностно-регулятивной системы к другой, порождать новые системы. В свою очередь, субъектность является результатом усвоения социально-культурного опыта и сопровождающей коммуникации нарративного формата. Самосознание Я, являясь результатом социализации личности в ее рефлексивном самоописании, замыкается на себе, оказываясь интерфейсом, реализующим взаимодействие между реальным и любым иным возможным миром, переход от ситуации физической действительности в воображаемую – и наоборот, а то и рассматривать их одновременно. В этой связи специальное внимание уделено апофатической природе смыслообразования. Это вполне соответствует идее Ф. де Соссюра о языке, как о замкнутой на себя структуре, в которой главное – не внешняя референциальность (связи означающих и означаемых условны, будучи обусловлены использованием языка), а внутренняя дифференциальность означающих, т.е. пробелы, паузы, дистанции, пустоты. Подобно слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, является условием феномена зрения, так и субъектность – трансцендентальный субъект, точка сборки свободы и ответственности – суть ничто, творящее смысл из ничто, означающее без означаемого, порождающее означаемые за счет выхода в бахтинскую позицию венаходимости, в out, в новый внешний контекст. Таким образом, прагмасемантика смыслообразования предстает интерфейсом с довольно строгим алгоритмом, который задается контекстами соответст-

---

¹ **Тульчинский Григорий Львович**, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург, научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). e-mail: gtul@mail.ru

© Тульчинский Г.Л. 2022

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в БФУ им. И. Канта.

вующих социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как источника прокреативной преадаптации системы этих практик.

Ключевые слова: апофатика; контекст; прагмасемантика; прокреация; смыслообразование; социально-культурные практики; субъектность.

Для цитирования: Тульчинский Г.Л. Семь прагмасемантических операционализаций смыслообразования // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 23–33. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.03>

Откликаясь на текст Сурена Тиграновича Золяна и соглашаясь с автором как в выборе удачного и перспективного концепта прагмасемантики, так и открывающегося в нем перспективного подхода к раскрытию механизмов смыслообразования, считаю полезным продолжить возможности конкретизации такого подхода в плане его операционализации, показать, что он позволяет обобщить и систематизировать уже имевшиеся наработки и идеи, наметить их развитие.

Сурен Тигранович справедливо отмечает, что исследования в различных областях показывают, что до настоящего времени нет описания операционально очерченных механизмов непосредственного взаимодействия между семантической системой языка и экстралингвистическими системами, образующими социально-культурный контекст в широком смысле слова. Возникает необходимость в перекодировке или наборе интерфейсов, преобразующих структуры одной системы в структуры другой. При всем их разнообразии и специфичности в общем виде эти процессы можно представить в качестве текстуализации контекста (или самого процесса контекстуализации) и одновременно как контекстуализацию текста (или, аналогично, процесса текстуализации). Такой прагмасемантический каскад интерфейсов между миром, языком и контекстом – не просто буферная или пограничная зона, а именно особая область (или – система систем), в которой создаются смысловые и текстуальные структуры.

С прагмасемантикой С.Т. Золяна связывает и второе принципиальное обстоятельство смыслообразования – роль субъектности, которую он связывает с ключевым для прагмасемантической системы оператором – местоимением «Я». Оно не только указывает на говорящего, относительно которого задаются остальные координаты контекстуализации (место, время, мир); оно одновременно задает границу между различными семиотическими структурами, это уже иное «Я», семиотическое «Я», которое есть отношение между некоторой знаковой структурой и описывающей его метаструктурой.

В рамках предложенного С.Т. Золяном подхода интерес представляют несколько попыток решения задачи операциональной конкретизации контекстов смыслообразования.

1. Речевые акты. Описание речевых актов не сводится к семантическому содержанию сообщения (message). Двусторонние процессы порождения текста в речевых актах, включая локуцию (семантическое содержание сообщения), иллокуцию (прагматическое, перформативное содержание) и перлокуцию (достижение цели коммуникативного воздействия) [Austin, 1962; Searle, 1985], предполагают учет позиции субъекта, инициирующего сообщение (прежде всего репертуар его целей, намерений); позицию адресата (репертуар его возможных реакций); ситуационное социальное пространство (социальную сцену [Шурипа, 2021]) и время (прошлое, настоящее и будущее) речевого акта. Более того, речевые акты существуют в конечном счете не сами по себе, а исключительно благодаря порождающему их сознанию, что предполагает теорию сознания, способного представлять («репрезентировать») существующие в мире вещи. В этой связи Д. Сёрль использует понятие интенциональности – направленности сознания на предметы и действия с ними, а в конечном счете de facto приходит к необходимости решения отмеченной ранее двойственной задачи: конституирования социально-культурного и субъектного факторов смыслообразования – вплоть до структуры цивилизации [Searle, 1980; Searle, 1997; Searle, 2010] и мозга [Searle, 1992].

2. Описание социально-культурных практик. Среди таких описаний наиболее известны «порядки» и «фреймы» [Гофман, 2004; Латур, 2014]. Наиболее полно такой подход был реализован Л. Болтански и Л. Тевено в связи с конкретизацией ими различных этосов, или «градов», социально-культурных практик (экономической, политической, креативной, символической, военно-бюрократической), различающихся своими предметами, акторами, высшими ценностями, целями, ресурсами, спецификой профессионализма, испытаниями, оцениванием, критериями успешности и провала и т.д. [Болтански, Тевено, 2013]. Такие описания задают общую социологическую рамку различения социально-культурных практик. Однако эта рамка оказывается слишком сложной для ее «дискурс-конвертации».

3. Информационно-целевой анализ. Прослеживание непосредственно конвертации интенциональности в тексте было реализовано Т.М. Дридзе в информационно-целевом (мотивационном) анализе текста, позволяющем реконструировать «цепочку», а точнее – «дерево целей» построения текста, который предстает структурой – целевой конструкцией воплощения конкретного смысла [Смысловое восприятие ..., 1976; Дридзе, 1980; Дридзе, 1984]. Такой подход особенно продуктивен при анализе нормативных, распорядительных документов, прочих материалов, необходимых при разработке проектов и программ. Однако он предполагает тщательную и довольно трудоемкую «ручную работу» с текстом.

4. Структура деятельности и логика целевого управления. Любая рационально выстроенная деятельность предстает как система, во-первых, целей, определяющих направленность деятельности по достижению опре-

деленного результата, во-вторых, норм (правил) осуществления такой деятельности и, в-третьих, средств, необходимых для этого. В этой связи была предложена концепция логики управления и программно-целевого подхода (как последовательного обобщения структурного, функционального, комплексного и системного подходов), представляющего алгоритмом смыслообразования, интегрирующим контексты целей (потребностей, необходимого результата), норм (как правил, ведущих к желаемому результату) и реальных возможностей [Ладенко, Тульчинский, 1988; Тульчинский, 1987].

Тем самым информационно-целевой анализ текста и логика целевого управления открывают три перспективы дальнейшей конкретизации прагмасемантического подхода как выработки операционального интерфейса смыслообразования: как структурного содержания смысловых структур; как динамики социально-культурных факторов их порождения; как сведения двух предыдущих планов.

5. Ценностно-нормативный синтез знания и стереометрическая семантика. В плане структурного содержания (компонентов) смысловых структур информационно-целевой анализ текста и логика целевого управления позволяют представить осмысление и смыслообразование в качестве трехмерности модусов: фактичности, необходимости и реализуемости. Описания, оценки и нормы, фиксирующие соответственно эти модусы, предикативны и корреспондентны, что открывает возможность ценностно-нормативного анализа, обоснования семантики практических рассуждений. Так, помимо истинности как соответствия неким фактам возможны иные семантические соотношения, что позволяет расширить применения семантического аппарата и аппарата модальной логики в «стереометрическом» соотношении описания реальности (истинное знание) с описаниями должного (знание необходимого) и возможного (знание реализуемости).

Тем самым традиционная логическая семантика становится частью «стереометрической семантики», с позиций которой основной формой осмысления является идея как синтез знания реальности (истины), ценности или цели (оценки) и программы ее реализации (нормы) и трактовка идеи как ценностно-нормативного синтеза осмысленного знания [Тульчинский, 2001]. Так в модели Й.Галтунга-Х.Р.Алкера-мл. научная деятельность представлена как единство («треугольник») фактичности, теории и цели (ценности) [Galtung, 1977; Алкер, 2014].

6. Ценностно-регулятивные системы и динамика институционализации смыслообразования. В плане операционализации порождения и динамики смыслообразования требуется система социально-культурных факторов этого процесса. В качестве такой системы была предложена идея ценностно-регулятивных систем (ЦРС) [Между миром и языком ..., 2022; Тульчинский, 2022], обобщающая ранее предложенные концепции систематизации социально-культурных практик как «функциональных систем» [Соколов, 1972], «нормативных систем» [Розов, 1977], «ценностно-нормативных систем» [Тульчинский, 2019, с. 42–44, 52–62], «логономиче-

ских систем» [Hodge, Kress, 1988]. Многообразие видов социально-культурных практик может быть конкретизировано с помощью концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС).

Понятие ЦРС фактически является развитием и обобщением фундаментальной идеи Г.Фреге, рассматривавшего смысл как «способ данности» предмета [Frege, 1892]. Каждый из таких способов данности задается в соответствии с определенными критериями, т.е. рационально. Если рациональность понимать как механизм социальной детерминации познания, представляющий собой устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально значимых целей, то эта трактовка также выражается в идее ЦРС, каждая из которых задает свой канон осмысления (логономию) [Ильин, 2020; Фомин, Ильин, 2019]. Следующий уровень конкретизации конвертации смысла удачно описан В.З.Демьянковым как интерфейс поэтапного алгоритма использования лингвистического инструментария [Демьянков, 1985].

Важна роль взаимосвязи смыслового и социально-организационного аспектов развития ЦРС. Они неразрывно связаны и взаимостимулируют друг друга: динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации от идей и неформального общения до развитых институтов. Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию, с одной стороны, все более распределенному, а с другой – формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. Каждое предложенное исследователем понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние – суть институционализированные понятия [Тулмин, 1984]. Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, концепция ЦРС дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии [Норт, Уоллис, Вайнгафт, 2011] – как формируются социальные институты.

7. Метаконтекст: субъектность и апофатика. Проведенное выше рассмотрение ограничивается производством и воспроизводством определенных ситуаций, когда смысл предстает некоей ситуационной социальностью, моделируемой до автоматизма «от 3-го лица», с минимальной ролью, если не элиминацией субъектности «от 1-го лица». Между тем самое важное и интересное в динамике смыслообразования – это выбор ситуации и место в ней, возможность нахождения вне ситуаций и между ними, а значит, и смена контекстов, т.е. переход от одной социально-культурной практики к другой, а то и создание новых практик. Такая ситуативная подвижность, активность в позиционировании, способность к лиминальности по сути дела являются характеристиками субъектности – самосознания Я, которое возникает в процессе социализации, освоения личностью социально-культурных практик (ЦРС), сопровождаемого дискурсивной коммуникацией, в которой родители, учителя вырывают лич-

ность из причинно-следственных связей, замыкая их на ней, делая актором, *causa sui*, причиной происходящего. И к третьему году жизни ребенок осваивает нарратив от 1-го лица, являющуюся текстологической основой самосознания и памяти [Damasio, p. 384].

Фактически субъектность – эпифеномен культуры. Тем не менее этот эпифеномен дает возможность его носителю выстраивать целостный осмысленный нарратив самосознания (памяти), возвращаясь к его началу и переписывая начальные «главы» [Хенрих, 2018]. Речь идет о целостной, но незаконченной и неполной системе, открытой к новому развитию.

В своем рефлексивном самоописании самосознание самости замыкается на себя в духе известных парадоксально самопорождающих гравюр М. Эшера, образует «странную петлю» Д. Хофштадтера [Хофштадтер, 2022]. Это и есть трансцендентальный субъект – перекрученная «лента Мебиуса» бытия – интерфейс, реализующий взаимодействие между реальным и любым другим возможным миром, переход от ситуаций физической реальности к реальности надежд, тревог, желаний – и наоборот. Недаром в хайдеггеровском выражении человеческого бытия как *Dasein* (вот-бытие) местоимение *da* имеет два значения: «здесь» и «там» (как, впрочем, и амбивалентное русское «вот»).

В «странной петле» самосознания внутреннее замыкается на внешнее, социальное на индивидуальное. Тем самым носитель самосознания обретает горизонт видения мира, уходящий за рамки физического присутствия, а с этим и способность не только к реагированию на ситуативность, но и к потенцированию ситуативности, прокреативному преадапционному реагированию на свое окружение [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Человек как ..., 2022].

Фокусировка этой петли, подобно центру тяжести тора, находится вовне любой ситуации, в пустоте аута бахтинской вневходимости. В философии и эстетике давно отмечается творящая роль пустоты, «использование пустоты как источника энергии для воображения» [Шурипа, 2021, с. 20], позволяющей видеть эстетические объекты, этические жесты, эмоциональные оценки и прочие оттенки осмысления. Это вполне соответствует идее Ф. де Соссюра о языке как о замкнутой на себя структуре, в которой главное – не внешняя референциальность (связи означающих и означаемых условны, будучи обусловлены использованием языка), а внутренняя дифференциальность означающих, т.е. пробелы, паузы, дистанции, пустоты [Соссюр, 1999; Эпштейн, 2004].

Будучи самоописывающей рефлексивностью, субъектность – система противоречивая с точки зрения традиционной логической семантики, катафатической, ориентированной на позитивную непустоту универсума рассуждения. Однако как противоречив фольклор, дающий примеры осмысления любому случаю из жизни («семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет»), так и способы философствования, претендующие на систематическую универсальность, вроде гегелевской, начи-

нают с противоречия. А Фихте в своих «основах наукоучения» начинает с Я, творящего ничто на основе саморазличения. С неона (ничто) начинается развертка семиозиса А.Ф. Лосев [Лосев, 1999], испытавший серьезное влияние русского имяславия с его неоплатонистской установкой порождения нечто из саморазличения ничто. Подобно слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, является условием феномена зрения, так и субъектность – точка сборки свободы и ответственности – суть ничто, творящее смысл из ничто, означающее без означаемого, порождающее означаемые, выходя в бахтинскую позицию венаходимости, в out, во внешний контекст. И absolute Out is God. Дух над бездной Ничто. И вначале было Слово! Наверное, это тот случай, когда можно говорить об «образе и подобии» в человеческой природе, а сама эта метафора предстает ключом к пониманию природы смыслообразования. Как писал Г. Померанец, бытие коренится в сердце души человеческой – чувствилище свободы, добытийного источника (потенциатора) бытия.

Похоже, что европейская мысль, начинавшаяся в Новое время с катафатического преодоления традиционного христианского апофатизма, возвращается к истокам, так как апофатическая установка оказывается обобщением катафатической [Леденева, 2013], и позитивное научное знание приступает к разработке конструктивного содержания апофатики [Тульчинский, 2022]. А прагмасемантика смыслообразования предстает интерфейсом с довольно строгим алгоритмом, задаваемым контекстом соответствующих социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как источника прокреативной преадаптации системы этих практик.

Список литературы

- Алкер Х.Р.-мл. Политическая методология : Вчера и сегодня // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – Москва : ИНИОН, 2014. – Вып. 4 : Поверх методологических границ / М.В. Ильин (гл. ред.). – С. 345–359.
- Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. – Москва : Акрополь, 2018. – 212 с.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. – Москва : НЛЮ, 2013. – 576 с.
- Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта. – Москва : Ин-т социологии РАН, 2004. – 752 с.
- Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. – Москва : Изд-во МГУ, 1985. – С. 33–39.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. – Москва : Наука, 1984. – 268 с.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – Москва : Высшая школа, 1980. – 224 с.
- Ильин М.В. Логономические системы : рефлексия, осмысленность и вербализация действия // Социальная семиотика: точки роста. – Санкт-Петербург : Скифия принт, 2020. – С. 30–32.
- Ладенко И.С., Тульчинский Г.Л. Логика целевого управления. – Новосибирск : Наука, 1988. – 207 с.

- Латур Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию. – Москва : НИУ ВШЭ, 2014. – 384 с.
- Леденева Е.В. Ничто у Сартра и Гегеля // *Credo new*. – 2013. – № 2. – С. 24–44.
- Лосев А.Ф. Философия имени. Самое само : сочинения. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
- Между миром и языком : текст и смысл в коммуникативном контексте. Коллективная монография / С.Т. Золян, Д.Л. Тульчинский (ред.). – Калининград : БФУ, 2022. – 435 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – Москва : Ин-т Гайдара, 2011. – 480 с.
- Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. – Новосибирск : Наука, 1977. – 222 с.
- Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Т.М. Дридзе [и др.] / Дридзе Т.М. (отв. ред.). – Москва : Наука, 1976. – 262 с.
- Соколов Э.В. Культура и личность. – Ленинград : Наука, 1972. – 228 с.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 360 с.
- Тулмин С. Человеческое понимание. – Москва : Прогресс, 1984. – 328 с.
- Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация : прагмасемантический анализ // Политическая концептология. – 2022. – № 3. – С. 29–48.
- Тульчинский Г.Л. Идеи : источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1 // Философский век. Альманах. 17. – Санкт-Петербург : Центр истории идей, 2001. – С. 28–58.
- Тульчинский Г.Л. Логика целевого управления. (Логико-семантическое содержание программно-целевого подхода) // Рациональность, рассуждение, коммуникация. – Киев : Наукова думка, 1987. – С. 100–110.
- Тульчинский Г.Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций : смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. – Санкт-Петербург : ИТМО, 2022. – Выпуск 6. – С. 9–23.
- Тульчинский Г.Л. Тело свободы : ответственность и воплощение смысла. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 470 с.
- Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика : траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 123–141.
- Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. – Москва : Весь мир, 2018. – 320 с.
- Хофштадтер Д. Я – странная петля. – Москва : АСТ, 2022. – 512 с.
- Человек как открытая целостность / Л.П. Киященко (отв. ред.). – Новосибирск : Академиздат, 2022. – 420 с.
- Шурипа С. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. – Санкт-Петербург ; Москва : RUGRAM_Пальмира, 2021. – 223 с.
- Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – Москва : НЛЮ, 2004. – 864 с.
- Austin J.L. How To Do Things With Words. – Oxford : The Clarendon Press, 1962. – 168 p.
- Damasio A. Self Comes to Mind : Constructing the Conscious Brain. – New York : Pantheon, 2010. – 384 p.
- Frege G. Über Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. – 1892. – S. 25–50.
- Galtung J. Essays in methodology. – Copenhagen : Christian Ejlertsen, 1977. – Vol. 1 : Methodology and ideology. – 387 p.
- Hodge R., Kress G. Social Semiotics. – Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1988. – 280 p.
- Searle J.R. Expression and Meaning : Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 204 p.
- Searle J.R. The Construction of Social Reality. – New York : Free Press, 1997. – 256 p.

- Searle J.R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. – xiv + 208 p.
- Searle J.R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3(3). – P. 417–457.
- Searle J.R. The Rediscovery of the Mind (Representation and Mind). – Cambridge (Mass.) : MIT Press., 1992. – 286 p.

Grigorii Tulchinskii¹
**Seven Pragmasemantic Operationalizations
of Meaning Generation Contexts**

Abstract. The work contains an attempt to operationalize the pragmasemantic approach proposed by S.T. Zolyan. We are talking about a systematic consideration of various ways of concretizing the meaning formation contexts, which are the systems of socio-cultural practices. Thus, an opportunity opens up to show how the main meaning formation factors interact: socio-cultural practices and subjectivity. The concept of value-regulatory systems makes it possible to operationally represent such factors of meaning formation as values (goals), ways and possibilities of their implementation in different ways of practical activity. Such systems appear as interfaces of meaning formation. Their interaction is not linear. The universal interface is subjectivity. It allows you to move from one value-regulatory system to another, to generate new systems. In turn, subjectivity is the result of the assimilation of sociocultural experience and accompanying communication in a narrative format. The self-consciousness of the Self, being the result of the socialization of the personality in its reflexive self-description, closes on itself, turning out to be an interface that implements the interaction between the real and any other possible world. This provides a transition from a situation of physical reality to an imaginary one - and vice versa, or even their simultaneous consideration. In this regard, special attention is paid to the apophatic nature of meaning formation. This fully corresponds to the idea of F. de Saussure about language as a structure closed on itself, in which the main thing is not external referentiality (the connections between signifiers and signifieds are conditional, being conditioned by the use of language), but the internal differentiability of signifiers, i.e. spaces, pauses, distances, voids, gaps. Like a blind spot in the eye, which, being itself invisible, is the condition of the vision phenomenon, so is subjectivity - the transcendental subject, the rally point of freedom and responsibility - the essence of nothing, creating meaning from nothing, a signifier without a signified, that generates signifieds by entering the Bakhtinian position outside, in out, in a new external context. Thus, the meaning formation pragmasemantics appears as an interface with a rather strict algorithm, which is set by the contexts of the relevant socio-cultural practices with the key role of subjectivity as a source of procreative pre-adaptation of these practices system.

Keywords: apophatic; context; pragmasemantics; procreation; meaning formation; social and cultural practices; subjectivity.

For citation: Tulchinskii G.L. (2022). Seven pragmasemantic operationalizations of meaning generation contexts. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 23–33. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.03>

---

¹ **Grigorii Tulchinskii**, Doctor of Philosophy, Professor, National Research University «Higher School of Economics» – St. Petersburg, Research Fellow Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), e-mail: gtul@mail.ru

References

- Alker H.R., jr. (2014). Political Methodology, Old and New. *METHOD: Moscow Yearbook of Proceedings from Social Science Disciplines: Vol. 4: Over methodological boundaries / M.V. Ilyin (editor-in-chief)*. INION, 2014. 345–359. (In Russ.)
- Asmolov, A. G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2018). *Preadaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution*. Acropolis. (In Russ.)
- Austin J.L. (1962). *How To Do Things With Words*. The Clarendon Press.
- Boltanski L., Thevenot L. (2013). *De La Justification*. NLO. (In Russ.)
- Damasio A. (2010). *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. Pantheon.
- Demyankov V.Z. (1985). *Osnovy teorii interpretacii i ee prilozhenija v vychislitel'noj lingvistike*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
- Dridze T.M. (1980). *Jazyk i social'naja psihologija*. Vysshaja shkola. (In Russ.)
- Dridze T.M. (1984). *Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii. Problemy semiosociopsihologii*. Nauka. (In Russ.)
- Dridze T.M. (ed.) (1976). *Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija (v uslovijah massovoj kommunikacii)*. Nauka. (In Russ.)
- Epstein M.N. (2004). *Znak probela. O budushhem gumanitarnyh nauk*. NLO. (In Russ.)
- Fomin I.V., Ilyin M.V. (2019). Social semiotics: trajectories of integration of sociological and semiotic knowledge. *Sociologicheskij zhurnal*, 25(4), 123–141. (In Russ.)
- Frege G. (1892). Über Sinn und Bedeutung. In: *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* (S. 25–50).
- Galtung J. (1977). *Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology*. Christian Ejlens.
- Henrich D. (2022). *Myshlenie i samobytie. Chtenija o sub#ektivnosti*. Ves' mir. (In Russ.)
- Hodge R., Kress G. (1988). *Social Semiotics*. Cornell University Press.
- Hoffman I. (2004). *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience*. Institut sociologii Rossijskoj akademii nauk. (In Russ.)
- Hofstadter D. (2022). *I am a strange loop*. AST. (In Russ.)
- Ilyin M.V. (2020). Logonomic systems: reflection, meaningfulness and verbalization of action. In: *Social'naja semiotika: točki rosta* (pp. 30-32). Scythia print. (In Russ.)
- Kiyashchenko L.P. (ed.). (2022). *Chelovek kak otkrytaja celostnost'*. Academizdat. (In Russ.)
- Ladenko I.S., Tulchinskii G.L. (1988). *Logika celevogo upravlenija*. Nauka. (In Russ.)
- Latour B. (2014). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. NRU HSE. (In Russ.)
- Ledeneva E.V. (2013). Nichto u Sartra i Gegelja. *Credo new*, (2), 24–44. (In Russ.)
- Losev A.F. (1999). *Filosofija imeni / Samoe samo: Sochinenija*. EKSMO-Press. (In Russ.)
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind*. In-t Gaidar. (In Russ.)
- Rozov M.A. (1977). *Problemy jempiricheskogo analiza nauchnyh znanij*. Nauka. (In Russ.)
- Saussure F. de. (1999). *Course in general linguistics*. Ural University Publishing House. (In Russ.)
- Searle J.R. (1980). Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, 3(3), 417–457.
- Searle J.R. (1985). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge University Press.
- Searle J.R. (1992). *The Rediscovery of the Mind (Representation and Mind)*. MIT Press.
- Searle J.R. (1997). *The Construction of Social Reality*. Free Press.
- Searle J.R. (2010). *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford University Press.
- Shuripa S. (2021). *Action and meaning in the art of the second half of the twentieth century*. RUGRAM_Palmira. (In Russ.)
- Sokolov E.V. (1972). *Kul'tura i lichnost'*. Nauka. (In Russ.)
- Toulmin S. (1984). *Chelovecheskoe ponimanie*. Progress. (In Russ.)

- Tulchinskii G.L. (1987). Logika celevogo upravlenija. (Logiko-semanticheskoe sodержanie programmno-celevogo podhoda). In: *Racional'nost', rassuzhdenie, kommunikacija* (pp. 100–110). Naukova Dumka. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. (2001). Idei: istochniki, dinamika i logicheskoe sodержanie. In: *Istorija idej kak metodologija gumanitarnyh issledovanij. Chast' 1. Filosofskij vek. Al'manah. 17*, (pp. 28–58). Centr istorii idej. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. (2019). *The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning*. Aleteja. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. (2022). Apofatika i institucionalizacija: pragmasemanticheskij analiz. *Politicheskaja konceptologija*, (3), 29–48. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. (2022). Pragmasemantika cifrovych kommunikacij: smyslovye kartiny mira, cennostnoreguljativnye sistemy i otvetstvennost'. In: *Gosudarstvo i grazhdane v jelektronnoj srede*, 6, (pp. 9–23). ITMO. (In Russ.)
- Zolyan S.T. and Tulchinsky G.L. (ed.). (2022). *Mezhdu mirom i jazykom: tekst i smysl v kommunikativnom kontekste. Kollektivnaja monografija*. BFU. (In Russ.)

Тискин Д.Б.¹

Является ли значение *я* контекстно зависимым?²

Аннотация. В отклике на статью С.Т. Золяна на примере местоимения *я* заново ставится вопрос о разделении значений на контекстно зависимые и контекстно независимые. Показано, что эта классификация предполагает ответы на два более фундаментальных вопроса. Во-первых, требуется определиться с тем, какое из измерений значения (денотат, смысл, характер и т.д.) станет объектом классификации. Во-вторых, необходимо решить, какие из семантико-прагматических явлений должны описываться как элемент языковой системы («языкового модуля» когнитивной системы человека), а какие окказиональны или надстраиваются над языком в процессе творчества, так что их понимание должно считаться продуктом других когнитивных способностей.

Ключевые слова: семантика; прагматика; контекст; местоимения; индексальность.

Для цитирования: Тискин Д.Б. Является ли значение *я* контекстно зависимым? // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 34–40. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.04>

В статье С.Т. Золяна, откликом на которую является наша заметка, обоснование прагмасемантики как особой предметной области связывается в том числе с необходимостью осмысления феномена контекстной зависимости. В качестве примера контекстно зависимого выражения, как делают нередко, приводится местоимение *я*. В нашей заметке вопрос о том, следует ли считать *я* контекстно зависимым выражением в некотором интересном, нетривиальном смысле, разобран подробнее. Это требует обращения к существенно более фундаментальным проблемам. Одна из них – уровневая структура значения и соотнесение постулируемых в семантической теории уровней (таких как денотат, смысл и т.д.) с

---

¹ **Тискин Даниил Борисович**, кандидат философских наук, научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: daniel.tiskin@gmail.com

© Тискин Д.Б. 2022.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

интуитивными представлениями о значении. Другая – оптимальный для семантики (и смежных дисциплин – прагматики и даже поэтики) эмпирический охват – диапазон явлений, которые целесообразно изучать в рамках и средствами именно этой дисциплины, в отличие от тех, которые оказывается удобнее перебросить смежникам.

О термине значение

Итак, является ли значение слова *я* зависимым от контекста? Мы исходим из того, что семантика – это учение о «собственно значении» знака, описываемом в словаре и (для сложных знаков) в грамматике; это семантическое ядро в конкретном речевом контексте может уточняться или даже (согласно некоторым теориям, см. [Recanati, 2010]) подвергаться теоретически неограниченным модуляциям. Поэтому словарное значение не исчерпывает семантических свойств знака в его конкретном употреблении (и может даже отменяться ими). Кроме того, зачастую семантические теории выделяют по нескольким семантическим «слоям», например смысл (Sinn) и значение (Bedeutung) [Фреге, 2000]). Тождество термина *значение* тут мнимое: фрегевское значение, например для дескрипции типа *самый толстый человек* – ее референт, далеко от значения в описанном выше «наивном» смысле как того, что обеспечивает понимание знака; скорее на эту роль может претендовать фрегевский смысл – процедура установления значения-референта в данном мире. Ввиду всего сказанного вынесенный в заглавие вопрос следует уточнить: является ли контекстно зависимым тот семантический аспект местоимения *я*, который в наибольшей степени соответствует наивному понятию значения?

Ясно, что в различных контекстах (понимаемых «семантико-прагматически» по Кресвеллу [Cresswell, 1973, p. 238] – как аргументы функции, называемой в [Kaplan, 1989] «характером» и определяющей смысл, в свою очередь определяющий значение) знак *я* имеет разный смысл-Sinn ('тот, кто говорит в контексте c_1 '; 'тот, кто говорит в контексте c_2 ' и т.д.). Поэтому *я* может иметь разное значение-Bedeutung: в контекстах, где говорящий – я, это слово обозначает меня, в контекстах, где говорящий – вы, оно обозначает вас. Но функция («характер»), устанавливающая зависимость смысла и значения от контекста, – а ведь она имеет полное право считаться «значением» в наивном смысле, поскольку фактически именно ее описание приводится в толковом словаре, – как кажется, не переменна! Выходит, значение *я* в некотором существенном смысле не контекстно зависимо, хотя референт этого слова в разных контекстах различен? Во всяком случае, мы пока не привели примеров, где «наивным» значением *я* была бы различная функция в зависимости от тех или иных обстоятельств.

Контекстная зависимость?

Такие примеры, однако, приводит сам С.Т. Золян в комментируемой статье. Например, слова из поэмы «Москва – Петушки» В.В. Ерофеева: «Может, я играл в бессмертную драму “Отелло, мавр венецианский”? Играл в одиночку и сразу во всех ролях? Я, например, изменил себе, своим убеждениям: вернее, я стал подозревать себя в измене самому себе и своим убеждениям; я себе нашептал про себя – о, такое нашептал! – и вот я, возлюбивший себя за муки, как самого себя, – я принялся себя душить. Схватил себя за горло и душу», – трактуются им так: местоимение *я* как системная единица русского языка при употреблении в процитированном речевом фрагменте претерпевает ряд прагмасемантических переходов, обозначая любого говорящего, нарратора поэмы, потенциального наблюдателя в поэме, самого Ерофеева, читателя-наблюдателя... Результат предшествующего перехода не устраняется последующими, а сосуществует с ними, давая «стереометрическую» интерпретацию; разносторонность результирующей интерпретации, по С.Т. Золян, обосновывает необходимость изучения многочисленных «интерфейсов» между языком и речью, т.е. дает права научного гражданства прагмасемантике. В тематически связанной статье [Золян, 2023] приводятся примеры «метафорических» (при отождествлении с говорящим, исходно произнесшим теперь уже крылатую фразу вроде *Я помню чудное мгновенье*, – ведь это не я его помню, а лирический герой Пушкина, но и у меня могут быть «чудные мгновенья», к которым применимы эти слова) и «метонимических» (где референтом оказывается индивид из другого возможного мира) употреблений *я*. Как минимум в некоторых из этих случаев, по-видимому, от обыкновенного отличается не только референт и не только смысл *я*, что можно было бы объяснить даже при постоянстве каплановского «характера» (поскольку функция-«характер» получает разные аргументы-контексты), но и сам «характер», малопредсказуемым образом меняющийся в зависимости от лингвистического контекста, провенанса цитируемой фразы, аллюзий, цели высказывания и т.д.

Об эмпирических границах семантики

Итак, действительно находятся случаи, где переменным оказывается сам «характер» *я*, причем эта переменность не носит характера ясной функциональной зависимости, что делает необходимым отнесение ее к сфере «прагматической прагматики» по Крессвеллу. Но возникает предположение: наверное, эти примеры представляют собой нерегулярное уточнение, дополнение «базовой» семантики *я*, некую свободную модуляцию, которой семантический закон уже не писан?

Это предположение заманчиво, поскольку охраняет границы предмета семантики. Но как раз эти границы спорны: возможно, мы считаем, что граница между бытовым и «творческим» использованием языка иллюзорна или что язык художественной литературы лишь совершеннее использует механизмы смыслообразования, всегда доступные носителю языка. Тогда теоретик не имеет права отсекал часть реальной сложности семантических процессов под предлогом их принадлежности другому, не собственно языковому когнитивному «модулю».

Чтобы наметить, как мы надеемся, менее спорные границы, сравним случай *я* с некоторыми другими типами неоднозначностей. Например, предложение *Я бы на твоём месте уже бы послала бы себя куда подальше* [Тискин, 2018] можно понять двумя способами: воображаемая личность говорящего (*dream self*; [Lakoff, 1970a; Lakoff, 1970b]) посылает самое себя vs реальную личность говорящего, от которой она в воображаемых мирах нуmericчески отличается. Вопрос о том, в какой мере эта неоднозначность относится к «лингвистическому ядру» смыслообразования, трудно разрешим. Вместо этого обратим внимание на другое: здесь речь идет о выборе между двумя интерпретациями, для каждой из которых можно сформулировать условия истинности и наличие или отсутствие которых у данного предложения можно проверить экспериментально – например, предложив носителям русского языка оценить различные возможные ситуации как соответствующие или не соответствующие содержанию высказывания. В отличие от примера С.Т. Золяна с Венечкой, речь не идет о широчайшем спектре интерпретаций или потенциально не ограниченной «стереометрии» восприятия значения (в смысле сосуществования интерпретаций).

Рассмотрим более сложный пример, носящий смешанный характер. При интерпретации оценочных предикатов, таких как *вкусный*, основная в нулевом контексте интерпретация ‘вкусный для говорящего’ может вытесняться интерпретацией ‘вкусный для носителя пропозициональной установки’ (*Маша думает, что торт вкусный*) или даже ‘вкусный для индивида, о котором мы сейчас говорим’ (см. обсуждение в [Pearson, 2013]). Эти явления подчиняются ограничениям, которые можно сформулировать как запреты на конкретные интерпретации в конкретных структурных типах лингвистических контекстов: утверждается, например, что английский аналог предложения *Петя думает, что Маша думает, что торт вкусный* не может означать ‘...что торт вкусный на Петин взгляд’; иначе говоря, «судьей» в вопросе вкуса может быть Маша – носитель той установки, о которой общается наименьшее из придаточных, содержащих слово *вкусный*, – но не Петя. Здесь можно представить себе эксперимент, в котором будет установлено, какие из интерпретаций ‘вкусный на Петин взгляд’, ‘вкусный на Машин взгляд’, ‘вкусный на взгляд говорящего’, ‘вкусный на взгляд того, о ком до этого шла речь’ и т.д. действительно доступны носителям изучаемого языка. Кроме того, при восприятии примера между интерпретациями можно переключаться, но нельзя воспринимать их как комплементарные.

С другой стороны, как и многие качественные прилагательные, *вкусный* имеет расплывчатое (*vague*) значение: что для Пети, что для Маши можно быть вкусным в большей или меньшей степени, и даже тот же самый Петя проведет границу между вкусным и невкусным по-разному в различных ситуациях, оставив вдобавок посередине «серую зону». Здесь мы вступаем в область сильной контекстуальности, где есть место подсчету вероятностей, но сложно построить дискретную предсказательную модель.

На наш взгляд, именно здесь целесообразно проводить границу между семантикой и прагматикой (либо между семантическим и собственно прагматическим в прагматике). В самом деле, если принимать в том или ином виде разграничение «семантической» и «прагматической» прагматики – сферы, где, по Кресвеллу, значение может быть удовлетворительно представлено как «*a function from contexts to senses*», и той, где «*there would be no rules for getting from the context to the meaning*» [Cresswell, 1973, p. 238], – то это различие должно будет проявиться не только в методе описания, но и в характере данных. Данные, доступные анализу в терминах функций, – это интерпретации данного знака, составляющие ограниченный список и отделимые друг от друга тестами на неоднозначность (как в [Zwicky, Sadock, 1975] или иными). Прочие же данные, например такие, как подвижная граница объема термина *вкусный* или «метафорические» переносы значения *я* по С.Т. Золяну, будут отнесены к «прагматической» прагматике или даже поэтике.

Оказывается, таким образом, что вынесенный в заглавие вопрос получает ответ в зависимости от ответов на два предварительных вопроса: (а) что имеется в виду под значением; (б) какой круг вариаций значения мы относим к собственно семантическим явлениям, а на какие можем в семантическом исследовании закрыть глаза. Если «художественный» сдвиг значения вроде того, что наблюдал С.Т. Золян у Ерофеева, считать не менее «лингвистическим» (или, при более широких амбициях теоретика, не менее «семиотическим»), чем изменение значения в зависимости от места и времени, то значение *я* – какой бы уровень ни имелся в виду – придется считать контекстно зависимым. При более узком фокусе описания, не основанном на отнесении к базовой языковой компетенции тех же приемов, что возводят в искусство писатели и поэты, и понимании значения как процедуры установления референта в зависимости от определенного списка параметров ситуации (что бы ни входило в их число), такой вывод не следует.

Список литературы

Золян С.Т. Местоимение «я»: механизм само- и ино-описания // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. – 2023. – в печати.

- Тискин Д.Б. Интерпретация русских местоимений в контекстах контрфактического тождества : опыт корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – 2018. – Вып. 17(24). – С. 735–746.
- Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. – Москва : Аспект-Пресс, 2000. – С. 230–246.
- Cresswell M.J. *Logics and Languages*. – London : Methuen & Co., 1973. – 273 p.
- Kaplan D. *Demonstratives // Themes from Kaplan* / ed. by J. Almog et al. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – P. 481–563.
- Lakoff J. Counterparts, or the Problem of Reference in Transformational Grammar. Presented at the summer meeting of the Linguistic Society of America, July 27, 1968. – 1970a. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED022152.pdf> (accessed: 12.01.2023).
- Lakoff J. *Linguistics and Natural Logic // Synthese*. – 1970b. – Vol. 22. – P. 151–271.
- Pearson H. A Judge-Free Semantics for Predicates of Personal Taste // *Journal of Semantics*. – 2013. – Vol. 30. – P. 103–154.
- Recanati F. *Pragmatic Enrichment // The Routledge Companion to Philosophy of Language* / ed. by D.G. Fara, G. Russell. – Routledge, 2010. – P. 67–78.
- Zwicky A.M., Sadock J.M. *Ambiguity Tests and How to Fail Them // Syntax and Semantics*. – New York : Academic Press, 1975. – P. 1–36.

Daniel Tiskin¹
Is the Meaning of *I* Context-Dependent?

Abstract. This reply to Suren Zolyan’s target paper uses the example of the pronoun *I* to return to the problem of classifying meanings into context-dependent and context-independent ones. I show that this classification presupposes having answers to two more fundamental questions. First, the appropriate dimension of meaning to classify, whether it be denotation, sense, Kaplan’s character or something else, is to be chosen. Second, the border should be drawn somewhere between the semantic and pragmatic phenomena conceived of as elements of the language system, or of the speaker’s «mental grammar», and the phenomena taken to be occasionally constructed upon the language system for artistic purposes. The latter will be relegated to non-specific cognitive capacities to interpret, without needlessly expanding the empirical coverage of semantic models.

Keywords: semantics; pragmatics; context; pronouns; indexicality.

For citation: Tiskin D. (2022). Is the Meaning of *I* Context-Dependent? *METHOD : Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 34–40. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.04>

References

- Cresswell M.J. (1973). *Logics and Languages*. London: Methuen & Co.
- Frege G. (2000). On Sense and Reference. *Logic and Logical Semantics*. M.: Aspect-Press, 230–236. (In Russ.)
- Kaplan D. (1989). *Demonstratives*. In: *Themes from Kaplan* (pp. 481–563). J. Almog et al. (eds.). Oxford University Press.

---

¹ **Daniel Tiskin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: daniel.tiskin@gmail.com

- Lakoff J. (1970a). *Counterparts, or the Problem of Reference in Transformational Grammar*. Presented at the summer meeting of the Linguistic Society of America, July 27, 1968. [Electronic resource]. Mode of access: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED022152.pdf>
- Lakoff J. (1970b). Linguistics and Natural Logic. *Synthese*, 2, 51–271.
- Pearson H. (2013). A Judge-Free Semantics for Predicates of Personal Taste. *Journal of Semantics*, 30, 103–154.
- Recanati F. (2010). Pragmatic Enrichment. In: *The Routledge Companion to Philosophy of Language*, (pp. 67–78). D.G. Fara, G. Russell (eds.). Routledge.
- Tiskin D. (2018). The Interpretation of Russian Pronouns in Counteridentity Contexts: A Corpus Study. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii*, 17(24), 735–746. (In Russ.)
- Zolyan S.T. (2023). Mestoimenie «ja»: mehanizm samo- i ino-opisanija. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* (in press). (In Russ.)
- Zwicky A.M., Sadock J.M. (1975). Ambiguity Tests and How to Fail Them. In: *Syntax and Semantics. Vol. 4* (pp. 1–36). J.P. Kimball (ed.). N.Y. : Academic Press.

Ильин М.В.¹

Люди создали себя рекурсией, референцией и оязыковлением²

Аннотация. Статья является откликом на статью Николая Розова 2021 г. в журнале METHOD и его книгу 2022 г. об эволюции человека. Заботы выживания, а не только общения, являются отправной точкой статьи. Статья опирается на биосемиотический подход к изучению эволюции человеческих предрасположенностей и способностей к общению и мышлению. Она позволяет одновременно учитывать три аспекта эволюции – социальный, биологический и экологический. Они глубоко укоренены в эволюции нашей планеты и наблюдаемой Вселенной и используют сходные эволюционные универсалии, включая собственные формы (eigenforms), рекурсии и замыкания (enclosures). Они служат базовыми конструктивными паттернами трансформации социальных приматов в человека, работают на всех эволюционных уровнях и во всех трех рассматриваемых аспектах эволюции.

Процесс превращения социальных приматов в человека заложен в многомерной пространственно-временной длительности (durée) расширенной эволюции земной биосферы. Ход и результаты этой эволюции материально, символически и операционально фиксируются в конфигурации двойной спирали генома человека. Его образуют рекурсивные кольцеобразные кривые цепочек макромолекул, которые свертываются в укладки или фолдинги и скрепляются внутренними связками или лигандами. Его фактическая структура многомерна, хотя привычное визуальное восприятие сводит его к трехмерной фигуре двойной спирали.

Антропогенез, становление и развитие жизненных практик, мышления и общения человека представляют собой ряд ускоренных (критических) и замедленных (подготовительных и консолидирующих) модусов развития в виде каскадов эволюционных изменений. Появление способностей (capacities), условий (conditions) и возможностей (affordances) – это не разовые события, а их «повторяющиеся переоткрытия» в ответ на новые вызовы. Автор выделяет три эволюционных слоя или уровня перехода наших предковых социальных приматов к современному человеческому состоянию: антропогенез только с биокommunikацией, глоттогония и глоттогенез.

Первый начался около 7 млн лет назад. Он был дополнен около 2,7 млн лет назад более динамичным модусом развития, связанным с формированием более совершенной коммуникации и формированием проторечи (глоттогонии). Его основой было использование обусловленных обстоятельствами рамок референции. В ходе этого длительного разви-

---

¹ **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, профессор-исследователь Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

² Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, Калининград, Россия.

тия около 1,5 млн лет назад начались процессы обеспечения надежности общения путем предоставления более надежных заменителей случайных референциальных рамок внешних контекстов за счет интериоризации условий и возможностей коммуникации в систему способностей порождения коммуникативных актов.

Еще в условиях глоттогонии начали проявляться предвестники глоттогенеза. Он во-зобладал около 130–100 тыс. лет назад, а примерно 50–40 тыс. лет назад начались новые каскады эволюционных изменений, связанные с трансформацией примитивных комплексов речи и языковых способностей в протоязыки. Наконец, между 12-м и 5-м тысячелетиями назад новые каскады изменений привели к формированию языковых семей и к началу их истории.

Ключевые слова: человеческая эволюция; биосемиотический подход; эволюционные универсалии; рекурсия с обратным переключением; замыкания; референция; референционная рамка; пространственно-временная длительность; инненвельт; умвельт; заботы; способности; условия; возможности.

Для цитирования: Ильин М.В. Люди создали себя рекурсией, референцией и оязыкованием // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 41–81. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.05>

Характерными человеческими свойствами обычно называют мышление и речь, а в числе условий существования упоминают сотрудничество и взаимную помощь. Именно они составили разницу, ту небольшую добавку к нашей биологической природе животных, которая позволила людям не только научиться беспрецедентно выживать практически всюду и размножаться по всей планете, но дополнить уже усвоенные способности новыми, включая развитие языковых и когнитивных способностей, в конечном счете превратить голоцен в антропоцен.

Что же сумели сделать наши предки – люди уже современного анатомического строения, но в строгом современном понимании еще безгласные и безмысленные (это не опечатка – буквально без речи, голоса и мысли), – чтобы обрести эти способности? Этот вопрос, точнее целая серия связанных с ним более конкретных вопросов рассматривается Н.С. Розовым в его статье в прошлогоднем выпуске МЕТОДа [Розов, 2021] и подробнее в книге [Розов, 2022], рецензия на которую публикуется в нынешнем выпуске МЕТОДа [Евстифеев, 2022]. Давний друг и участник ряда проектов нашего Центра перспективных методологий начинает издавека, с ранних Ното, и дает широкий очерк все увеличивающегося числа забот разного рода, ставших двигателями развития. Заботы не исчезают, а множатся. Приходится все больше ловчить и прилагать усилий. Однако каждая уловка и решение очередной проблемы актуализируют или даже порождают новую возможность (affordance).

Данная статья является и продолжением, и развитием, и расширением работы Н.С. Розова. Это сделано намеренно. Для того чтобы уловить и понять логику развития когнитивных и коммуникативных способностей

людей, требуется разгон. По меньшей мере нужно отступить в глубину эволюции на порядок, а то и больше, чтобы на фоне кайнозоя (от 66 млн лет назад) и эволюции развитых форм жизни появилась возможность лучше разглядеть в ней роль нашего рода Homo (от 2,8 млн лет назад) и эволюционный смысл обретения людьми речевых и когнитивных, а затем в дополнение к ним языковых и мыслительных способностей.

Глубокая эволюционная ретроспектива расширяется еще больше за счет еще более решительного погружения в глубины эволюции. Для этого мною используется биосемиотический подход к изучению самого феномена жизни, обмена информацией и ее интерпретации. Он позволяет одновременно учесть не только два аспекта эволюции – социальный (коммуникативно-когнитивный) и биологический (информационно-энергетический), – но также объединяющий их экологический. На взаимодействии всех трех аспектов строится эволюционная спираль [Розов, 2022, с. 56–57], а также формируется биосемиотическая референция и интерпретация.

Следующее расширение заключается в обсуждении фундаментальной проблемы эволюционных универсалий. В поле зрения оказываются темы, обещанные в статье прошлого выпуска МЕТОДа [Ильин, 2021]. Это аналитическая модель рекурсии и способы ее формализации – лента Мёбиуса, странная петля Дугласа Хофштадтера, форма самой себя (*eigenform*), самоподобные множества фракталов и т.п. Это также модели катализа, автокатализа, аутопоззиса и последующие усложнения, переходящие в биогенез. Только после этого наконец речь пойдет о собственно антропогенезе, глоттогонии и глоттогенезе¹.

Однако, прежде чем перейти к эволюционным универсалиям, мне потребуется обратиться к исходной основе-субстанции² существования нашего мира, формирующих эту основу порядков и, главное, модусов их существования.

---

¹ В научной литературе и на русском, и на английском языках чаще используют термин глоттогенез (*glottogenesis*) и реже глоттогония (*glottogony*). Практически всегда они трактуются как синонимичные. Само греческое слово *γλῶττα* «язык во рту, язык общения, наречие, говор, процесс говорения» не различает по-сосюровски речь и язык. В данной работе систематически и четко различаются осмысленная вокализация индивидов и популяций, с одной стороны, и все то, на что способны языковые личности от индивидов до целых народов – с другой, а также соответствующие способности. Более того, различаются также эволюционные процессы трансформации этих способностей и практик с разными начальными условиями и результатами. Соответственно процесс формирования и закрепления речевых способностей характеризуется как глоттогония по аналогии с гесиодовской теогонией старших богов, а языковых способностей как глоттогенез.

² Субстанция (лат. *substantia* от *substāns*, причастия от глагола *substō* «крепко стою, существую», образованного от предлога *sub* «под» и глагола *stō* «стою») фактически дословно переводится как *подлежащее*. Это и сделано в лингвистике, где есть термин *подлежащее*.

Субстанции, порядки и модусы существования

Противопоставление плоти и духа фундаментально. За ним две стороны существования Наблюдаемой Вселенной. Одна – это рассеивание энергии, ее хаотизация, превращение в хаос. Этот процесс характеризуют как энтропию (от греч. ἐν «в» + τροπή «поворот; превращение»), т.е. превращение. В термодинамике операционально подразумевается функция или даже мера подобного превращения. Другая сторона существования вселенной – это также «противоположная» данному процессу, а фактически соотносимая с ним и уравнивающая его концентрация энергии в формы или формообразование. Ее проявлением и мерой является *информация* (от лат. *in-* «в» + *fōrma* «форма»). Можно было бы сказать *энморфия* (от греч. ἐν «в» + μορφή «облик, форма»)¹, но это будет звучать слишком непривычно. Однако решусь в данной статье порой добавлять в качестве синонима энморфию к информации, чтобы за счет эффекта остранения привлечь внимание к особому, непривычному оттенку смысла.

Наконец, еще одно важное пояснение. Оно касается среднего ключевого термина «энергия» (греч. ἐνέργεια от ἐν «в» + ἔργον «работа») и означает превращение или результат усилий, труда, эргона. Подразумевается, что усилия могут повлечь их растрату и превращение в беспорядок, хаос или, напротив, превращение в порядок. Все это прекрасно показано Ильей Пригожиным [Prigogine, 1980; Пригожин, Стенгерс, 1986]. О ключевой роли работы идет речь в статье Джереми Шермана в четвертом квартальном выпуске МЕТОДа за этот год, где развивается соответствующая концепция Терренса Дикона [Deacon, 2011].

Получается, что во Вселенной взаимодействуют и дополняют друг друга два типа превращений, энтропий и «работ», *work* в терминологии Шермана и Дикона. Одна «работа» рассеивает двойственные кванты энергии и превращает порядок в хаос, другая, информационная, собирает эти кванты и превращает хаос в порядок. «Работами» соответствуют типы энергий. Пьер Тейяр де Шарден называет их тангенциальной и радиальной. Тангенциальная энергия связана с физическими силами и термодинамической больцмановской энтропией. Радиальная энергия – с организацией и информационной шенноновской энтропией. Она в некотором роде объясняет растущую сложность и сознательность эволюции [Salmon, 2003; Morowitz, Schmitz-Moormann, Salmon, 2005]. Нередко энергии трактуются в связи с оппозицией духовного и материального, ума и тела [Reis, 2014], но их фактические взаимосвязи гораздо более сложны и противоречивы.

В обыденном мышлении первобытных людей – мифологическом и антропоморфном – эти две стихии отождествлялись с проявлениями самого человеческого существования, а их двойственность и дополнительность

¹ Альтернативными и близкими семантически, хотя и неэквивалентными терминами являются *энлог* и *энлогия* [см.: Чебанов, 2017].

концептуализировались как двойственность души и тела. Мифологема души и тела сама претерпела многочисленные превращения во времена первобытности, архаики и традиционализма. В череде различных форм превращения она выжила и с переходом к современности и современной науки. Своим образом противостояние души и тела сказалось в творчестве и мышлении первого современного мыслителя и ученого Рене Декарта, догматизировалось его последователями-картезианцами и превратилось ими в психофизическую проблему.

Декарт считает себя «бытием или существом в себе самом» (*ens¹ per se*), представленным как целостное Я исследователя (*me totum*). Это целостное существо является соединением двух сторон. Декарт использовал привычные приемы концептуализации и схоластический словарь, чтобы назвать эти стороны уже не существами, а вещами. Результатом стали знаменитые полярные метафизические абстракции бестелесной и непротяженной *res cogitans* и телесной и немыслящей *res extensa*.

Характерны возражения Томаса Гоббса на «Размышления о первой философии». Он обращает внимание на созданную самим Декартом путаницу: «Итак, если бы г-н Декарт стал доказывать, что он, постигающий, тождествен постижению, мы снова впали бы в *схоластический стиль* (выделено мной. – М. И.). Интеллект постигает, зрение видит, воля желает, и, таким образом, по закону аналогии, шаг или, по крайней мере, способность шагать будет шагать. Все это туманно, несообразно и недостойно всегдашней ясности выражения, присущей г-ну Декарту» [Декарт, 1994, р. 139].

В ответ Декарт поясняет: «Я не отрицаю, что я – мыслящий – отличен от своего мышления, как вещь от модуса; но когда я спрашиваю: *что из всего этого можно отделить от моего сознания?* (*quid ergo est quod à mea cogitatione distinguatur*; здесь и далее цитирование и курсив добавлены по первому изданию 1641 г. [Cartesius, 1641, р. 243]. – М. И.), – я разумею перечисленные мною модусы мышления, а не мою субстанцию; а там, где я добавляю: *что может быть названо отчужденным от меня самого?* (*quid quod à me pso separatum dici possit*), – я всего лишь обозначаю этим, что все указанные модусы внутренне мне присущи (*significo tantum illos omnes cogitandi modus mihi enesse*). Не вижу, что тут может быть изображено как сомнительное и темное» [Декарт, 1994, с. 139–140]. Фактически Декарт признает, что и мышление, материальная протяженность не существуют как отдельные вещи, а «внутренне мне присущи» (*mihi enesse*) и неотъемлемы «от меня самого» (*a me pso*) [см.: Ильин, 2020, с. 42–43].

Декарту было очевидно, что имеется в виду одно существо (*ens*) с его вещностью, различающейся модусами действия (умственное мышле-

---

¹ *Ens* – используемое в языке средневековой схоластики причастие настоящего времени от латинского глагола *sum, esse* «существую, существовать», т.е. «существующий» и при уточнении как «бытие вообще», так и «конкретное существование», а также «существо», «явление» или даже «вещь».

ние и телесное пребывание – суть важнейшие, структурирующие само бытие) и дополнительными атрибутивными качествами. Что же тут непонятного, возражает он Гоббсу, хотя проблема тем была отчетливо обозначена. А написать бы Декарту *pars rei cogitans* и *pars rei extensa* – все бы стало яснее, а Гоббс снял бы свои возражения и вопросы.

Возникает противоречие – сам Декарт считал свою телесность и ментальность модусами существования единого существа «Я целый», а его последователи разделили это существо на две «вещи» и создали психофизическую проблему.

Теперь исходные моменты прояснены, и можно продолжить. В нашей Наблюдаемой Вселенной ее расширение и охлаждение уравниваются соединением и консолидацией звезд, планет и биосфер. В земной биосфере возникли и мы с вами – наблюдатели и, возможно, даже соучастники этого космического процесса под названием *эволюция*.

Обычно внутреннюю форму слова *эволюция* (лат. *evolutio*, англ. *evolution*) трактуют – и не без некоторых оснований – как раскручивание. Естественный образ разматываемого клубка подсказывает, как будто бы, появление некой нити из первоисточника. Этот образ и его толкование, однако, подверстываются под презумпцию или даже миф о безусловном существовании первоисточника. По мне куда удачнее и адекватнее и по фактическому развитию, и по внутренней форме (той же и у русской буквальной передачи латинского источника) нейтральная трактовка. Русская приставка *раз* и латинская *e(x)* означают не только движение вовне, но и его результативность. В этом случае эволюция является не чем иным, как «результатом многих вращений» – не больше и не меньше. Тем самым эволюция-развитие становится ожидаемым и по сути неизбежным результатом соединения (вспомним центростремительную информационную энтропию) и накопления самого типичного в нашей наблюдаемой части Вселенной вращательного движения едва ли ни всех ее составляющих – от звезд и планет до атомов и прочих элементарных частиц.

Раз круговое движение – это типичная и основная форма движения, а эволюция – это бесконечное соединение подобных элементарных форм в новые все более сложные, то начинает вырисовываться нечто, напоминающее первообраз и исходный образец, архетип (от греч. *ἀρχή* «начало» + *τύπος* «отпечаток») всей эволюции.

Теперь самое время и место начать разговор об эволюционных универсалиях.

Эволюционные универсалии

Куда бы мы ни взглянули – в глубины вещества или в космические дали, – повсюду мы находим вращательные движения и их замыкание. Размерность всех квантованных – замкнутых и закрученных – составляю-

щих Вселенной варьируется от мельчайших субатомных квантов (фермионов и бозонов) размерностью 10^{-20} см до 10^{25} см супрагалактических [Rees, 1999, p. 8].

Квантование предполагает не только разделение на внутреннее и внешнее – *le Dedans* и *le Dehors* по Тейяру де Шардену. Вполне оправданно считать, что внутренний и внешний аспекты вещей разделены и одновременно соединены некой мембраной, которая не принадлежит ни внутреннему, ни внешнему, но все же остается неотделимой от них. *Мембрана (membrane)* – это крайне подходящий термин для этого. Он происходит от латинского *membrāna*, «кожа». Расплывчатый образ кожи можно сделать конкретным и работоспособным с помощью так называемой мембраны Дирака – абстрактного математического представления структурных условий самого существования электрона, любой иной элементарной частицы или вообще дискретного физического образования. Поль Дирак применил оригинальный способ очень простой формализации. Поскольку мембраны разделяют пространство на внутреннее и внешнее, можно использовать криволинейные координаты x в пространстве-времени и предложить функцию $f(x)$ при $f(x) = 0$ для мембраны, а $f(x) > 0$ и $f(x) < 0$ для обозначения пространства снаружи или внутри [Dirac, 1962].

Куда бы в нашем срединном мире Мидгарде (Midgardr) между космическими далями и глубинами вещества мы ни бросили свой взор, всюду в соразмерных нам явлениях мы улавливаем сложные соединения и композиции вращений и замыканий. Соответствующие алгоритмы люди издавна понимали и выражали в образах от кусающего свой хвост змея Уробороса до хороводов и петляющих лабиринтов. Потом появились формализуемые модели ленты Мёбиуса, странной петли Дугласа Хофштадтера и так называемой самоформы (eigenform), собственной формы, или формы самой себя. Это алгоритм самоподобных преобразований, включая преобразование внутреннего во внешнее и обратно: «Хайнц фон Ферстер (1976) ввел понятия собственной формы и собственного поведения, рассматривая агента, который одновременно наблюдает окружающий мир и воздействует на него: собственная форма — это наблюдение, которое остается инвариантным в пределе длительного времени взаимодействия при некотором классе поведений, в то время как собственное поведение – это действие, которое в том же пределе оставляет некоторую собственную форму инвариантной. Эти концепции, естественно, предполагают абстрактную картину, в которой собственное поведение постоянно воспроизводит собственную форму, независимо от каких-либо других особенностей или динамики мира. Собственная форма и собственное поведение составляют единую рефлексивную систему; всеми остальными аспектами мира можно пренебречь. Льюис Кауфман, наоборот, показал, что все такие рефлексивные системы имеют собственные формы и собственное поведение в качестве инвариантов» [Eigenforms ..., 2017, p. 265].

Согласно Луису Кауфману, собственная форма является важным инструментом рефлексивности и саморефлексии: «Собственная форма Вселенная устроена таким образом, что она может ссылаться на саму себя <...> Вселенная может притворяться, что их две, а затем позволить себе ссылаться на двух и обнаружить, что в процессе она ссылалась только на одно, то есть на саму себя» [Kauffman, 2009, p. 134]. Другими словами, она играет роль интерфейса, или мембраны, когда разделяет внутреннюю и внешнюю части путем удвоения отсчета.

Подобного рода возвращение к самой себе делает возможным «некий экспериментальный закон рекуррентности» (*loi expérimentale de récurrence*) или «последовательное появление» (*apparition successive*) «порядка связывания последующего с предыдущим» (*un ordre cohérent entre conséquents et antécédents*) Тейяра де Шардена [Teilhard de Chardin, 1955, p. 17]. Тейяровская идея закона рекуррентности послужила нам в нашем Центре перспективных методологий социально-гуманитарных дисциплин ИНИОН РАН опорой для разработки метода симплекс-комплекса преобразований, а затем и алгоритмической модели рекурсии с обратным переключением (*recursion with inversive switch*). Данная модель отражает ключевую универсалию. По задаваемым ею алгоритмам осуществляется катализ, автокатализ, аутопоэзис и череда последующих усложнений, формирующих жизнь и биосферу, а в конечном счете антропогенез с глоттогонией и глоттогенезом.

Биосемиотическая референция и референционные рамки

Отправной точкой статьи является биосемиотический подход к изучению эволюции человеческих способностей общаться и мыслить. Он позволяет одновременно учесть не только два аспекта эволюции – социальный (коммуникативно-когнитивный) и биологический, но также объединяющий их третий – экологический. Эти три аспекта (*com-cog-eco*) глубоко укоренены в эволюции нашей планеты и Наблюдаемой Вселенной. Рекурсия с обратным переключением – базовая конструктивная схема превращения социальных приматов в людей, используемая на всех эволюционных уровнях и во всех трех рассматриваемых аспектах эволюции. С ее помощью формируются зеркальные сюжеты перехода между телесными и когнитивными модусами взаимодействия. Прямые или аффлективные¹ переходы «биологические существа – среда (умвельты → инненвельты) – когнитивные (*disembodied*) образы общающихся» дополняются возвратными или рефлекс-

---

¹ От латинского причастия *afflectēns* – «влияющий, воздействующий» (от *ad* «к, в направлении» + *flectō* «склонять»). Соответственно от причастия *reflectēns*, где приставка *ad* заменяется на приставку *re* «обратно», образуются прилагательное *рефлексивный* и рефлексивный, существительные *рефлекс* и *рефлексия*.

тивными «образы друг друга – среда (транслирующая среда инненвельты → умвельты) – телесно воплощенные (embodied) общающиеся». Рекурсивные соединения в спиральную цепочку прямых и обратных переходов создают основу для развития дополнительных способностей, условий и возможностей освоения мира и превращения социальных приматов в людей.

Данный процесс встроен в многомерную пространственно-временную длительность (*durée*) расширенной эволюции земной биосферы. Ход и результат этой эволюции символически и операционально закреплён в конфигурации двойной спирали человеческого генома. Элементарными единицами сборки являются примитивы-самоформы: бинарные и тернарные связки, рекурсии, кольца, замыкания. Геном структурируется рекурсивными кольцевыми извилами (*recursive ringlike curves*) в шести координатах смещения, скольжения, подъема, наклона, крена и скручивания (*shift, slide, rise, tilt, roll, twist*). Спиральные цепочки плотно упаковываются фолдингами или укладками и скрепляются внутренними связками (*ligands*). Возникает многомерное образование, возможно, многих и даже не исключено меняющихся мерностей. Привычные трехмерные визуальные изображения и сама формула *двойная спираль* дают неполное представление и являются результатами редукции многомерного образования в трехмерную фигуру.

Можно предположить, что многомерная конфигурация генома является своего рода образчиком для построения всех и всяческих программ развития, включая и программы антропогенеза и социального развития.

Окружающая среда имеет ключевое значение для выживания и всего последующего существования и самореализации людей. У всех людей и вообще всех существ одна общая среда – наша планета и Наблюдаемая Вселенная. Это, однако, довольно упрощенный взгляд, ведь для выживания и существования людей и любых живых существ важны не вообще все, что вокруг них, а конкретные аспекты их окружения и точнее даже их отдельные свойства, т.е. то, что существам необходимо, что они могут использовать. Очень удачный способ концептуализации данного ключевого обстоятельства учел выдающийся биолог Якоб фон Икскюль при разработке теории *умвельта* (*Umwelt*) [Uexküll, 1909; Kull, 1998; Князева, 2014; Князева, 2015]. Само по себе немецкое слово *Umwelt* означает окружающую среду, но Икскюль придал ему иное значение – наличие в этой среде чего-то используемого организмом для функционального полезного действия. Соответствующая совокупность учитываемых и используемых живыми существами сторон и характеристик внешнего мира воспринимается организмами с помощью их сенсорных систем и операционально преобразуется в полезную информацию для дальнейшего использования.

Операционные структуры для регистрации и накопления информации обеспечивают референцию. Ее результаты в статье называются референционной рамкой. В этом значении часто используют термин *контекст*. Это явный антропоморфный анахронизм. Термин контекст адекватно подходит для явлений, создаваемых с помощью письменности, например библиотек,

писанных законов, железнодорожных расписаний и т.п. Иные явления, образуемые только устной речью, действиями, инстинктивным поведением, требуют иной соотносимой с ними пары. Для древнейших феноменов жизни, организмов – это скорее всего общий, популяционный или видовой умвелът в смысле Иксюля или даже не соотносимое, но просто наличное окружение. В связи с проблематикой коммуникационных забот и общения разумно использовать термин *референциальная рамка*, поскольку коммуникация, речь и мысль даже в их эволюционно простейших проявлениях предполагают использование хотя бы зачаточной референции. Так что референционная рамка и умвелът вполне могут использоваться для концептуализации контекста, а вот обратное – концептуализация умвелътов с помощью контекста – затруднено, сопряжено с потерями смысла и зачастую просто невозможно – разве что в виде метафоры.

Благодаря заботам и возможностям – к речи и мысли

Итак, возвращаемся к заботам и возможностям, которые сделали нас людьми. Когда человека называют мыслящим тростником, образом и подобием Бога, прахом земным, образом животных, вместилищем порока, клубком противоречий, дырой в бытии и т.п., то это риторически заостренные метафоры, а не целостные характеристики. Заботы и возможности не случайно употреблены во множественном числе. Они практически бесчисленны. Однако во всем этом множестве есть ключевые, сыгравшие беспримерную роль в самом появлении людей.

Умножающееся число забот связано прежде всего со все большим числом разнообразных условий, которые приходится учитывать, вызовов, на которые приходится отвечать. Нашим совсем далеким предкам – еще полуобезьянам и полулюдям – приходилось делать то, что делают практически все заметно развитые существа: копировать внешние условия и вызовы, сохранять их внутри себя в виде перцептивных образов более сложных конструкций. Длительное существование на перифериях экологических ниш и в экотонах¹ вынудило наших предков вместо дарвиновского приспособления лучших особей к лучшим, экологически оптимальным условиям приспосабливаться ко множеству неоптимальных, но наличных условий, к их неожиданным и прихотливым смещениям. Тут выживали обладатели не лучших способностей, а бóльшего числа подходящих воз-

---

¹ *Эктон* (*ecotone*) – интерфейс экосистем, зона перехода между сопредельными экологическими нишами или биогеоценозами, а также полоса напряжения (греч. *τόνος* – напряжение, натяжение, веревка) между ними, где частично сохраняется воздействие этих биогеоценозов и связь с ними.

возможностей¹. Правда, при условии, что окажутся отобраны как раз те способности и возможности, которые полезны здесь и сейчас, а невостребованные сохраняются до другого раза хотя бы в ослабленном виде.

Иными словами, нашим предкам приходилось прилагать больше усилий, прибегать к разнообразным уловкам. Ни в одной экологической нише устойчивого биогеоценоза они не стали безусловно приспособленными, не смогли надежно и устойчиво в эти ниши вписаться. Им приходилось ютиться на их перифериях биоценозов или в зазорах между ними, эконтонках. Когда везло, могли начать расселяться в той или иной нише. Когда не везло, приходилось срочно эти ниши покидать. Чтобы выжить, вместо устойчивого приспособления «сильнейших» (fittest) им приходилось использовать расширенный приспособительный набор относительно «слабых» возможностей (affordances)². Подобный «спенсеровский наворот» способ выживания используется многими видами и популяциями, а точнее ассоциациями «сорняков», включающими помимо людей крыс, тараканов и прочих неспособных выживать чуть ли, не в любых условиях, существ.

В своих переселениях нашим предкам приходилось полагаться на наиболее удачные возможности расширенного приспособительного набора, а ненужные временно ослаблять. Такой образ выживания и приспособления труден здесь и сейчас для каждой особи, каждого поколения популяции, даже для ближайших поколений, но в конечном счете окупается при расширении пространственно-временных ареалов отбора. Так и случилось с нашими предками, ухитрившимися так комбинировать заботы (concerns) и возможности (affordances), чтобы в конечном счете стать, по словам Гамлета, образцом всех животных (the paragon of animals).

По мере развития наши предки сделали свой «спенсеровский наворот» способ отбора приоритетным сначала для одомашниваемых существ, включая нас самих, а затем создали одомашнированные биоценозы (фактически уже антропогенные биоценозы) и начали дополнять их функциональные артефакты, разнообразные устройства, автоматы и искусственные интеллектуальные существа. Закономерно человеческий способ выживания за счет помощи слабым и неприспособленным – назовем его «кропоткинским»³ – стал доминировать, что создает избыточные нагрузки на при-

---

¹ В число используемых людьми возможностей попадают прежде всего их же собственные создания – от социальных институтов и до технических устройств.

² По мере развития сначала сделали его приоритетным для одомашниваемых существ, включая нас самих, а затем также включили в одомашнированные биоценозы (фактически это уже антропоценозы) также функциональные артефакты, разнообразные устройства, автоматы и искусственные интеллектуальные существа.

³ Условно спенсеровский, конкурентный способ отбора и тип выживания контрастирует со спенсеровским наоборот, кооперативным или кропоткинским отбором и выживанием. И так уже карикатурно схематичные, эти грубые образы получили совсем уж несуразные наименования капиталистических и социалистических на уже давно устаревших

роду и ресурсную базу планеты и адресные проблемы для дикой природы, с одной стороны, а с другой – для конкурентно сильных людей, выделяющихся своими достоинствами на общем среднем фоне. Пока это отчасти скрадывается культурными традициями поощрения совершенства, но и они начинают поддаваться напору популистских и псевдодемократических требований равенства, а точнее уравниловки.

Но это уже проблемы грядущей эволюции антропоцена, так что следует вернуться к его началу или даже преддверию начала. Но сначала зафиксируем общие условия развития для любых времен. И заботы, и возможности сопряжены с вызовами. Заботы в условиях нехватки доступных благ затрудняют использование привычных и надежных способов существования. Вызов заключается в необходимости найти замену ресурсам. Что касается возможностей, то в условиях затруднительности их привычного использования, вызовом становится обращение к мало или совсем неиспользуемым альтернативам.

Все это самые общие особенности и закономерности развития и эволюции, заслуживающие особого разговора. Сейчас же пристало сконцентрировать внимание на антропогенезе и возникновении собственно человеческих забот и возможностей, свойств (*properties*) и условий (*conditions*).

За счет чего это могло произойти? Даже снижение давления отбора не дает надежных шансов. Сам по себе расслабленный отбор (*relaxed selection*) не сработает, если на изменчивых перифериях и экотонах не возникнут условия, стимулирующие использование находящихся в запасе способностей. Наши предки ухитрились такие возможности создавать за счет использования копий подходящих условий, сохранившихся в памяти особей, сообществ и даже целых экотонных популяций. Вот она новая способность – сначала приспособляться к отбору, потом использовать его и, наконец, создавать новые условия отбора и направлять его.

Создание и использование копий происходит как психосоматически, так и коммуникативно в опосредованных сигналами социальных взаимодействиях. Забот становится все больше, но они уже не чисто биологические, а новые, постепенно становящиеся человеческими. Выстраиваются сначала зыбкие, а потом все более устойчивые связи между заботами, уловками и возможностями. В условиях упражнения и прагматического подкрепления уловки алгоритмизируются, возможности превращаются в новые способности или эквиваленты способностей. Они уже не чисто биологические, а отчасти очеловеченные способности второго порядка. Прежде всего это умения с помощью человеческих артефактов и техник усиливать те способности, которые полезны здесь и сейчас и отправлять в запас те, которые оказались не востребованы.

идеологических жаргонах позапрошлого века. Однако при этом они до сих пор отравляют сознание и речь многих людей и целых сектантских группировок и движений.

В перспективе коммуникативные уловки в виде выкриков, жестов и протяжных завываний-распеваний начинают превращаться в подобие речи, манипуляции с воспоминаниями – в подобие мысли, а согласование «обезьянничаний» – в социально значимые совместные дела, алгоритмизированные общим «обезьянничанием». Затем речи, мысли и дела многократно копируются и повторяются – не только каждое в своем ряду, в виде трансферов, «переводов» звуков в мысли, мыслей в дела, а дела в звуки. Так возникают взаимно пронизывающие, безостановочные и ветвящиеся процессы оязыковления, осмысливания и согласованного делания или действия. В конце концов это выливается в многосоставные каскады взаимосвязанных изменений. Именно эти каскады Розов и считает ключевыми моментами хода эволюции. Это является его находкой и безусловным достижением. Это достижение используется и в данной статье, хотя в некоторых отношениях трактуется на свой лад.

Розов последовательно разрабатывает модели каскадов эволюционных изменений двух типов явлений, фактически практик. Одни именует *социальными порядками (social orders)* – было бы точнее описать их как организацию, упорядочивание, а другие *коммуникативными заботами (communicative concerns)* – очень удачное название для усилий по согласовываю действий и поведения. Фактически он различает в потоках коммуникативных забот интериоризованные и экстериоризованные. Первые он связывает с упражнением и развитием *когнитивных (cognitive)*, а вторых *речевых способностей (speech abilities)*.

В своей схеме Н.С. Розов выделяет загадочные интервалы между каскадами, заполнить которые трудно в связи, как он считает, с отсутствием эмпирических данных. В частности, это два мощнейших и длительных промежутка: *Языковой Рубикон (the language Rubicon)* между коммуникативными практиками животных и людей, а также *Праязыковой Разрыв (the Pre-Language Gap)* между вполне развитым речевым общением и полноценным упражнением речевых способностей и использованием того, что можно уже назвать языками в строгом, а не в метафорическом смысле.

Мне представляется более оправданным первый переименовать в речевой рубикон, а за вторым сохранить данное Н.С. Розовым название. Соответственно предлагаю различать каскадное возникновение и становление речи или глоттогонию, а также каскадное возникновение и становление языка или глоттогенез.

Тут придется снова сделать отступление и обратиться к соссюрровскому различению языка и речи, а также к другим связанным с этим методологическим проблемам различения и смешения. Такое отступление может вновь обратиться не только к различению речи, мысли и дела, но также оязыковления, осмысливания и делания или действия.

Операциональное отступление. Внешнее и внутреннее языка

Различение глоттогонии и глоттогенеза прямо связано со структурной трактовкой Соссюром оппозиции яза¹ (*langue*) и речи (*parole*). Правда, эта трактовка осложнена очень жесткими структуралистскими ограничениями и требованиями рассматривать язык (*langue*) сам по себе («единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассмотренный в самом себе и для себя» [Соссюр, 1977, с. 269]) и не видеть в нем ничего, кроме структур («В языке нет ничего, кроме различий» [там же, с. 152]). При этом он самым противоречивым образом считает лингвистику психологической наукой. В знаменитом «Курсе общей лингвистики» Альбер Сешэ и Шарль Балли передают его тезисы о существовании языка «у каждого в мозгу»², о том, что «в языке все психично» [там же, с. 45]. Там есть еще положения и о социальных конвенциях, и о полной произвольности и немотивированности знаков, и о самодовлеющем характере структурных различий, и об их связях с практиками общения³.

Для целей настоящей статьи возникает потребность в исторической, или эволюционной, трактовке различения языка, яза и речи. Аналогичные различения и трактовки нужны и для ментальной сферы. Здесь также различаются и взаимно дополняют друг друга (1) интегральное единство использования людьми своих способностей мышления, соответствующие возможности, деятельность и ее результаты, (2) систематично организованная основа и инструментарий для всей целокупности мышления, (3) заполняющие эту инструментальную рамку мыслительные практики.

¹ Господствующие в отечественной литературе русские версии соссюровских терминов *язык* для *langue* и *языковая деятельность* для *langue* представляются совершенно неадекватными. Куда более оправдано сохранение термина *язык* за *langage*, а для обозначения *langue* использовать столь же усеченный и краткий термин *яз*. Языковая же деятельность по смыслу ближе всего к речи, но *речь* сама по себе удачный термин для контрастного противопоставления *язу*.

² «Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [Соссюр, 1977, с. 52].

³ «Курс» – достаточно противоречивая книга по нескольким причинам: Соссюр ощущал недостаток «окончательно оформленной мысли» и системы в построениях, импровизировал у доски и на ходу менял концепцию, студенты могли не все уловить, а способ подготовки издания делал «Курс» еще более неоднородным. Но и сама противоречивость «Курса» могла способствовать использованию его идей: одни находили в нем одно, другие – другое. Например, идея психической реальности языка как «системы, виртуально существующей у каждого в мозгу» [Соссюр, 1977, с. 52] мало согласуется с тезисом: «В языке нет ничего, кроме различий» [там же, с. 152]. Синхрония может пониматься и как состояние языка, и как система, не связанная с фактором времени. И любая из этих точек зрения находила развитие в тех или иных направлениях структурализма» [Алпатов, 2008, с. 21–22].

Равным образом потребуется не ограничиваться категорией социальных порядков, а провести различия – целостного феномена социальной организации, инструментального набора алгоритмизированных средств для прагматических усилий и действий людей, деятельностных практик от обеспечения себя пищей до преобразования окружающей среды – того самого труда, который «создал человека»¹.

Все три сферы – речевая, ментальная и социально-деятельная – соотносятся друг с другом, как внутреннее с внешним. Для каждой сферы остальные внешние. И наоборот, она внешняя по отношению к каждой из остальных. Вспомним напряженные попытки Соссюра найти словесное выражение для различия собственно внутреннего языка в себе и внешнего языка, а их вместе («язык в себе и для себя») – остальной человеческой действительности.

Каскады эволюционных изменений

Теперь настал подходящий момент для того, чтобы вернуться к каскадам эволюционных изменений, к скрепляющим их связкам и использованию оборачивания внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее. Заодно уместно подробнее рассмотреть два выявленных Н.С. Розовым разрыва в нашем понимании хода человеческой эволюции.

Каждый из каскадов образуется изошренным переплетением потоков коммуникативных, мыслительных и деятельностных практик, включений / выключений структурно-функциональных уловок, прямых и обратных связей, рекурсий, их выворачивания и т.п. Здесь не место представлять и обосновывать даже общую принципиальную схему указанных переплетений. Только эта одна задача потребовала бы написания отдельной и куда более объемной статьи или даже книги, подобной написанной Н.С. Розовым. Там пришлось бы показать, как шаг за шагом, этап за этапом, каскад за каскадом расширяется соответствующая схема и обретает все новые и новые измерения, черты, свойства и возможности.

В данной статье придется ограничиться лишь указанием на то, что складывается развертывание всего этого устройства, всей его организации и каждой из ее частей за счет бесконечного оборачивания внешнего во внутренне и внутреннего во внешнее. Такие оборачивания создают своего рода плетение, фрактальное умножение и копирование, трансформацию всех и всяческих элементов и одновременно воспроизводство их собственных форм (eigenforms) [Plyin, 2020].

---

¹ В данном случае труд понимается шире, чем в привычной марксистской трактовке. Примеры расширенного понимания можно найти в книге Терренса Дикона [Deacon, 2011] и в публикуемой в МЕТОДе статье Джереми Шермана.

В логике комплекс-симплекс трансформаций [Ильин, 2020, с. 43–58; Ильин, 2021, с. 76–79] простейшие проявления самоорганизации путем бесконечного оборачивания внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее можно усмотреть уже в автокатализе и автоколебательных реакциях, а смутные аналогии провести даже с каскадами превращений на квантовом уровне. Как бы то ни было, уже эти простейшие аналоги достаточно сложны и требуют довольно изощренного моделирования. Для проводящихся в нашем Центре методологических исследований важно установить базовые принципы, способы их сочетания и алгоритмы использования. Однако даже с этими оговорками у нас едва хватает сил и ресурсов, чтобы проводить пилотные методологические исследования. За данные пределы мы не можем выходить и рассматривать по существу проблематику возникновения речи и мысли, языка и мышления, как бы этого ни хотелось. Так что последующие интерпретации каскадов эволюционных изменений, места в них забот и возможностей, уловок и способностей по необходимости схематичны и предварительны.

Прежде всего следует неукоснительно проводить разграничения между речью и мыслью, с одной стороны, языком (точнее оязыковлением) и мышлением – с другой. Не зря во втором отступлении упор был сделан на сосюровские оппозиции. Так что общая эволюционная конструкция, предложенная Н.С. Розовым и схематично представленная на обложке его книги и на страницах 20, 244 и 299, при всей значимости своей полноты и целостности требует принципиального и систематического выделения по меньшей мере четырех самостоятельных эволюционных сюжетов – каждого со своей целостной логикой и самостоятельным развертыванием.

Это прежде всего мультимодальная коммуникация, которая специфична для отличающихся социальным поведением и наличием сложных иерархий приматов. Розов рассматривает лишь завершающие ее каскады изменений.

Далее это возникновение и развитие речи и мысли у древнейших Homo или, возможно, только до известной степени также у гоминин (Hominini) – трибы семейства гоминид (Hominidae). Этот самостоятельный тренд антропогенеза, или речевую эволюцию, по справедливости, можно назвать глоттогонией (glottogony).

Следующий отдельный эволюционный сюжет – это появление и развертывание практик, способностей и инструментариев язычения (оязыковления) и мышления (осмысления). Это глоттогенез (glottogenesis) в узком смысле, сопряженный с появлением пусть в самых зачаточных протоформах аналогов яза, собственно речи, дискурсов (дискурс-программ, дискурс-продуктов, дискурс-конверторов), а также языковых общностей и языковых персон или личностей.

Наконец, это возникновение и развитие языка со всеми упомянутыми разделениями как известного нам лингвистического феномена и общественного сознания, так и как культурно-цивилизационного явления. Тут

уже уместно говорить об истории языков и интеллекта, точнее отдельных интеллектуальных традиций.

Еще раз следует отметить, что и в концепции Н.С. Розова, и на его схемах привлекают внимание два длительных, могучих и таинственных разрыва, которые, казалось бы, прерывают эволюцию или по меньшей мере нарушают ее ход и логику. Возникает вопрос – действительно ли то, что названо *Языковым Рубиконом* и *Праязыковым Разрывом*, является пропастью между одним состоянием и другим? Между животным и человеком, между безъязыким существом и языковой личностью?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, вновь придется сделать отступление и обсудить разрывы, рубиконы и все то, что оказывается между отчетливыми и ясными состояниями последовательного развития.

Рубиконы и сальтации, градуальность и непрерывность

Рискну предположить, что скорее всего взгляд Н.С. Розова упал на выражение *Языковой Рубикон* в одной из публикаций по глоттогенезу [Baryshnikov, 2016; Kozintsev, 2018]. Они же в свою очередь откликнулись, вероятно, на неоднократное цитирование чеканной фразы Макса Мюллера «Язык – вот наш Рубикон, и ни одно животное не посмеет его пересечь» (Language is our Rubicon, and no brute will dare to cross it) [Müller, 1864, p. 367]¹ американским социологом-эволюционистом Александрой Марьянски [Maryanski, Turner, 1992; Maryanski, 1995a; Maryanski, 1995b; Maryanski, 1997]. Допускаю, что именно с ее легкой руки эта фраза стала повторяться в публикациях по глоттогенезу [Bradshaw, Rogers, 1993; Corballis, 1994; Kendon, 2011; Frank, 2016; Corballis, 2019; Corballis, 2020 и др.].

Образ Рубикона как реки, разделяющей два принципиально чуждых берега, связан с двумя крылатыми выражениями: *переход Рубикона* и *жеребий брошен*. Первое подчеркивает ситуацию выбора и связанную с ним точку невозврата, второе – акцентирует как раз точку невозврата. Каждое из крылатых выражений предоставляет важные возможности (affordances) альтернативной концептуализации эволюционной проблематикой.

В четверг 10 января 49 г. до н.э. (в 705 г. от основания Рима, *Pridie Idus Ianuarias DCCV Ab Urbe Condita*) Гай Юлий Цезарь обсуждал в ближайшем кругу решение сената о том, что он должен сложить с себя полномочия императора (военного и административного руководителя в Галлии), распустить свои легионы к 1 марта и явиться в Рим для отчета перед сенатом уже как частное лицо. Выбор был, в каком качестве и как пересечь Рубикон. В одиночку и без оружия или со всеми императорскими

---

¹ Существует довольно заметная литература о Максе Мюллере и его идеях о происхождении языка [Cohen, 2013; Neubauer, 2015; Piattelli, 2016; Lecourt, 2018; Piattelli, 2019].

регалиями и вместе с войском, оспаривая неправоное решение сената и апеллируя к народу. 11 января Цезарь вместе с XIII легионом перешел Рубикон и отправился в Рим как триумфальный император-проконсул.

Плутарх повествует о том, что решение двинуться с войском по мосту через Рубикон Цезарь подытожил фразой на греческом *ἀνερρίφθω κίβος* (так бросим же кость) в медиапассивном модусе пожелания. Это выражение было в ходу среди по-эллински образованных римлян и означало, видимо, – «ну что же развлечемся» [Иванов, Иванова, 2007]. Эту шутку Цезаря серьезный Светоний превратил в чеканное констатирующее изречение. И передал это выражение он уже на латыни: «*lacta alea est*» (брошен жребий).

Эта история после серии забвений и упрощений редуцировалась до следующей метафорической когнитивной схемы. Переход Рубикона – однократное «точечное» действие на жестко прочерченной линии границы, по обе стороны которой совершенно разные миры. Выбор один – недвусмысленный, безоговорочный и окончательный. Вспомним «точки невозврата» и прочие формулировки из учебников, популярных изложений и википедий разного рода.

Снова обратимся к легко «забываемым» деталям. Граница по Рубикону была создана совсем недавно, в 81 г. до н.э., всего за 31 с небольшим год до его пересечения Цезарем. Создана как временное и условное отделение уже сильно, но все еще недостаточно романизованной провинции от республиканского ядра. Да и сама провинция была разделена вскоре на менее романизованную Транспадаанскую Галлию, где покорившиеся жители, субъекты (*subiecti*), по Вергилию, могли приобщиться к римскому праву, и на Циспадаанскую Галлию, где они могли обрести уже и права римского гражданина. Да и сама провинция была вскоре ликвидирована в 42 г. до н.э. и влилась в большую непровинциальную Италию, новую расширенную метрополию.

Да и точек невозврата оказывается множество. Кроме пересечения Рубикона это и битвы при Диррахии и Фарсале, и экспедиции в Египет, Испанию, другие части империи. Наконец, это еще и убийство Цезаря на Капитолии в 44 г. до н.э., а затем битва при Филиппах. На деле точек невозврата было куда больше.

Получается, что используемые эволюционистами когнитивные схемы и метафоры отнюдь не являются однозначными и безоговорочными инструкциями, например, разделить наличную фактуру одной четкой границей на две половины, противопоставить одну половину другой, исключить неудачную (*unfit*) и оставить удачную (*fit*) и т.п., а набором вариантов в диапазоне от более удачного (*happier*) до менее удачного (*less happy*). Один из них лишь кажется более вероятным и очевидным, он просто более бросается в глаза в силу случайных предпочтений. Самой же предвзятости придается однозначный статус безусловности и непререкаемости вопреки фактической многозначности и вариативности.

Главное же в том, что нет и отказа от четкости, ясности и определенности действий и актов их предпочтения (выбора). Множественность вариантов как раз этому помогает. Акты выбора можно и нужно усилить и оптимизировать за счет отладки и комбинирования различных забот, способностей, уловок, возможностей, а также связей между всеми ними. К неиспользованным, «отвергнутым» в конкретном месте и времени вариантам можно и даже нужно уже в другом конкретном месте и времени возвращаться после завершения («невозврата») попытки использования избранного ранее. Один акт казавшегося безусловным «естественного отбора» (испытания вплоть до исчерпания, «невозврата») столь же естественно и неизбежно становится фактом сохраненного в памяти набора испытаний. Только теперь к нему можно возвращаться для оптимизации последующих выборов. Лично мне представляется оправданным предположить, что одной из функций генома является, например, регистрация и закрепление результатов «естественного отбора» как многократного испытания вариантов, а не единичного выбора, как это наивно трактуется порой¹.

В конечном счете чуткие к фактуре эволюционные исследователи начинают одновременно использовать различные когнитивные схемы. В результате четко прочерченные границы дополняются разного рода переходными областями и пространствами. Так, Майкл Фрэнк пишет: «Но если мы откажемся от представления о реках, которые нужно пересечь, и вместо этого перейдем к многофакторному взгляду на то, что делает человеческий язык уникальным, нам придется признать, что когда-то казавшееся рекой может напротив оказаться широким илистым болотом. Изучение такого ландшафта может потребовать больше усилий и меньше прыжков» [Frank, 2016, p. 103].

Фактически нечто подобное делает и Н.С. Розов, когда он расширяет Языковой Рубикон более чем на миллион лет – а это, вообразите только, около сорока тысяч человеческих поколений – и помещает туда несколько каскадов эволюционных изменений. Действительно, возникает образ долгого и прихотливого преодоления трудных пространств, а не одного скачка. Что мы можем разглядеть в этом таинственном пространстве-времени каскадов перемен, происходящих с людьми, с их заботами и возможностями, их способностями и качествами? Ответ может показаться насмешкою. Ровно то, что мы хотим увидеть. Если вслед за Максом Мюллером нас интересует только то, что разделяет людей и зверей, то увидим руби-

---

¹ Попутно отмечу, что семиотически зафиксированная в геноме информация о результатах испытаний отнюдь не является приказом или даже инструкцией для приказа. Инструкции и приказы – это составные моменты экспрессии генов. Они и образуют пресловутые послания (messages) для выстраивания и перестраивания структур и функций организмов, метаболизма и т.п. Сами же семиотически зафиксированные результаты испытаний не только и не столько «архив», сколько набор «стандартов» и «образцов» для составления посланий, семиотический словарь и грамматика, включающая прагматорику.

кон. Если вместе с этологами мы захотим узнать, что же общее объединяет поведение людей и зверей, то рубиконы растворятся и в поле зрения возникнет безграничное пространство нюансов и деталей. Если нам станут важны сравнительно малые, но существенные изменения, то изучаемое пространство пересекут речушки и ручьи с холмиками и низменностями между ними. Если нас заинтересует логика движения наших предков, то мы сможем разглядеть множество разбегающихся, а порой и сходящихся тропинок и в конечном счете магистральных путей.

Такое многообразие результатов зависит от того, что мы фактически используем когнитивные сита, напоминающие фонологические сита Н.С. Трубецкого. Он писал: «Фонологическая система любого языка является как бы ситом, через которое просеивается все сказанное. Остаются только самые существенные для индивидуальности данной фонемы звуковые признаки. Все прочие отсеиваются в другое сито, где остаются признаки, существенные для апеллятивной функции языка; еще ниже находится третье сито, в которое отсеиваются черты звука, характерные экспрессивной функции языка» [Trubetzkoy, 1939, p. 47; Трубецкой, 1960, с. 59].

Эволюционные переходы и связи

Вновь последуем за Розовым, чтобы проследить, чем заполнены эволюционные переходы и связи между разными человеческими состояниями. Он весьма адекватно и взвешенно обобщает множество существующих реконструкций, намечает правдоподобные датировки переходов и трансформаций, которые и используются в данной статье.

Длительный этап безгласной и бессмысленной первобытности охватывает большую часть человеческого существования. Он начинается примерно 7 млн лет назад и сменяется 2,7 млн лет назад Языковым Рубиконом, который вовсе не рубикон, а неясная и запутанная череда каскадов изменений внутри, в человеческой психике, и вовне – в поведении людей, в том числе коммуникативном, символическом и звуковом. По Розову, эти изменения охватывают больше миллиона лет – от 2,7 до 1,5 млн лет назад – и включают то, что он называет предречью.

Многовато получается для рубикона как четкой границы. Это время может включить примерно 40 тыс. условных поколений (три на столетие). Для сравнения история известных нам цивилизаций едва ли превышает всего пять тысячелетий или полторы сотни поколений. Вся наша цивилизационная эпоха даже до половины процента не дотягивает от длительности Языкового Рубикона по Розову. А эпоха существования развитых языков, как мы их знаем, едва ли до процента дотянет.

Огромная длительность розовского рубикона включает множество этапов и каскадов изменений забот и вызовов, ответов и возможностей, уловок и способностей. Среди них выделяется малый рубикончик пример-

но сто тысячелетний – с 2,7 до 2,6 млн лет назад. Это действительно переломный момент, как ни трудно называть моментом сто тысячелетий. Он связан с формированием того, что Розов называет предречью. Это переход от практически полного безгласия и безмыслия людей-приматов к попыткам общаться и сотрудничать иначе, чем общаются и сотрудничают животные.

Практики переходного момента-рубикончика даже не вполне предречь, а скорее почти рефлекторная вокализация состояний людей, неразрывно связанная с их прагматическими действиями или уже (вот малый сдвиг) их копиями, а также с жестами, мимикой и подкрепленная ими. Почти как у животных, но решительнее и последовательнее.

Сама же первичная вокализация в значительной мере еще по-прежнему произвольна и спонтанна, но более отчетливо и последовательно подкрепленная связью с действиями – прагматическими и символическими, хотя это различие еще зыбко и непривычно. Нам происходящее могло показаться выкриками, воплями и завываниями, переходящими в подобие пения. Уточню, что важны не внешние проявления, а установление связей между тем, что потом Соссюр назовет *обозначаемым* (*signifié*) и *обозначающим* (*signifiant*). В этом отличие от прочих приматов и остальных животных. Обозначаемое – это то, что было значимо и должно было стать известным всем (положение дел, восприятие и смысл этих положений, ожидания, намерения и прагматические действия людей и т.п., назовем все это прагматическим фоном), согласовывалось и начинало синхронизироваться с обозначающим – намеренными имитациями положения дел, вокализацией (выкриками и завываниями, переходящем в распевание), жестами и мимикой. Это можно назвать вокомиметикой (от латинского *voco* – «говорю» и древнегреческого *μίμησις* – «подражание»). Скорее всего за сто тысячелетий эти практики внешне мало изменились. Действительно, существенные изменения, возможно, их каскады происходили «внутри», в связи с синхронизацией и установлением все более отчетливых соответствий. Конечно, отдельные жесты и выкрики становились, видимо, отчетливее и яснее, но куда важнее было укрепление, уяснение и прояснение все более четкого соответствия между означаемым и означающим, умножение числа подобных соответствий. Этот относительно короткий период можно назвать соссюровской революцией.

Далее разворачивается гораздо более длительная эпоха. Позволю себе опять уточнить Н.С. Розова и назвать ее пирсовской эволюцией предречи. Это именно эволюция, поскольку она в несколько приемов, постепенно, кругами, в череде повторений включает в процесс обозначения не только положение дел¹ и не только его внешнюю имитацию, но также

---

¹ По мере эволюции положение дел, а также отдельные акты и участие превращаются в прагматическое со-участие, а затем и в преобразование условий жизни (*living conditions*), в

внутренние состояния психики людей (они уже и раньше включены в «состояния»), а точнее выработавшие в ходе соссюрдовской революции внутренние психокогнитивные связи между означающим и означаемым.

Конечно, психика менялась и прежде. Она менялась всегда. Но ее проявления оставались незаметны. Во всяком случае на прежних мимокрико-жесто-распеваниях, да и на положении дел они прямо и заметно не сказывались. Теперь появилась возможность дополнить бинарные соссюрдовские связи иными пирсовскими связями, превратив прежние связи в полноправного соучастника триад. Это особый участник трехшагового процесса семиозиса. Вначале он просто служит размыканию неподвижной зеркальной оппозиции означающего и означаемого, а потом начинает приобретать собственную функциональность. Образованный с его помощью динамичный переход, рекурсия размыкает статичную оппозицию и превращает ее в бесконечную последовательность шагов. Однако при этом новый психосоматический «размыкатель» одновременно «закрывает» единичные последовательности трех шагов. В результате посредующий размыкатель-замыкатель становится своего рода переключателем и запускает череду альтернативных вариантов соединения означающего и означаемого. Возникает зародышевая версия герменевтического круга, а с ним интерпретации и в конечном счете семиозиса.

Означает ли это, что до перехода от бинарных, соссюрдовских форм или схем¹ обозначения и до свертывания, зацикливания обозначения в тернарные пирсовские схемы никакого семиозиса не существовало? И да, и нет.

Нет, действительного семиозиса в нашем строгом понимании не было в том смысле, что неоткуда было взяться субъекту интерпретации или интерпретанту по Пирсу, а без него некому было запустить тот самый семиозис, который положен в основу созданных Пирсом версий семиотики, а значит, и того, что мы сами привычно и уверенно называем семиозисом и семиотикой.

Да, некий семиозис существовал всегда в том смысле, что сами по себе бинарные и тернарные схемы, равно как и рекурсии, настолько древние, что их можно считать едва ли не первичными универсалиями организации. А это значит, что любая организация, бинарная соссюрдовская или тернарная пирсовская, семиотична – и потенциально, и актуально, т.е. как эволюционно связанная рядами превращений во вполне развитые формы семиозиса и как содержащаяся в них как след прежних эволюционных состояний. Наши с вами схемы генетических программ содержат в себе схемы генетических программ земноводных, рыб, бактерий и, возможно, вирусов или даже не выживших односпиральных то ли уже живых существ,

---

человеческие условия (human conditions). Соответствующие терминологические различия важны для эволюционных исследований.

¹ Схема (греч. *σχῆμα* – «результат схватывания, овладения») как раз синонимична *μορφή* и означает форму (лат. *fōrma*).

то ли еще наподобие сложных молекул-автогенов, как их именует Терренс Дикон. Можно даже усмотреть прообраз семиозиса в автокатализе¹, когда химические вещества улавливают внешний сигнал и ускоряют свои реакции во много раз.

Вернемся, однако, к более близкой нам эволюции людей и их способностей говорить, мыслить и действовать по-человечески. Уже на этапе формирования предречи обострилась проблема использования свойственной для зоокоммуникации опоры на характерные жизненные ситуации, которые часто антропоморфно и неточно характеризуют как контексты. Адекватная реакция и взаимодействие коммуницирующих достигается за счет соответствия типичных вокализаций типичным жизненным ситуациям. Именно подобные ситуации служат общей референциальной рамкой, условным «стандартом», с которым соотносятся, с одной стороны, конкретные посылаемые сигналы, а с другой – столь же конкретное наличное положение дел.

На эволюционном уровне проторечи данная общеупотребительная уловка продолжает использоваться все более последовательно и становится все более инструментальной по мере того, как все более явственная и компактная вокомиметика трансформируется в достаточно четкую вокализацию. Постепенно сосюрговские бинарные отношения начинают соотноситься с референциальной рамкой. Так намечается первый или один из первых намеков на появление в отдаленном будущем семиотических синтактик и языковых грамматик. Замечу, что данный момент циклического обращения референциальных отношений на референциальную рамку можно считать первым актом того самого чуда, которое кладет в основу своей универсальной грамматики Ноам Хомский [Chomsky, 1995; Chomsky, 2007]. Наивно, конечно, искать ее эволюционные истоки и основания в случайной мутации [Berwick, Chomsky, 2016].

Куда логичнее связывать его с естественной эволюцией поведения наших предков и с *постепенным формированием самими людьми своей языковой способности*. Об этом речь пойдет позже. Пока же важно зафиксировать, что рекурсивное замыкание бинарной, сосюрговской референциальной схемы и создание тернарной пирсовской референциальной рамки создает предпосылки – пока только предпосылки – для выстраивания людьми правил референции, а затем и любых правил соотношения единиц планов содержания и выражения по мере того, как они начнут появляться.

До четкого схематизма универсальной грамматики еще долгий путь развития. Пока же у людей нет даже зачатков грамматики, а лишь первый намек на нее. Возможно, он также сыграл свою роль в уже упомянутом эволюционном сдвиге – формировании и пирсовской триады, а с нею возникновения и первичной консолидации автономной протомысли. Прото-

---

¹ См.: [Plyin, 2020, p.11–12] и примечание 14, где я благодарю Боба Ходжа за его идею, что автокатализ – эволюционный аналог семиозиса.

речь и протомысль¹ развиваются отныне автономно и параллельно, сохраняя существенные связи и подобия, коренящиеся в их общем эволюционном наследии.

Эпоха последовательных трансформаций проторечи и протомысли длится более миллиона лет. Это значительный промежуток времени. Он плотно заполнен каскадами изменений не только вокализаций, но также внутренних психических состояний, работы с мнемоническими ($\mu\nu\eta\mu\eta$ – «память») копиями, а главное – с отработкой и совершенствованием как когнитивных схем-связок, копирующих внешние положения дел и коммуникативные действия, так и вокализаций, отражающих их и тем самым фиксирующих как общее достояние сообществ общающихся людей.

Оязыковление и осознание.

Завершение глоттогонии и нужда в глоттогенезе

В целом эволюционный смысл, а точнее содержание длительных трансформаций проторечи и протомысли можно охарактеризовать как оязыковление (languaging) [Cowley, 2009; Distributed Language, 2011; Cowley, 2019; Cowley, Kuhle, 2020; Thibault, 2020a; Thibault, 2020b; Thibault, 2021; Cowley, Gahrn-Andersen, 2022] и, по аналогии, осознание (thinking). Имеется в виду результат и вызов множественных трансформаций: появление нужды в принципиально новых способностях – уже не речевых, а языковых, чреватых системным языком, уже не просто когнитивных, мыслительных, а чреватых устойчивым осознанием, системным сознанием. Глоттогония завершается и в повестке дня появляется глоттогенез.

Переход, однако, отнюдь не моментальный, а весьма растянутый. Начатки языка начинают угадываться уже с появлением некоего подобия реплик и синтагм во вполне ситуативных вокализациях. Некоторая повторяющаяся организация вокализаций начинает постепенно становиться привычной. В чередующихся каскадах трансформаций намеки на язык и его зыбкие ситуативные зачатки структурируются четче и яснее, но главное – шаг за шагом интериоризируются и сохраняются в памяти сначала краткосрочной, потом все более глубоких, наконец в операциональных системах родовых, популяционных и индивидуальных. Рано или поздно возникает потребность в формировании обобщающего все накопленные возможности и способности языка.

---

¹ Термины *акт, речь, мысль* (возможно, даже *мысль* – вспомните изящный и глубокий зачин «Слова о полку Игореве»), *быт, лов, рык* и прочие обозначения первичных эволюционных проявлений ключевых способностей людей или в случае акта других, эволюционно более ранних существ. Пример такого использования этимологов без оформления прекрасно дает пушкинский *топ* во сне Татьяны и еще в полутора десятках случаев (аргументация см.: «Ответ на статью в журнале «Атеней» [Пушкин, 1962, с. 284–287]).

Революционная пора очередного рубикона длится примерно тридцать тысячелетий – примерно 130–100 тыс. лет назад. Вдвое больше времени – шестьдесят тысяч лет занимает эволюционная проработка формирования простого ситуативно обусловленного синтаксиса речи и только зыбкие зачатки языка. Люди осваивают нелегкое искусство обмена репликами (turn-talking). Получаемые в результате прагматические результаты, а главное – алгоритмы их получения стандартизируются и формализуются в разного рода обычаях, ритуалах и инструментальных привычках. Это работа еще на несколько тысячелетий. В результате возникают способности построения сюжетов. Сюжеты насыщаются тем, что потом назвали мотивами, а они в свою очередь требуют выработки правил соединения друг с другом в морфологически отчетливые последовательности.

Все это подготовительные шага для формирования того, что Фердинанд де Соссюр обозначил тремя терминами – *langage*, *langue* и *parole*.

Очередной шаг эволюции и даже быстрого и мелкого развития связан не с изобретением или созданием на чистой доске (лат. *tabula rasa* – очищенная для письма табличка с восковым покрытием) чего-то совершенно нового, но с переоткрытием не раз использованного, которому находится новое применение обычно с заменой функциональности и нередко трансформацией структуры. Уже в этой статье приводилось немало примеров, как одна и та же схема рекурсии начинает использоваться для решения новых задач и появляется новый инструмент. Или две соссюровские референтные пары объединяются сначала общей точкой, а затем оставшиеся «свободными» точки соединяются друг с другом и образуют треугольник пирсовской референции.

Такого рода трансформации и модификации могут быть собраны в каскады изменений. Тогда и возникают крупные и поистине эпохальные эволюционные переходы. Ярчайший пример этого являет переход от формирования речи (глоттогонии) к формированию языка с речью (глоттогенезу). Вслед и вместе с Н.С. Розовом мы окинули взглядом череду революций и следующих за ними каскадов эволюционных трансформаций – от вокомиметического общения к формульной речи. Практики говорения настолько усложнились, что одного изменчивого контекста и даже набора его копий-образцов для согласования смыслов и значений начинает уже не хватать. Заботы, условия, возможности, связи между ними все усложняются. Требуется что-то существенно более устойчивое и надежное типа уже выработанных в практиках формульной речи и даже раньше привычек и образцов общения. Они включают «формулы» соединения бинарных и тернарных референтных рамок разных типов. Проблема пока в том, что эти «формулы» критически зависят от опыта отдельных особей-личностей и кругов их общения. А сам этот опыт все еще зависит от меняющихся индивидуальных и групповых обстоятельств. Все больше приходится оглядываться на пожилых носителей опыта говорения и на их советы – как говорили предки, как это делалось всегда.

Решение, простое в принципе, но трудное в исполнении: присвоить и тем самым универсализовать уже целостные общие наборы «формул» опыта говорения и превратить их во всеобщую и неизменную рамку речи всего рода, всех поколений и всех индивидов. Такая грандиозная рамка уже частями и частично подготовлена. Требуется только окончательно сложить ее. Дело непростое. Оно требует времени и усилий по согласованию или синхронизации использования «формул» и прочих еще более древних образцов общения, начиная с отдельных референций и референтных рамок. За счет синхронизации нужно многократно усложненные референтные рамки замкнуть в одну синхронизованную рамку уже не текущей, изменчивой и индивидуализированной речи, а устойчивого и всеобщего языка.

Фактически подобная синхронизация началась уже давно, еще в ходе прежних каскадов эволюционных изменений. Начало не впереди, если пользоваться обманчивой схемой линейного движения, а позади, если обратиться к круговой, по-своему тоже обманчивой схеме. Соединим обе и получим картинку *р а з в и т и я*: одна нить в череде кольцеобразных извивов. Опять помогает подсказка языка.

Расширенное эволюционное видение в пространстве-времени длительности позволяет не только связать концы и начала, но и усмотреть взаимное наложение эволюционных этапов и эпох в расширенных эволюционных переходах. Они эволюционно синхронизированы. Одна завершается, а другая начинается. Эпохи завершаются заготовками для следующей, а переходы помогают формированию новаций.

Еще в эпоху глоттогонии в речи намечается синхронизация практик говорения и соединение речевых актов в общие рамки. Так происходит постепенно предвосхищение синтаксической организации еще в речи. Из чередования реплик формируется сюжет. Их повторение и ритуализация создают устойчивые образцы. А эти образцы закрепляют уже синхронизованные предвосхищения нарративов в новые рамки, которые остается сложить в правила и нормы языка.

Еще на начальных этапах глоттогонии в проторечи древнейших людей с практиками референции возникают референциальные схемы и рамки-образчики для создания заготовок, из которых можно будет со временем сложить фундамент универсальной грамматики. Это становится своего рода намеком на будущий глоттогенез. Предстоит еще осуществить немало каскадов эволюционных перемен, прежде чем намек на универсальную грамматику превратится в проект. Но и этот проект станет еще только одной из новаторских находок в продолжающемся потоке глоттогонии. Еще много сотен поколений людей включатся в их непростое, чреватое коллизиями, но плодотворное сосуществование. Язык будет постепенно вызревать в стихии речи. Но это будет уже не *речь без языка*, а долгое складывание *речи с языком*, точнее, сначала с зачатками языка, по-

том его экспериментальными вариантами, затем уже полноценным партнером и наконец главенствующим участником партнерства *языка с речью*.

Глоттогония не отделена от глоттогенеза рубиконом, через который переброшен волшебный мост, на котором происходит чудо явления универсальной грамматики. Они пересекаются и сливаются на огромной протяженности (*durée*) трудных пространств неудобей и болот, холмов и шеломяней, речек и ручьев, множества мест, где можно проложить тропки и пробиться сквозь заросли. И только дальше открываются просторы, где овладевшие наконец универсальной грамматикой люди начинают историю современных языков и языковых семей.

Операциональное отступление. Универсальная грамматика

Перформативы и дейксис существовали всегда. Во всяком случае они «естественно» осуществляются развитыми приматами. Значительная часть действий сопровождается выкриками, жестами, мимикой и телесно-предметной акцентуацией. Налицо зародыш дейксиса (греч. *δείξις* «указывание» от индоевропейского **deyk-* с тем же смыслом) или выделения важного и значимого. Функционально дейксис своего рода усилительное дублирование, «копия» переключения внимания коммуникантов, точнее воспринимающих коммуникантов коммуникантами-инициаторами, т.е. их совместный акт общения.

Одновременно сами действия со своей инструментальной функциональностью тоже «копируются», удваиваются. Однако у копий появляется еще и дополнительная функциональность, обобществления (*Vergesellschaftung*, по Г. Зиммелю и М. Веберу) или взаимного включения в действие: не просто съесть вкусное, но сделать это вместе.

Сами по себе ни протоперформативы, ни протодейксис еще далеки от отчетливой речи и мысли. Однако они являются той стартовой площадкой, с которой начинаются обретения сначала волшебных палочек или обеспечивающих структур [Розов, 2022, с. 32, 40], затем их отработка и многократные преобразования и наконец – складывание до целостного магического инструментария в виде универсальной грамматики.

Итак, началом является еще не расчленяемое совместное действие ряда особей, сопровождаемое жестами, мимикой и выкриками. Действия и их выразительный шлейф квантуются за счет рекурсий не только в виде индивидуальных копий общего действия, но и умножения копий в их зрительных, звуковых, ментальных и прочих восприятиях. Все эти рекурсивно квантованные копии соотносятся и связываются с совершением действия в едином перформансе. Именно такие коллективные перформансы и становятся стартовой точкой формирования речи и мысли и точкой отсчета в конструкциях, впоследствии сложившихся универсальной грамматикой. Все новации, волшебные палочки и прочие ухищрения добавляются к

перформансам и их копиям, создаваемым с помощью референциальных рамок.

В широком и беглом обзоре отдельные примеры выхватывались и отмечались. Теперь же важно за деталями усмотреть принципиальное усложнение. Оно заключается в дальнейшем квантовании перформансов, разделении единого события на процессы (действия, вокализации и т.п.) и предметы (тела, вещи, создаваемые блага и т.п.). Если взглядеться в происходящее попристальнее, то в конечном счете можно разглядеть и грамматическое членение перформансов, а теперь уже перформативов на глаголы как копии процессов и на существительные как копии предметов.

Сами по себе перформансы являются синкретическим совместным деятельным соучастием всех общающихся – рода, популяции, группы. Общающиеся вокализуют то, что делают сами или даже вся популяция, а то и род или условная внешняя инстанция [Фокин, 2019; Фокин, 2020]. С отделением (квантованием) особой ситуации общения, а затем ее интериоризации появляются возможности различения перформатива и его содержания. Важные результаты достигаются с различением внутри перформативов их компонентов – процессуальных глаголов (говорений, соотнесенных с действиями в своих глагольных референциальных рамках) и существительных (наличных «существований», опор действий в их предметных референциальных рамках). Тотальные референциальные рамки перформативов дополняются специальными для выделения действий и существований и обозначения их. Появляются семантические, значащие единицы сначала двух типов – глагольные и именные, – а затем с усложнением грамматики и все новых. Значимые качества процессов (= глаголов) и предметов (= существительных) обозначаются как новые классы единиц с помощью их референциальных рамок. Это уже прилагательные и наречия. Так формируются наборы сем разных типов и функциональностей. Это еще не словари в точном смысле. Пока это лишь внутренняя проработка комплекса перформативы – дейксис – значащие (семантические) единицы. Возникший комплекс является зародышем будущей семантики и прагмасемантики [Золян, 1991; Золян, 2016; Золян, 2019].

Данный прагмасемантический комплекс прорабатывается первоначально еще в рамках глоттогонии за сотни, а то и тысячи поколений до критического соединения глоттогонии с глоттогенезом. Он практически используется за счет использования ситуации или, как принято говорить, контекста общения, а потом форм интериоризации типичных контекстов в виде фреймов и т.п. Лишь около 3–4 тыс. поколений назад начинается выработка из интериоризованных фреймов и схем речевого поведения нормативных схем языка и универсальной грамматики. Теперь на новом качественном уровне повторяются эксперименты с синтагматическим складыванием последовательностей: предметные единицы с единицами действия и т.п. В дело идут бинарные референциальные рамки. И привычно синтагматически, и по-новому синтаксично предмет связывается с действием.

Подобное элементарное высказывание, как прозорливо заметил Ю.С. Степанов, характерно для идеально мыслимого Языка 1 только с семантикой [Степанов, 1985]. В рамках глоттогонии это было ситуативное соединение двух чистых, грамматически не оформленных сем: *снег бел*. Тогда подразумевалось, например, что снег белеет. Еще в ходе глоттогонии прежний ситуативно угадывавшийся смысл высказывания теперь в процессе глоттогенеза закрепляется нормативным порядком сем в высказывании и еще какими-то маркерами процессуальности, или предметности, или структурно-функционального соединения процесса с предметом.

Уточню Степанова и допущу, что при использовании тернарной референциальной рамки возможны также еще и трехместные речевые высказывания типа *снег бел гор*, и грамматически оформляемые предложения *снег белеет на горе*. Теперь структурирование смысла высказывания не просто ситуативно угадывается, а синтаксически и далее грамматически закрепляется. Могут использоваться специальные маркеры. А могут использоваться и семантические ресурсы. Так, функциональные отношения единиц предметного существования с единицами действия могут чисто семантически обозначаться как активные, осуществляющие действия и инактивные, только при этом присутствующие. Следы этого можно обнаружить, например, в лексических дублетах индоевропейских языков: **h₁eng^w* – откуда слово *огонь*, то, что вызывает горение, и **péh₂wŋ* откуда *пирог*, нечто запекаемое.

Проработка прагмасемантического комплекса позволяет дополнить референции маркерами отношений между единицами и превратить эти маркеры в референции нового порядка, по сути, уже грамматическими, например, с морфологическим оформлением. Новые типы референциальных рамок дополняют семантический фундамент универсальной грамматики и начинают формировать ее стены. Тут тоже семиозису и референции подвергаются отношения между семантическими единицами. Делается это вновь за счет интериоризации привычных порядков сочетания семантических единиц и превращения их в образцовые модели. Это делает общение относительно независимым от типовых ситуаций, так как в сознании общающихся и в операциональной речевой системе появляются общие модели обозначения и интерпретации отношений между семантическими единицами. Они начинают превращаться в слова за счет синхронизованного употребления сем предметов и действий, а также маркеров отношений между семами.

Вновь перформативы коммуникативных действий, точнее их прагматическое представление, служат отправным моментом. Выстраивается очередная трехшаговая конструкция прагматика – дейксис – синтактика. Результат можно назвать прагмасинтактикой. Образно, на стены универсальной грамматики кладется крыша. Результат, по Степанову, Язык 2 с семантикой и синтактикой.

Уже сложившиеся грамматические уровни семантики (словаря с его показателями существительных, глаголов, прилагательных, наречий и в целом частей речи), синтактики (языкового синтаксиса с его показателями отношений между семантическими единицами) затем дополняются возвращенной, усиленной и формализованной прагматикой. Формируется новый прагматический уровень языка, грамматика которого, к сожалению, лингвистически проработана пока довольно фрагментарно и выборочно как в целом в лингвистической теории, так и в грамматических описаниях и трактовках отдельных языков.

Семиотически выделяется очень широкий и разнообразный набор типов прагматических маркеров от интонационных, например вопросительная интонация, или пунктуационных (вопросительный или восклицательный знак, кавычки и т.п.) до служебных слов и частиц типа *будто*, *мол* и т.п. Часто используются альтернативные парадигмы спряжения, например для различных наклонений глаголов. Существуют прочие лингвистически плохо исследованные прагматические маркеры уже в виде таких языковых средств, которые традиционно считаются не грамматическими, а риторическими. Разграничение тут зыбкое и условное. На мой взгляд, вполне мыслима перспектива интеграции риторики в грамматику, с одной стороны, а с другой – расширения грамматики предложений до грамматики текстов и даже целостных дискурсов.

Зачастую для выражения грамматических категорий и отношений используются разного рода клитики, интонационные и прочие несловесные маркеры. Порой даже ситуационно выраженной прагматической диспозиции, например в виде материально наличной логономической конструкции (престол с залой для аудиенций, скамьями вдоль стен, подступе входящих и места для их испытания), может быть достаточно для построения ритуально закрепленных риторических высказываний.

Постепенно вырабатываются обычаи и правила для повествований об актуальных и воображаемых мирах, о прошлом и будущем. Аналогичным образом создаются средства для оформления различных модусов осмысливания и оязыковления. Закрепляются правила грамматического оформления наклонений и косвенной речи. Так складывается то, что Ю.С. Степанов назвал Язык 3 с семантикой, синтактикой и прагматикой. Наконец-то здание универсальной грамматики обстраивается от подвала до крыши и от крыши до подвала.

Данная схема универсальной грамматики представлена здесь немного преждевременно. Она включает уже обретший определенность глоттогенез, формирование языка как коммуникативной системы. Однако обзор эволюции еще не достиг соответствующих уровней и моментов развития. Требуется последнее усилие.

Великий скачок вперед к глоттогенезу

Еще более короткое революционное преодоление очередного рубикона занимает всего какой-то десяток тысячелетий – с 50 тыс. до 40 тыс. лет до нас. Существует точка зрения, что именно эта пора стала так называемым Великим скачком вперед (The Great Leap Forward) [Diamond, 1989; Diamond, 1998; Davidson, 2003], или Революцией человека (Human Revolution) [The Human Revolution ..., 1989; Schwartz, 1990], когда люди обрели поведенческую современность (behavioral modernity) [Sterelny, 2011; Kissel, Fuentes, 2018]. Удивительно, но никто не предложил именовать эту пору Языковой революцией (Language Revolution), хотя основания для этого есть, ведь люди приобрели, видимо, некое подобие того, что мы сейчас называем языком. По Розову, пора с 50 тыс. до 10 тыс. лет до нас отмечена существованием простого языка.

Это уже фактически возникающий, но пока фрагментарный и не обретший отчетливого строя алгоритмический инструментарий порождения речи. Возможно, он напоминал то, что описано выдающимся исследователем Дэниэлом Эвереттом как язык пираха (*pirahã*) [Everett, 2017a; Everett, 2017b; Everett, 2018]. Впрочем, надежно судить об этом трудно на основе одних публикаций Эверетта. К сожалению, у меня не было возможности серьезно заняться им, чтобы уверенно судить об основательности доводов об отсутствии рекурсии в этом языке. Возможно, какие-то маркеры или коммуникативные обычаи просто не были замечены. Во всяком случае логономические построения точно не были приняты во внимание.

Как бы то ни было, для простого языка семантика пока еще основная опора, синтактика фрагментарна и зыбка, а завершающая здание универсальной грамматики прагматика только выстраивается. По мере своего формирования она создает момент развития. Появляется связь прагматика – дейксис – синтактика. Рекурсивное закольцовывание порождает прагма-синтактика. Наконец, ближе к десяти тысячелетиям до нас простые языки приобретают наконец облик, вполне подобный нынешним.

Чем мог заполняться «праязыковой разрыв»?

Не знаю, до какой степени произошедший переход модно назвать революционным рубиконом. Трудно судить даже, когда он произошел. Ким Стерельни обозначает границу 12 тыс. лет назад [Sterelny, 2011]. Георгий Старостин отодвигает ее ближе на 5–6 тысячелетий к нынешним временам. Возможно, как раз промежуток 12–6 тысячелетий назад и были революционным рубиконом.

В целом нет сомнений, что важнейшим эволюционным содержанием произошедшего было обустройство грамматики. Оно было постепенным. Крайне соблазнительно последовать за А.Ф. Лосевым по лестнице типоло-

гических переходов, обрисованной им в блестящей работе по эволюционной типологии известных нам языков и пропозициональных функций мышления, грамматического строя, включая развитие падежной системы и предикации. Ее основные результаты опубликованы в виде статьи [Лосев, 1982a] и заметок к курсу лекций [Лосев, 1982b].

По Лосеву, эволюционными фазами превращений грамматического, а также и социального, логического и прочих субъектов стали инкорпорированный грамматический строй, двучленная инкорпорация, прономинальный, посессивный, эргативный, аффективный, локативный и, наконец, номинативный (современный) строй. Одновременно это также эволюция падежной системы от генитива к номинативу. Это история становления человеческой субъектности. Разумеется, это исключительно красивая схема требует проверки и уточнения в свете новых и новейших данных лингвистической типологии. Однако общий тренд Лосевым был гениально ухвачен и может служить общим ориентиром.

Остановилось ли на этом развитие языков? Можно ли считать, что эволюция прекратилась? Думаю, что нет.

Эволюция современных коммуникативных забот и способностей

Будем считать, что около 12 тыс. лет назад, а то и вдвое позже сформировался развитый строй устного языка. Его дальнейшая эволюция связана с появлением все новых фактур речи. Это способы фиксации и надежной передачи речи, в том числе с использованием прочих фактур, кроме эфемерной звуковой речи. Вот основные примеры ее обновления и дополнения новыми фактурами. Это, конечно же, развитая поэтическая и ритуальная речь, а также узелковое «письмо», кипу и т.п. Эти новшества ослабляли груз одних проблем, создавали новые возможности, а значит, влияли и на языки в целом.

Примерно пять тысяч лет назад зародилась письменность и начался этап устной и письменной речи. Последовательно появлялись только надписи, затем запись целостных текстов. В рукописи и книги включали карты и иллюстрации. Впрочем, ни самого термина текст (*textus*) еще не было, ни тем более соответствующего феномена. Он появился всего пять столетий назад, когда Гутенбергова революция открыла возможность печати текстов, карт и иллюстраций. Порой говорят о новом этапе, но скорее уместно считать его лишь завершающей фазой этапа письменности с возможностью массового копирования. Чуть позже возникает и парное понятие текст – контекст.

Примерно полтора столетия назад с появлением звукопередачи и звукозаписи наметился новый этап мультифактурной коммуникации. Речь стала интегрироваться с визуальными, звуковыми и прочими способами коммуникации. Еще продолжающийся переход к этому этапу развертыва-

ется у нас на глазах. Он хорошо иллюстрирует особенности переходов развития.

Список литературы

- Алпатов В.М. Соссюр и мировая наука // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. – 2008. – № 2008. – С. 12–27.
- Декарт Р. Сочинения : в 2 т. : пер. с лат. и франц. – Москва : Мысль, 1994. – Т. 2 / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – 634 с. – (Филос. Наследие ; т. 119).
- Евстифеев Р.В. Путь очеловечивания : язык, сознание, гуманность // МЕТОД : Московский ежеквартальный труд из обществоведческих дисциплин : ежекв. науч. изд. / РАН, ИНИОН, Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. – Москва, 2022. – Т. 2, № 2. – С. 220–235. – Рецензия на книгу: Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. – Манускрипт, 2022. – 355 с.
- Золян С.Т. «Все, что может быть описано, может и случиться...» : К описанию семантики текста как модели межмировых отношений 'What can be described can happen too...': describing text semantics as a model structure of transworld relationships // Слово.ру: балтийский акцент. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 72–84.
- Золян С.Т. Семиотика и прагматика политического дискурса // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 47–76.
- Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – Ереван : Изд-во Ереванского ун-та, 1991. – 311 с.
- Иванов Е.Е., Иванова С.Ф. О происхождении крылатого выражения «Alea jasta est» // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. – Могилёв : Издательство Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, 2007. – С. 171–173.
- Ильин М.В. Движущие силы эволюции // МЕТОД : ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : ежегод. науч. изд. / РАН, ИНИОН, Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. – Москва, 2021. – Вып. 11. – С. 73–87.
- Ильин М.В. Картезианский момент. Новые рассуждения о стилях и методах в старомодной манере Декарта // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН, Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. ; ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. – Москва, 2020. – Вып. 10 : Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. – С. 22–76.
- Князева Е.Н. Понятие Umwelt Я. фон Искюля и перспективы экологической мысли // Вестник Международной академии наук (Русская секция) [Электронный ресурс]. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 68–74.
- Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Искюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 30–44.
- Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Знак. Символ. Миф : труды по языкознанию. – Москва : Изд. МГУ, 1982a. – С. 246–279.
- Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф : труды по языкознанию. – Москва : Изд-во МГУ, 1982b. – С. 280–407.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 С.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 томах. – Москва : ГИХЛ, 1962. – Т. 6.

- Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. – Новосибирск : Манускрипт, 2022. – 355 с.
- Розов Н.С. Происхождение языка : коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2021. – № 11. – С. 162–193.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – Москва : Наука, 1985. — 335 с.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – Москва : Изд. иностр. лит., 1960. – 351, [1] с.
- Фокин К.В. Гипотеза сверхъестественного наказания (Критический обзор) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2019. – № 1(92). – С. 60–80.
- Фокин К.В. Опыт изучения власти на интерфейсе политического и биологического // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2020. – № 10. – С. 196–211.
- Фомичев П.Н. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология : реферативный журнал. – 1995. – № 4. – С. 63–64. – Рецензия на статью: Maryanski A. The pursuit of human nature in Sociobiology and evolutionary Sociology // Sociological perspectives. – London, 1994. – Vol. 37, N 3. – P. 375–389.
- Чебанов С.В. Мерономия С.В. Мейена : к 40-летию формулирования // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. – 2017. – Т. 14. – С. 64–92.
- Baryshnikov P.N. Animal communication systems and «the Rubicon» in the theories of the origin of language // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. – 2016. – № 1. – С. 81–89.
- Berwick R.C., Chomsky N. Why only us: Language and evolution. – MIT press, 2016. – 224 p.
- Bradshaw J.L., Rogers L.J. The evolution of lateral asymmetries, language, tool use & intellect : Review // Canadian Journal of Experimental Psychology. – 1993. – Vol. 47, N 4. – P. 757.
- Cartesius. Renati Des-Cartes Meditationes de prima philosophia, in qua Dei existentia et animae immortalitas demonstrantur. Parisiis apud Michaellem Soli. – 1641. – 604 p.
- Chomsky N. Approaching UG from below // Interfaces+ recursion = language. – 2007. – Vol. 89. – P. 1–30.
- Chomsky N. Categories and transformations // The minimalist program. – 1995. – N 219. – P. 394.
- Cohen H. Historical, Darwinian, and current perspectives on the origin (s) of language // New perspectives on the origins of language. – 2013. – P. 3–30.
- Corballis M. The Evolution of Lateral Asymmetries, Language, Tool Use, and Intellect / J. Bradshaw, L. Rogers (eds.). – San Diego, CA : Academic Press, 1994. – 463 p.
- Corballis M. Crossing the Rubicon: Behaviorism, Language, and Evolutionary Continuity. Front. Psychol // Frontiers in Psychology. – 2020. – N 11. – P. 1–10.
- Corballis M. Minimalism and evolution // Frontiers in Communication. – 2019. – N 4. – P. 1–9.
- Corballis M. Psychology and Evolution : A Checkered History / Psychology and Cognitive Archaeology. – Routledge, 2021. – P. 27–40.
- Cowley S.J. Distributed language and dynamics // Pragmatics & cognition. – 2009. – Т. 17, N 3. – P. 495–508.
- Cowley S.J. The return of languaging // Chinese Semiotic Studies. – 2019. – Т. 15, N 4. – P. 483–512.
- Cowley S.J., Gahrn-Andersen R. Languaging in an Enlanguaged World // Constructivist Foundations. – 2022. – Т. 18, N 1. – P. 054–057.
- Cowley S.J., Kuhle A. The rise of languaging // Biosystems. – 2020. – Vol. 198. – P. 104–264.

- Davidson T.M. The Great Leap Forward : the anatomic basis for the acquisition of speech and obstructive sleep apnea // *Sleep medicine*. – 2003. – Т. 4, N 3. – P. 185–194.
- Deacon T. Incomplete nature : How mind emerged from matter. – New York : W. W. Norton & Company. – 2011. – 670 p.
- Diamond J.M. Guns, germs and steel : A short history of everybody for the last 13,000 years. – New York : W.W. Norton, 1998. – 480 p.
- Diamond J. The great leap forward // *Discover*. – 1989. – Т. 10, N 5. – P. 50–60.
- Dirac P.A.M. An extensible model of the electron // *Proceedings of the Royal Society of London. Series A : Mathematical and Physical Sciences*. – 1962. – Vol. 268, N 1332. – P. 57–67.
- Distributed Language / S.J. Cowley (ed.). – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2011. – 220 p.
- Eigenforms, interfaces and holographic encoding / Fields C., Hoffman D.D., Prakash C., Prentner R. // *Constructivist Foundations*. – 2017. – Т. 12, N 3. – P. 265–291.
- Everett D. How language began : The story of humanity's greatest invention. – Profile Books, 2017a. – 251 p.
- Everett D. Decoding Chomsky // *Language and Cognition*. – 2018. – Т. 10, N 1. – P. 171–185.
- Everett D. Grammar came later : Triality of patterning and the gradual evolution of language // *Journal of Neurolinguistics*. – 2017b. – Т. 43. – P. 133–165.
- Frank M.C. Chasing the Rubicon? // *The American Journal of Psychology*. – 2016. – Vol. 129, N 1. – P. 99–104.
- Ilyin M. Emergence and advancement of basic human capacities // *Linguistic frontiers*. – 2020. – Vol. 3, N 2. – P. 3–20.
- Kauffman L.H. Reflexivity and Eigenform : The Shape of Process // *Constructivist Foundations*. – 2009. – Vol. 4, N 3. – P. 121–137.
- Kendon A. Some modern considerations for thinking about language evolution : A discussion of The Evolution of Language by Tecumseh Fitch // *The Public Journal of Semiotics*. – 2011. – N 3(1). – P. 79–108.
- Kissel M., Fuentes A. Behavioral modernity as a process, not an event, in the human niche // *Time and Mind*. – 2018. – Т. 11, N 2. – P. 163–183.
- Klein R.G. Anatomy, behavior, and modern human origins // *Journal of world prehistory*. – 1995. – Т. 9. – P. 167–198.
- Klein R.G., Edgar B. The dawn of human culture. – New York : Wiley, 2002. – 288 p.
- Kozintsev A. Communication, semiotics, and the language Rubicon // *Russian Journal of Communication*. – 2018. – N 10(1). – P. 1–20.
- Kull K. On semiosis, Umwelt, and semiosphere // *Semiotica*. – 1998. – Vol. 120. – P. 299–310.
- Lecourt S. The Rubicon of Language : Max Müller, Evangelical Anthropology, and the History of True Religion // Lecourt S. *Cultivating Belief : Victorian Anthropology, Liberal Aesthetics, and the Secular Imagination*. – Oxford, 2018. – P. 33–67.
- Lichtblau K. Die Eigenart der kultur- und sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung. – Springer-Verlag, 2011. – 407 S.
- Lichtblau K. Von der ‚Gesellschaft‘ zur ‚Vergesellschaftung‘. Zur deutschen Tradition des Gesellschaftsbegriffs // *Die Eigenart der kultur- und sozialwissenschaftlichen. – Begriffsbildung*, 2011. – S. 11–36.
- Maryanski A. Émile Durkheim and the birth of the gods : clans, incest, totems, phratries, hordes, mana, taboos, corroborrees, sodalities, menstrual Blood, apes, churingas, cairns, and other mysterious things. – Routledge, 2018. – 362 p.
- Maryanski A. The hominid tool-language connection : Some missing evolutionary links // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1995a. – N 18(1). – P. 199–200.
- Maryanski A. The origin of speech and its implication for the optimal size of human groups // *Critical Review*. – 1997. – N 11(2). – P. 233–249.
- Maryanski A. What is the good society for hominoids? // *Critical Review*. – 1995b. – N 9(4). – P. 483–499.

- Maryanski A., Turner J.H. The social cage : Human nature and the evolution of society. – Stanford University Press, 1992. – 228 p.
- Morowitz H.J., Schmitz-Moormann N., Salmon J.F. Teilhard's two energies // *Zygon*. – 2005. – N 40(3). – P. 721–732.
- Müller M. Lectures on the science of language: Delivered at the Royal Institution of Great Britain in April, May & June 1861. Vol. 1. – 4th ed. – London : Longmans, Green. – 1864.
- Neubauer D. Darwin's Biosemiotics : The Linguistic Rubicon in the Descent of Man // *Biosemiotic Perspectives on Language and Linguistics*. – 2015. – P. 257–273.
- New perspectives on the origins of language. / C. Lefebvre, B. Comrie, H. Cohen (eds.). – John Benjamins Publishing, 2013. – Vol. 144. – 582 p.
- Piattelli M. 'Language is our Rubicon': Friedrich Max Müller's Quarrel with Hensleigh Wedgwood // *Publications of the English Goethe Society*. – 2016. – N 85(2/3). – P. 98–109.
- Piattelli M. 'Language is our Rubicon': Friedrich Max Müller's Quarrel with Hensleigh Wedgwood // *Friedrich Max Müller and the Role of Philology in Victorian Thought*. – Routledge, 2019. – P. 32–43.
- Prigogine I. From Being to Becoming Time and Complexity in the Physical Sciences. – San Francisco : W. H. Freeman and Company, 1980. – 272 p.
- Rees M. Just six numbers : The deep forces that shape the universe. – Hachette, UK : Basic Books, 1999. – 173 p.
- Reis J.E. Teilhard de Chardin's idea of progress and theory of cosmological evolution // *Spaces of Utopia*. – 2014. – P. 41–52.
- Salmon J.F. Chemical Self-Organization, Complexification, and Process Metaphysics // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 2003. – T. 988, N 1. – P. 345–352.
- Salmon J.F. Teilhard's Law of Complexity-Consciousness // *Revista Portuguesa de Filosofia*. – 2005. – P. 185–202.
- Schwartz J.H. The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. – Princeton University Press, 1990. – 232 p.
- Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1908. – 782 S.
- Sterelny K. From hominins to humans : how sapiens became behaviourally modern // *Philosophical Transactions of the Royal Society. Biological Sciences*. – 2011. – T. 366, N 1566. – P. 809–822.
- Tattersall I. How can we detect when language emerged? // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2017. – N 24. – P. 64–67.
- Tattersall I. The Minimalist Program and the origin of language : a view from paleoanthropology // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – N 10. – P. 1–5.
- Teilhard de Chardin P. *Le Phénomène Humain*. – P.: Editions du Seuil. – 1955. – 318 p.
- The biology of language under a minimalist lens : promises, achievements, and limits / Benítez-Burraco A., Fujita K., Hoshi K., Progovac L. // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – P. 1–3.
- The Human Revolution : Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans / C. Stringer, P. Mellars (eds.). – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1989. – 800 p.
- Thibault P.J. Distributed languaging, affective dynamics, and the human ecology. Volume 1. The sense-making body. – Routledge, 2020a. – 318 p.
- Thibault P.J. Distributed languaging, affective dynamics, and the human ecology. Volume 2. Co-articulating self and world. – Routledge, 2020b. – 310 p.
- Thibault P.J. Selves, interactive representations and context: A systemic functional linguistic account of process in language and world // *Language, Context and Text*. – 2021. – Vol. 3, N 1. – P. 33–92.
- Trubetzkoy N.S. *Grundzüge der Phonologie*. (Travaux du Cercle linguistique de Prague 7). – Prague, 1939. – 271 p.

Uexküll J. von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. – Berlin : Springer, 1909. – 259 p.

Velmezova E., Kull K. Biosemiotic perspectives on language and linguistics / S.J. Cowley (ed.). – New York : Springer, 2015. – Vol. 13. – 301 p.

Mikhail Ilyin¹

**Humans shaped themselves from animals by recursion,
reference and languaging**

Abstract. The article responds to Nikolai Rozov's article of 2021 in METHOD and his book of 2022 on human evolution. Survival concerns – not just communication ones are the departure point of the article. The paper capitalizes on the biosemiotic approach to the study of the evolution of human abilities to communicate and think. It allows us to simultaneously take into account three aspects of evolution – social, biological and ecological. They are deeply rooted in the evolution of our planet and the Observable Universe and exploit similar evolutionary universals, including eigenforms, recursions and enclosures. Thus, eigenforms and recursion with inversive switch serve as basic constructive patterns for the transformation of social primates into humans. They work at all evolutionary levels and in all three aspects of evolution under consideration.

The process of transformation of social primates into humans is embedded in the multidimensional space-time duration (*durée*) of the extended evolution of the terrestrial biosphere. The course and results of this evolution are materially, symbolically and operationally fixed in the configuration of the double helix of the human genome. It shapes into recursive ringlike curves of chains of macromolecules, which are folded (foldings) and fastened by internal ligaments (ligands). Its actual patterning is multidimensional, but convenient visual perceptions reduce it to a three-dimensional figure of double helix.

Anthropogenesis, the formation and development of human life practices, thinking and communication is a series of boosted (critical) and slow (preparatory and consolidating) modes of development in the form of cascades of evolutionary changes. The emergence of capacities, conditions, and affordances are not single events, but «recurring rediscoveries» in response to new challenges. The author distinguishes three great transitions of our ancestral social primates to the current human condition: biocommunication, glottogony and glottogenesis.

The first one began about 7 million years ago. It was picked up and continued about 2.7 million years ago by the next more dynamic mode of development, associated with the formation of more perfect communication and the formation of proto-speech (glottogony). Its main underpinning was utilization of circumstantial reference frames.

In the course of this long development, about 1.5 million years ago, processes began to emerge ensuring the reliability of communication by providing more reliable substitutes for incidental reference frames. It involved internalization of the conditions and possibilities of communication in the form of systemic abilities of speech generation. Thus, already within glottogony distant indications and precursors of glottogenesis started to ensue. Its heyday marked about 130–100 thousand years ago very sketchy anticipations of Saussure's *langue*.

Approximately 50–40 thousand years ago, new cascades of evolutionary changes began, associated with the transformation of primitive complexes of speech and *langue*-like capacities into linguistic abilities and practices or protolanguages similar to modern ones. Finally, between

---

¹ **Ilyin Mikhail Vasilievich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Center for Advanced Methodologies for Social and Humanitarian Research, INION RAN, Research Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

12 and 5 millennia ago, cascades of changes took place, leading to the formation of language families and the beginning of their history.

Keywords: human evolution; biosemiotics approach; evolutionary universals; recursion with inversive switch; enclosures; reference; reference frame; time-space duree; innenwelt; umwelt; concerns; capacities, conditions, affordances.

For citation: Ilyin M.V. (2022). Humans shaped themselves from animals by recursion, reference and languaging. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 41–81. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.05>

References

- Alpatov V.M. (2008). Saussure and world science. *Ferdinand de Saussure and Modern Humanities*, 12–27.
- Baryshnikov P.N. (2016). Animal communication systems and «the Rubicon» in the theories of the origin of language. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Filosofija*, (1), 81–89.
- Benítez-Burraco A., Fujita K., Hoshi K. & Progovac L. (2021). The biology of language under a minimalist lens: promises, achievements, and limits. *Frontiers in Psychology*, 1–3.
- Berwick R.C. & Chomsky N. (2016). *Why only us: Language and evolution*. MIT press.
- Bradshaw J. & Rogers, L. (1993). *The Evolution of Lateral Asymmetries, Language, Tool Use, and Intellect*. San Diego, CA: Academic Press.
- Cartesius. (1641). *Renati Des-Cartes Meditationes de prima philosophia, in qua Dei existentia et animae immortalitas demonstrantur. Parisiis apud Michaellem Soli*.
- Chebanov S.V. (2017). Meronomy of S.V. Meyen: to the 40th anniversary of the formulation. *Lethaea rossica. Russian Paleobotanical Journal*, 14, 64–92.
- Chomsky N. (1995). Categories and transformations. *The minimalist program*, 219, 394.
- Chomsky N. (1995). The minimalist program (current studies in linguistics 28). *Cambridge et al.*
- Chomsky N. (2007). Approaching UG from below. *Interfaces+ recursion= language*, 89, 1–30.
- Cohen H. (2013). Historical, Darwinian, and current perspectives on the origin (s) of language. *New perspectives on the origins of language*, 3–30.
- Corballis M. (1994). The Evolution of Lateral Asymmetries, Language, Tool Use, and Intellect. By John Bradshaw and Lesley Rogers. San Diego, CA: Academic Press, 1993. 463 p. Cloth, \$72.00. *The American Journal of Psychology*, 107(1), 123–129.
- Corballis M. (2019). Minimalism and evolution. *Frontiers in Communication*, 4, 1–9.
- Corballis M. (2020). Crossing the Rubicon: Behaviorism, Language, and Evolutionary Continuity. *Front. Psychol. Frontiers in Psychology*, 11, 1–10.
- Corballis M. (2021a). Psychology and Evolution: A Checkered History. In *Psychology and Cognitive Archaeology* (pp. 27–40). Routledge.
- Cowley S.J. (2009). Distributed language and dynamics. *Pragmatics & cognition*, 17(3), 495–508.
- Cowley S.J. (2019). The return of languaging. *Chinese Semiotic Studies*, 15(4), 483–512.
- Cowley S.J. (ed.). (2011). *Distributed Language* (Vol. 34). John Benjamins Publishing.
- Cowley S.J. (ed.). (2011). *Distributed Language*. Ams.: John Benjamins Publishing.
- Cowley S.J. & Gahrn-Andersen R. (2022). Languaging in an Enlangued World. *Constructivist Foundations*, 18(1), 054–057.
- Cowley S.J. & Kuhle A. (2020). The rise of languaging. *Biosystems*, 198, 104264.
- Davidson T.M. (2003). The Great Leap Forward: the anatomic basis for the acquisition of speech and obstructive sleep apnea. *Sleep medicine*, 4(3), 185–194.
- Deacon T. (2011). *Incomplete nature: How mind emerged from matter*. N.Y.: W. W. Norton & Company.

- Descartes R. (1994). Works in 2 volumes: trans. from Lat. and French. M.: Thought, Vol. 2 / *comp., ed., introduction. V.V. Sokolov (Philosophical heritage, vol. 119).*
- Diamond J.M. (1989). The great leap forward. *Discover*, 10(5), 50–60.
- Diamond J.M. (1998). *Guns, germs and steel: a short history of everybody for the last 13,000 years.*
- Dirac P.A.M. (1962). An extensible model of the electron. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A. Mathematical and Physical Sciences*, 268(1332), 57–67.
- Everett D. (2017a). *How language began: The story of humanity's greatest invention.* Profile Books.
- Everett D. (2017b). Grammar came later: Triality of patterning and the gradual evolution of language. *Journal of Neurolinguistics*, 43, 133–165.
- Everett D. (2018). Decoding Chomsky. *Language and Cognition*, 10(1), 171–185.
- Evstifeev R. (2022). The way of humanizing: language, consciousness, humanity. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2(2), P. 220–235. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02/02/12>
- Fields C., Hoffman D.D., Prakash C. & Prentner R. (2017). Eigenforms, interfaces and holographic encoding. *Constructivist Foundations*, 12(3), 265–291.
- Fokin K.V. (2019). Hypothesis of supernatural punishment (Critical review). *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics «Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast»*, 1(92), 60–80.
- Fokin K.V. (2020). Experience in studying power at the interface of political and biological. *METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines*, 10, 196–211.
- Fomichev P.N., Marjanski A. (1995). The pursuit of human nature in Sociobiology and evolutionary Sociology. *Sociological perspectives*, 37(3), 375–389. In *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology: Abstract Journal*, (4), 63–64.
- Frank M.C. (2016). Chasing the Rubicon? *The American Journal of Psychology*, 129(1), 99–104.
- Ilyin M.V. (2020). Emergence and advancement of basic human capacities. *Linguistic frontiers*, 3(2), 3–20.
- Ilyin M.V. (2021). Driving forces of evolution. *METHOD: yearbook of works from social science disciplines: year. Scientific. Ed.* In RAN. INION. Center of Prospects. methodologies social. and humanit. research. Moscow, 11, 73–87.
- Ilyin M.V. (2020). Cartesian moment. New arguments about styles and methods in the old-fashioned manner of Descartes. *METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines: Collection. Scientific. Tr.* In RAN. INION. Center of Prospects. methodologies social. and humanit. research.; Ed. coll.: M.V. Ilyin (Editor-in-Chief) et al., 10: Following Descartes. Perfect purity and material basis of thinking, cognition and scientific methods, 22–76.
- Ivanov E.E., Ivanova S.F. (2007). On the origin of the winged expression «Alea jasta est». In *Kulyashouskiya chytanni. Materials of the International Navukova-Practical Language (pp. 171–173).* Mogilev: Publishing House of Mogilev State University named after A.A. Kuleshov.
- Kauffman L.H. (2009). Reflexivity and Eigenform : The Shape of Process. *Constructivist Foundations*, 4(3).
- Kendon A. (2011). Some modern considerations for thinking about language evolution: A discussion of The Evolution of Language by Tecumseh Fitch. *The Public Journal of Semiotics*. 3(1), 79–108.
- Kissel M. & Fuentes A. (2018). 'Behavioral modernity' as a process, not an event, in the human niche. *Time and Mind*, 11(2), 163–183.
- Klein R.G. (1995). Anatomy, behavior, and modern human origins. *Journal of world prehistory*, 9, 167–198.
- Klein R.G. & Edgar B. (2002). *The dawn of human culture* (p. 288). New York: Wiley.
- Knyazeva E.N. (2014). J. von Iskul's concept of Umwelt and the perspectives of ecological thought. *Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian section) (Electronic resource)*, 1(1), 68–74.
- Knyazeva E.N. (2015). The concept of «Umwelt» by Jakob von Ixkühl and its implications for modern epistemology. *Voprosy filosofii*, (5), 30–44.

- Kozintsev A. (2018). Communication, semiotics, and the language Rubicon. *Russian Journal of Communication*, 10(1), 1–20.
- Kull K. (1998). On semiosis, Umwelt, and semiosphere. *Semiotica*, 120, 299–310.
- Lecourt S. (2018). The Rubicon of Language: Max Müller, Evangelical Anthropology, and the History of True Religion. In Lecourt, S. *Cultivating Belief: Victorian Anthropology, Liberal Aesthetics, and the Secular Imagination*, 33–67.
- Lefebvre C., Comrie B., & Cohen H. (Eds.). (2013). *New perspectives on the origins of language* (Vol. 144). John Benjamins Publishing.
- Lichtblau K. (2011). *Die Eigenart der kultur- und sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung*. Springer-Verlag. 407 S.
- Lichtblau K. (2011). Von der ‚Gesellschaft‘ zur ‚Vergesellschaftung‘. Zur deutschen Tradition des Gesellschaftsbegriffs. *Die Eigenart der kultur- und sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung*, 11–36.
- Losev A.F. (1982a). On the propositional functions of the oldest lexical structures. In *Sign. Symbol. Myth* (pp. 246–279). M.: Publishing House of Moscow State University.
- Losev A.F. (1982b). On the types of grammatical sentences in connection with the history of thinking. In *Sign. Symbol. Myth* (pp. 280–407). M.: Publishing House of Moscow State University.
- Maryanski A. (1995a). The hominid tool-language connection: Some missing evolutionary links. *Behavioral and Brain Sciences*, 18(1), 199–200.
- Maryanski A. (1995b). What is the good society for hominoids? *Critical Review*, 9:4, 483–499.
- Maryanski A. (1997). The origin of speech and its implication for the optimal size of human groups. *Critical Review*, 11:2, 233–249.
- Maryanski A. (2018). *Émile Durkheim and the birth of the gods: clans, incest, totems, phratries, hordes, mana, taboos, corroborates, sodalities, menstrual Blood, apes, churingas, cairns, and other mysterious things*. Routledge.
- Maryanski A. & Turner J.H. (1992). *The social cage: Human nature and the evolution of society*. Stanford University Press.
- Mellars P. & Stringer C. (eds). (1989). *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Morowitz H.J., Schmitz-Moormann N. & Salmon J.F. (2005). Teilhard's two energies. *Zygon*, 40(3), 721–732.
- Müller M. (1864). *Lectures on the science of language: Delivered at the Royal Institution of Great Britain in April, May, & June 1861* (Vol. 1). 4th ed. L.: Longmans, Green.
- Neubauer D. (2015). Darwin's Biosemiotics: The Linguistic Rubicon in the Descent of Man. *Bio-semiotic Perspectives on Language and Linguistics*, 257–273.
- Piattelli M. (2016). 'Language is our Rubicon': Friedrich Max Müller's Quarrel with Hensleigh Wedgwood. *Publications of the English Goethe Society*, 85(2–3), 98–109.
- Piattelli M. (2019). 'Language is our Rubicon': Friedrich Max Müller's Quarrel with Hensleigh Wedgwood. In *Friedrich Max Müller and the Role of Philology in Victorian Thought* (pp. 32–43). Routledge.
- Prigogine I. (1980). *From Being to Becoming Time and Complexity in the Physical Sciences*. San Francisco: W. H. Freeman and Company.
- Prigogine I., Stengers I. (1986). *Order from chaos: a new dialogue between man and nature*. M.: Progress.
- Pushkin A.S. (1962). *Collected works in 10 volumes*. Vol. 6, M.: GIL.
- Rees M. (1999). *Just Six Numbers: The Deep Forces That Shape the Universe*. Hachette UK, Basic.
- Reis J.E. (2014). Teilhard de Chardin's idea of progress and theory of cosmological evolution. *Spaces of Utopia*, 41–52.
- Rozov N.S. (2021). Origin of language: coevolution of communicative concerns and sign structures. *METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines*, 11, 162–193.

- Rozov N.S. (2022). *Origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities*. Manuscript.
- Salmon J.F. (2003). Chemical Self-Organization, Complexification, and Process Metaphysics. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 988(1), 345–352.
- Salmon J.F. (2005). Teilhard's Law of Complexity-Consciousness. *Revista Portuguesa de Filosofia*, 1.
- Saussure F. (1977). Course of General Linguistics. In: *Saussure, F. de., Transactions on Linguistics*. Moscow: Progress.
- Schwartz J.H. (1990). *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Princeton University Press
- Simmel G. (1908). *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Stepanov Y.S. (1985). *In the Three-Dimensional Space of Language: Semiotics*. Linguistics, Philosophy, Art.
- Sterelny K. (2011). From hominins to humans: how sapiens became behaviourally modern. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 366(1566), 809–822.
- Tattersall I. (2017). How can we detect when language emerged? *Psychonomic Bulletin & Review*, 24, 64–67.
- Tattersall I. (2019). The Minimalist Program and the origin of language: a view from paleoanthropology. *Frontiers in Psychology*, 10, 1–5.
- Teilhard de Chardin P. (1955). *Le Phénomène Humain. P.: Éd. du Seuil*, 1955.
- Thibault P.J. (2020a). *Distributed languaging, affective dynamics, and the human ecology volume I: The sense-making body*. Routledge.
- Thibault P.J. (2020b). *Distributed languaging, affective dynamics, and the human ecology volume II: Co-articulating self and world*. Routledge.
- Thibault P.J. (2021). Selves, interactive representations and context: A systemic functional linguistic account of process in language and world. *Language, Context and Text*, 3(1), 33–92.
- Trubetskoy N.S. (1960). *Fundamentals of phonology*. M.: Izd. Inostr. Lit.
- Trubetskoy N.S. (1939). *Grundzüge der Phonologie*. (Travaux du Cercle linguistique de Prague 7.), Prague.
- Uexküll, J. von. (1909). *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. B.: Springer.
- Velmezova E., Kull K. & Cowley S.J. (Eds.). (2015). *Biosemiotic perspectives on language and linguistics* (Vol. 13). New York: Springer.
- Zolyan S.T. (1991). *Semantics and structure of poetic text*. Yerevan: Yerevan University Publishing House.
- Zolyan S.T. (2016). Semiotics and pragmasemantics of political discourse. *Political science*, 3, 47–76.
- Zolyan S.T. (2019). «Everything that can be described, can happen...»: On the description of the semantics of the text as a model of interworld relations ‘What can be described can also happen...’: description of the semantics of the text as a model structure of transworld relations. *Slovo.ru: Baltic accent*, 10(4), 72–84. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-4-6

Киосе М.И.¹

Концепция оязыковлени в работах П. Тибо

Аннотация. В настоящей работе анализу подвергаются методологические основания научной концепции Поля Тибо, одного из создателей теории оязыковлени, получившей широкий резонанс в современной социо- и когнитивной семиотике. В центре внимания исследователя оказываются две научные проблемы – процесс формирования личности и роль высказывания в процессе ее формирования.

Формирование личности П. Тибо представляет как двухэтапный процесс взаимодействия со средой и последующей индивидуализации личности, управляющийся отношениями внешнего и внутреннего диалога личности. В ходе анализа данных этапов устанавливаются уровни формирования личности, а именно: прото-личность, интеракциональная ориентированность на другого, триадическая прото-себя-другой интеракциональная ориентированность, младенческое прото-оязыковлени и оязыковлени, нарративная личность и автобиографическая память. Социосемиотическая модель личности ребенка проектируется П. Тибо в рамках экспериенциальной топологии; она представлена тремя уровнями, описывающими социально-семиотическое окружение ребенка в возможных и конкретных ситуациях, а также его артикулируемые ответы и контекстуально обусловленные установки.

В ходе социосемиотического анализа высказывания как социального действия автор руководствуется следующим алгоритмом: выделение клаузы и установление в ней тема-рематических отношений, модальности, позиции автора, семантических ролей, роли высказывания в семантической структуре ситуации. Усложнение высказывания-действия, реализующегося в увеличении дистанции между человеком и объектом, человеком и источником знака, источником символа и объектом референции, адресатом и адресантом, свидетельствует о развитии более сложных форм оязыковлени у ребенка. Среди особенностей высказываний-действий П. Тибо называет их агентивный или динамический характер, их потенциал в реализации онтологической категоризации мира и семантического конструирования ситуации, их рекурсивную природу.

Ключевые слова: П. Тибо; оязыковлени; личность; индивидуализация; высказывание-действие; экспериенциальная топология.

Для цитирования: Киосе М.И. Концепция оязыковлени в работах П. Тибо // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-

---

¹ **Киосе Мария Ивановна**, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса МГЛУ, Лаборатории мультимедиа коммуникации Института языкознания РАН, e-mail: maria_kiose@mail.ru
© Киосе М.И. 2022.

Одной из центральных тем когнитивной семиотики является концепция оязыковлени, предложенная в работах У. Матураны [Maturana, 1970] в 70-е годы прошлого века и возрожденная на новом этапе развития теорий активного познания в работах Н. Лава [Love, 2004], С. Коули [Cowley, 2011] и П. Тибо [Thibault, 2011]. В наиболее общем виде оязыковлени, вслед за Н. Лавом (2017), можно рассматривать как «рамочный термин, описывающий разные виды деятельности, включающие язык в самом широком плане: собственно речь, слушание, письменную речь, чтение, использование языка жестов и жестового языка» («a cover term for activities involving language: speaking, hearing (listening), writing, reading, ‘signing’ and interpreting sign language») [Love, 2017, p. 115]. При этом что в работах основоположников данного направления сохраняется определенное единство в отношении значимости оязыковлени как процесса познания и коммуникации, в них обнаруживаются и множественные различия, связанные с пониманием этапов данного процесса, роли субъекта в нем, возможности самоорганизации оязыковлени как деятельности.

Значимое место среди концепций оязыковлени занимает теория Пола Тибо, в которой разрабатываются указанные выше проблемы. В настоящей статье мы предпринимаем попытку системно представить взгляды П. Тибо на проблему оязыковлени; при этом мы учитываем то, что данный феномен рассматривается исследователем как чрезвычайно комплексный, соотносимый с активным познанием и коммуникацией в целом. На это указывает ряд основных характеристик оязыковлени, которые приводит П. Тибо: воплощенное (embodied), кинесико-эстетическое (enkinaesthetic), эмпатическое (empathic), телесное (enacted), предполагающее наличие определенных умений (enskilld), ситуативно обусловленное (embedded), распределенное (extended), приобретенное опытным путем (experiential), экологичное (ecological) [Thibault, 2021a, p. 13–14]. Ключевая роль в реализации оязыковлени отводится самой личности (selving), а также ее движениям-действиям в диалоге с собой и со средой, которые называются высказываниями (utterances). Две обозначенные темы как определяющие особый характер научной концепции П. Тибо мы и рассматриваем в рамках данной работы.

Обратимся к первой теме, процессу формирования личности (selves-in-languaging), который представлен П. Тибо [Thibault, 2019] как реализующийся в ходе оязыковлени. Методологически его концепция опирается на постулаты теории распределенного существования языка [Cowley, 2011; Thibault, 2011], согласно которой разграничиваются два явления, оязыковлени первого уровня (first-order languaging), или возникающие в результате взаимодействия со средой диалогические скоординированные движе-

ния-действия тела, и собственно язык (second-order language). В работе [Thibault, 2019] автор обращается к оязыковлению первого уровня и, более конкретно, к роли самой личности (self) как одновременно обеспечивающей процесс оязыковления и формирующейся в результате его реализации. Разделяя экстерналистские взгляды на феномен языка, под личностью П. Тибо понимает не субъекта, который обладает способностью взаимодействовать со средой, а «индивидуализированную структуру социальных практик и отношений, в основе которой лежат логические и ценностные принципы» («The self is an individuated structure of social practices and relations that is rational and moral») [Thibault, 2019, p. 50].

Формирование личности включает в себя два основных этапа: 1) отбор и координация действий личности в ходе взаимодействия со средой (self-maintenance) и 2) отбор и координация таких действий, которые обеспечивают индивидуализацию личности (self-individuation). Таким образом, формирование личности разворачивается одновременно в двух направлениях, которые обеспечивают ее гетерономию и автономию; сам же этот процесс носит деятельностный характер (при этом будучи ориентирован на достижение определенных целей) и диалогический характер (будучи ориентирован на коммуникацию адресата и адресанта). При этом П. Тибо отмечает, что присутствие субъекта является необходимым условием последующего формирования личности (вслед за [Brown, 2005]), а само возникновение личности в процессе оязыковления является результатом взаимодействия субъекта и объектов среды¹, их «совместной артикуляции» (co-articulation). В ходе совместной артикуляции субъект формирует «набор» потенциальных случаев реализации опыта, памяти, ценностных ориентаций, что соотносится с первым этапом формирования личности (self-maintenance). На втором этапе (self-individuation) происходит модуляция этого «набора» в ходе осуществления конкретных актов оязыковления; это может происходить как в ходе коммуникации с другими личностями, так и в ходе автокоммуникации.

Представленный двухэтапный процесс формирования личности подчинен общей идее симплекса, в основе которой (в самом общем виде) лежит тезис однонаправленного действия, нацеленного на упрощение взаимодействия со средой [Berthoz, 2012/2009]. Данный процесс характеризуется цикличностью, наличием сдерживающих факторов (определяемых возможностями среды и субъекта), адаптивностью процессов формирования языка (second-order language) под условия меняющейся среды. Саму личность при этом П. Тибо называет симплекс-личностью, или «симплекс-организацией процесса, нацеленного на интеграцию и координацию движений-действий человека, определяемых универсальным принципом организации, обеспечивающим индивидуализацию в отношении

---

¹ Речь идет как об объектах внешней среды, так и об объектах внутреннего мира человека, т.е. о ментальных объектах.

выбора и владения формами когнитивной активности и действиями с объектами» («The self is a simplex organisation of process that serves to integrate and coordinate the many activities of the person into a more global organizing principle that is the basis of selfhood and the self's feeling of ownership of its mental activities and related objects») [Thibault, 2019, p. 53].

При детализации процесса формирования личности П. Тибо разграничивает два типа участвующих в нем динамических отношений: эндофазные (иначе – внутренние) и экзофазные (внешние), где эндофазные отношения обеспечивают апроприацию экзофазных отношений и создают возможности для потенциальной индивидуализации личности, а экзофазные обеспечивают ориентацию оязыковления на другого (другого коммуниканта) и создают возможности для потенциального расширения возможностей оязыковления в последующих актах. Эндофазные и экзофазные отношения совместной артикуляции субъекта и объектов составляют основания микрогенеза. Согласно теории микрогенеза [Brown, 2015], процесс формирования личности включает 1) первичное объединение субъекта и объекта; 2) производимое субъектом разграничение себя и объектов; 3) производимое субъектом разграничение себя и объектов внутреннего мира; 4) артикуляцию собственного мира личности через взаимодействие с объектами и объектами внутреннего мира. На рисунке приведем схему совместной артикуляции субъекта и объектов и формирования личности, представленную в статье П. Тибо¹.

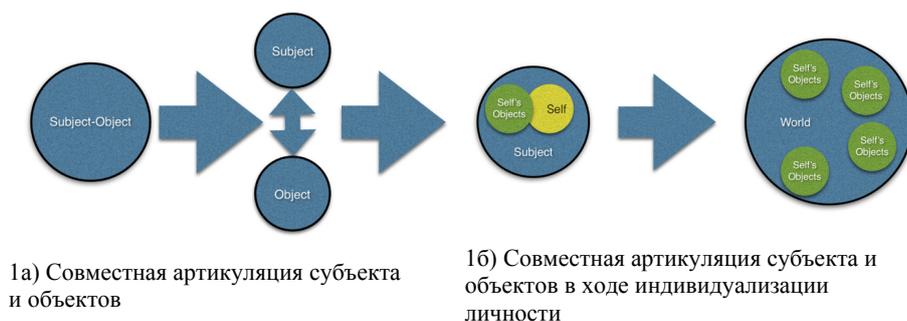

Рис.
Схема двухэтапного формирования личности в процессе оязыковления [Thibault, 2019, p. 54]

Ввиду того что в реализации данного процесса участвуют не столько две стороны (я и окружающая среда), сколько разные типы «себя», другого, разные типы объектов, П. Тибо полагает более целесообразным описы-

¹ Схема приведена в работе на с. 54. Перевод компонентов схемы: Subject – субъект, Object – объект, Self – личность, World – мир.

вать данный процесс не в рамках дихотомических отношений, а как топологический континуум, определяющийся существованием 1) зон «интермира», или мира, объединяющего личностей (вслед за [Linell, 2009]), и 2) зон взаимопроникновения, возникновение которых обусловлено индивидуализированной активностью личности (вслед за [Ingold, 2013]).

В процессе формирования личности при оязыковлении участвуют три компонента: 1) сами личности и их мнения, точки обзора, перспектива; 2) средства выражения, которые задействуются в ходе оязыковления; 3) неязыковой опыт, организующий и ориентирующий личности в диалогическом процессе оязыковления. В онтологической перспективе формирование личности ребенка определяется способностью распознавать и использовать языковые паттерны, усвоенные в ходе оязыковления, или «установкой на использование языка» (*language stance*, вслед за [Cowley, 2011]). Данная установка стимулирует использование тех или иных языковых средств (средств оязыковления), семантически соотносимых с некоторой темой коммуникации. Также она позволяет воспринимать «установки на использование языка» других людей и через них распознавать их социальную позицию и впоследствии ценностные установки. При этом эндофазные и экзофазные отношения совместной артикуляции субъекта и объектов стимулируют появление высказываний (*utterances*), при реализации которых личности формируют понятия, желания, намерения, чувства и иные объекты внутреннего мира в то время, как они возникают и трансформируются в диалогическом процессе оязыковления. Таким образом, оязыковление включает диалогические отношения двух типов: 1) внутренний диалог личности с объектами своего внутреннего мира; 2) внешний диалог личности с другими личностями. Развивая данную тему, П. Тибо разрабатывает онтологическую типологию развития личности (*the ontology of human selfhood*), которая представлена пятью уровнями знания (*knowing level*) и характеризуется разной степенью сформированности интерсубъективности [Thibault, 2021b, p. 118–127]. К этим уровням относятся: 1) протоличность (*proto-self and the feeling of what happens*), 0.0–0.3 месяца; 2) интеракциональная ориентированность на другого (*other oriented interactions*), 0.3–0.9 месяцев; 3) триадическая прото-себя-другой интеракциональная ориентированность (*triadic proto-self-other-world interactions*), 0.9–12 месяцев; 4) младенческое прото-оязыковление и оязыковление (*infant proto-languaging to languaging*), 1–4 года; 5) нарративная личность и автобиографическая память (*the Narrative Self and Autobiographical Memory*), 4 года и старше. Перечисленные этапы, уровни, отношения, компоненты формирования личности в ходе оязыковления П. Тибо считает необходимыми условиями формирования экологии личности как наиболее значимого компонента экологии человека в целом.

Второй значимой темой в работах П. Тибо становится роль высказывания (*utterance*) в оязыковлении. В ходе анализа [Thibault, 2020] автор определяет внутренние и внешние ограничения при выборе высказываний,

особенности их реализации в оязыковлени, производимом ребенком, а также разрабатывает многоуровневый алгоритм анализа функциональной организации высказывания.

Основной функцией высказываний¹ является, согласно П. Тибо, их способность «вступать в отношения совместной артикуляции с иными компонентами «социоаффективно-когнитивных объединений» (socio-affective-cognitive assemblage)» («<...> to enter into co-articulated relations with the other functioning components of larger scale socio-affective-cognitive assemblage») [Thibault, 2020, p. 21].

Процесс формирования высказываний управляется двумя ключевыми установками совместной артикуляции (субъекта и объектов в оязыковлени): 1) установкой на артикуляцию ощущения-значения, источником которого является индивидуальное бессознательное, стимулирующее «телесную схематизацию» (corporeal schematization, вслед за [Werner, Kaplan, 1984/1963]) и подготавливающее человека к формированию отношений со средой; 2) установкой на реализацию в составе более масштабных «социоаффективно-когнитивных объединений». Таким образом, высказывание – это действие, имеющее функциональную организацию и использующееся для взаимодействия человека со средой. К основным особенностям высказываний П. Тибо относит: 1) наличие связи с внешним локусом (вслед за [Deason, 2003]) как компонентом экспериенциальной топологии объектов, событий, причин, времени, локаций и т.д.; 2) индексальный характер их отношений с контекстом (под которым понимается материальный контекст и неязыковые действия субъекта), а именно вступление в два типа индексальных отношений, контекстопорождающее высказывание – порождаемый контекст и контекст – контекстопорождаемое высказывание; 3) их доступность для субъекта, которая обеспечивается тем, что они формируются в ситуации «в действии»; 4) их зависимый статус, определяемый значением и ценностями внешнего (по отношению к ним) мира.

Руководствуясь данными особенностями высказываний, П. Тибо формулирует четыре семиотических ограничения, влияющих на выбор высказываний в диалогически координированном процессе оязыковлени. Во-первых, это использование высказываний, нацеленных на потенциальное получение некоторого отклика. Это ограничение определяет высказывание в составе уже сформированной и формирующейся в ходе диалогической коммуникации «ситуационной матрицы высказываний» (utterance-situation matrix). Во-вторых, высказывания должны соотноситься с локусом ориентации и внимания, который легко выводим в условиях текущей активной экспериенциальной топологии. В-третьих, высказывание должно указывать и различать локусы внимания. Это ограничение означает, что высказывание должно распределять внимание коммуникантов на тех или

¹ Напомним, что высказываниями П. Тибо называет результаты оязыковлени, которое происходит с участием не только собственно языка, но и жеста, мимики, взгляда.

иных компонентов внеязыкового события. В-четвертых, высказывание должно определяться отношениями, создаваемыми контекстом, оно должно выступать средством установления и формирования контекстуально зависимых семантических отношений, которые легко выводимы.

С опорой на положения социосемиотической концепции формирования личности М. Халлидея [Halliday, 1995/2003], в которой Халлидей разрабатывает систему знаков, описывающих переход от протоязыка ребенка к его языку (и более конкретно, от знаков, имеющих фонетическую форму и семантику, к знакам, имеющим дополнительно и лексико-грамматическую форму и семантику), П. Тибо расширяет свою концепцию семиотических ограничений, определяющих выбор высказывания ребенком.

Первое ограничение (связанное с получением отклика) связано с необходимостью завладения ребенком чьим-либо вниманием и установления контакта с этим человеком. При оязыковлении данный процесс оформляется некоторым речевым образцом и фонологической конструкцией, например обращением *Pana*, произнесенным нисходящим тоном; таким образом, он реализуется с помощью нескольких модальностей, выбор которых определяется необходимостью скоординировать перспективы участников таким образом, чтобы обеспечить диалогическое решение проблемы выработки «разделенного понимания» (*shared understanding*).

Второе ограничение (связанное с наличием локуса ориентации и внимания) в данном примере определяется необходимостью наличия субъекта обращения, отца, как локуса внимания ребенка.

Третье ограничение (связанное с различием разных локусов внимания) определяется использованием указанных речевого образца и фонологической конструкции на фоне других речевых образцов и конструкций, где каждое из единств указывает на место некоторого локуса (в данном случае отца) в экспериенциальной топологии ребенка. При этом, как подчеркивает П. Тибо, речь не идет о кодировании некоторой информации (локус отец), а именно о разграничении и определении места разных локусов в топологии с помощью контекстуально обусловленного выбора средств.

Четвертое ограничение (связанное с формированием контекстуально зависимых семантических отношений) определяется условием присутствия контекстуального «оператора» (*context-creating operator*), в данном случае речь идет о присутствии или отсутствии отца, стимулирующего появление высказывания. В «языке взрослых» высказывания могут сами выступать в качестве операторов, стимулирующих появление других высказываний. В обоих случаях необходимо создание условий зависимости между выбором локуса и выбором высказывания.

Выбор способа оязыковления определяется особенностями социально-семиотического развития личности и ее отношениями с объектами. Для моделирования социально-семиотической личности в условиях множества способов оязыковления П. Тибо обращается к трехуровневой иерархической структуре, предложенной С. Салте применительно к сфере биологии

развития [Salte, 1993], преимущество которой состоит в отсутствии необходимости разграничивать разные типы средств, что сделать в некоторых случаях затруднительно. В данной типологии центральный уровень L является определяющим для целей исследования и описания, так как он соотносится с текущей ситуацией и отражает цели конкретной ситуации. Высший уровень L+1 соответствует свойствам и процессам, не сводимым к свойствам и процессам более низких уровней. Модель социально-семиотической личности ребенка, по П. Тибо, может быть представлена этими тремя уровнями, где уровень L+1 описывает все социально-семиотическое окружение ребенка, возможные типы ситуаций с участием возможных локусов внимания, уровень L описывает конкретную ситуацию, в которой присутствует указанный выше локус внимания, уровень L-1 описывает артикулируемые ответы, оформленные разными способами, и возможные контекстуально обусловленные установки.

П. Тибо далее разрабатывает алгоритм социосемиотического анализа высказывания, применяя его для анализа оязыковлени, произведенного ребенком. Основу алгоритма составляют четыре социосемиотические функции дискурса, выделенные в работах М. Халлидея (прежде всего в [Halliday, 1979]), а именно текстуальная, межличностная, экспериенциальная и логическая, каждая из которых реализует особый тип значения, имеет характерные способы грамматической организации и модус выражения; единицей анализа являются клаузы, представляющие высказывания (в выборе единиц анализа П. Тибо опирается на социосемиотическое исследование С. Томпсон и Э. Купер-Кухлен [Thompson, Couper-Kuhlen, 2005]). Алгоритм анализа включает следующие шаги: 1) выделение клаузы; 2) изучение грамматической организации (выделение тема-рематических отношений); 3) установление модальности высказывания; 4) определение позиции автора высказывания; 5) определение семантико-синтаксических особенностей (семантических ролей) высказывания; 6) установление роли высказывания в семантической структуре ситуации в целом. Так, представляя процедуру анализа высказывания *Chubby was eating on his stick* (Чабби, хомяк, грыз свою палочку), П. Тибо разграничивает его тема-рематические компоненты (*Chubby* и *was eating on his stick*), определяет его модальность (просодическая), устанавливает характер позиции автора (декларатив), дает характеристику семантическим ролям высказывания (Актер, Процесс: Действие, Обстоятельства: Локатив), определяет роль высказывания в ситуации (в аспекте завершенности-незавершенности в смысле организации высказывания во времени, в аспекте организации обстоятельств ситуации как дальнейшей ее детализации). Структура данного высказывания как действия может быть далее представлена следующим образом (см. табл.).

Структура высказывания как действия

ЛИЧНОСТЬ 1: Говорящий, адресант	Реализуемое действие: Высказывание: <i>Chubby was eating on his stick</i>	ЛИЧНОСТЬ 2: Адресат, подвергающийся воздействию
MODALIZING AGENT (Агенса, реализующий свое намерение в некоторой модальности)	MODALIZING LINGUISTIC ACTION (Реализация некоторого лингвистического действия средствами определенной модальности)	MODALIZED AGENT (Агенса, подвергающийся воздействию с использованием некоторой модальности)

Такое представление высказывания П. Тибо вслед за Х. Вернером и Б. Капланом [Werner, Kaplan, 1984/1963] называет «телесной схематизацией», где указанная схема может быть далее представлена в составе иных схем, представляющих иные модальности. При этом семиотическое усложнение высказывания-действия, которое может свидетельствовать о развитии более сложных форм оязыковления у ребенка, оценивается за счет определения дистанции между следующими компонентами высказывания: 1) человеком и объектом; 2) человеком и источником знака (sign vehicle); 3) источником символа и объектом референции; 4) адресатом и адресантом. «Увеличение расстояния» между данными компонентами с учетом их возможной автономии указывает на усложнение символических форм, используемых ребенком в ходе его развития, и является иллюстрацией того, что Х. Вернер и Б. Каплан назвали «онтогенетическим принципом» (ontogenetic principle). Так, например, использование более сложных форм адресации (с участием множества адресатов и адресантов), усложнение семантической структуры высказывания, использование разных форматов распределения внимания при формировании высказывания свидетельствуют о развитии социосемиотических возможностей оязыковления у ребенка, что обеспечивается взаимодействием двух процессов (операций): «рекурсивного конструирования» (recursive construction) и «метарекурсивной модификации» (meta-recursive modification) высказывания. В результате их реализации высказывания, произведенные в разных модальностях, формируют «социокогнитивно-аффективное объединение», структура которого диктует как аффордансы для новых высказываний, так и ограничения для их формирования.

Тема высказывания в оязыковлении рассматривается и в аспекте экспериенциальной семантики [Thibault, 2021]. Ее основания П. Тибо усматривает в установлении типа и характера «репрезентаций» (representations), которые определяются им (вслед за М. Халлидеем [Halliday, 2004]) как «формы лингвистического действия, которые возникают вследствие функциональных ограничений, накладываемых метафункциями, экспериенциальной, межличностной, логической и текстуальной» («I define representation as a form of linguistic action that arises from functional constraints that obtain from the experiential, interpersonal, logical and textual metafunctions») [Thibault, 2021, p. 34].

Лингвистические репрезентации не являются способами кодирования некоторого экспериенциального содержания (см. выше), но возникают в

процессе (точнее, в ходе действия) отбора, разграничения и конструирования этого опыта. Экспериментальная топология, таким образом, имеет социальный, а не лингвистический характер; ее особая конфигурация «артикулируется» в высказывании, что позволяет разграничить онтологические категории, или классы, объектов и сущностей в процессе взаимодействия со средой. Выбор репрезентации при представлении опыта основывается на реализации симплекс-принципа (вслед за А. Бертозом [Berthoz, 2012(2009)], см. выше), или принципа, согласно которому живые существа и системы применяют стратегии и способы взаимодействия со средой, снижающие «сложность» самой ситуации до такого ее уровня, когда ситуация становится управляемой и разрешаемой. Реализация данного принципа подразумевает, скорее, не упрощение характера взаимодействия со средой, а поиск более эффективных способов решения проблем в конкретной ситуации.

Высказывание как форма реализации данного принципа ориентировано в будущее и характеризует некоторые ожидания живой системы, в отличие от формы кодирования, которые означивают уже готовую структуру знания. Высказывания, представляющие репрезентации, характеризуются рядом особенностей: 1) это во всех случаях результаты некоторого взаимодействия, которые представляют агентов (агентов), производящих действие или трансформирующих социальные ситуации, социальные отношения и ценности; 2) они позволяют разграничивать фрагменты конструируемого мира с помощью их онтологической категоризации; 3) они расставляют семантические (тематические) фокусы в ситуации; 4) они имеют рекурсивную природу, что означает возможность порождать новые высказывания на основе уже имеющихся отношений между высказываниями без необходимости ссылаться на конкретные фрагменты предыдущего опытного знания о ситуациях.

Дальнейший анализ общих типов репрезентаций позволяет П. Тибо описать общую структуру знания, представленного в высказывании и единице его анализа, клаузе. Эта структура включает четыре компонента (с опорой на функции, выделенные М. Халлидеем [Halliday, 1979]): 1) типы событий, процессов, видов действия, которые произошли, а также типы участников этих событий и действий (соотносится с экспериментальной функцией по М. Халлидею); 2) типы социальных отношений между участниками, типы транслируемых ими ценностей и оценочных категорий (соотносима с межличностной функцией); 3) особенности общей структуры взаимодействия участников, паттерны их отношений (соотносима с текстуальной функцией); 4) отношения причины и следствия, результата, временной организации высказываний, которые позволяют определить их роль в рамках интегрированного взаимодействия участников (соотносится с логической функцией).

Разработанная типология знаний, или экспериментальная топология, позволяет анализировать высказывания на предмет типов репрезентаций. Так, в аспекте экспериментального содержания высказывания *Philadelphia*

police say they have fatally shot a man who stabbed two boys and attacked three other people (полиция Филадельфии утверждает, что они нанесли смертельное ранение мужчине, который ударил ножом двух мальчиков и напал еще на троих людей) и *Authorities say the man walked to a friend's home and once inside slashed one woman and punched a second* (власти утверждают, что этот мужчина пришел в дом своего друга, где нанес удар одной женщине и сбил с ног другую) включают языковые единицы, обозначающие процессы и действия, например: *say* (утверждать), *shot* (нанес ранение), *stabbed* (ударил), *walked* (пришел), *slashed* (ударил), *punched* (сбил), которые соотносятся с некоторыми типами опытного знания, передаваемого репрезентациями SAY, SHOOT, STAB, ATTACK в примере 1 и SAY, WALK, SLASH, PUNCH в примере 2.

Типы социальных отношений между участниками (межличностная функция высказывания) подвергаются анализу при изучении субъектно-предикатной структуры высказывания, в составе которой П. Тибо предлагает разграничивать два компонента, Субъект (Subject) и Предикат (Finite), которые П. Тибо рассматривает как ядро высказывания (Mood), а также «Остаток» (Residue), к которому относит дополнения, обстоятельства, союзы и другие компоненты высказывания. При этом если первые два компонента формируют ядро высказывания, то «Остаток» детализирует и модифицирует ситуацию взаимодействия. Так, в примере: *Dion: look at the mess Paul you are going to have to clean up in here it's a pigsty / Paul: it is rather a pigsty / Dion: yes well it's your animal* (Дион: посмотри на всю эту помойку, которую тебе придется разгрести, Пол, это просто свинарник / Пол: да уж точно свинарник / Дион: это все из-за твоего питомца) Mood организован вокруг местоимения третьего лица *it*, которое относится к комнате, где царит беспорядок. При этом выстраиваются отношения времени, пространства, характера действий (здесь это *realis*). «Остаток», здесь это *it's a pigsty* (это просто свинарник) детализирует ситуацию, указывает на ее тип и определяет состав компонентов ситуации.

Особенности общей структуры взаимодействия участников (текстуальная функция высказывания) устанавливаются с опорой на дейктические и анафорические отношения компонентов высказывания. Так, местоимение *it*, используемое в примере, приведенном выше, анафорически соотносится с ранее упомянутым референтом – беспорядком в комнате. Дейктические «операторы» позволяют детализировать место событий и объектов в пространстве и времени. Устанавливаемые при этом индексальные отношения обеспечивают связность компонентов высказывания и компонентов контекста.

В отношении причины и следствия, результата, временной организации высказываний (логическая функция) П. Тибо отмечает, что ее особенности в первую очередь реализуют рекурсивное содержание высказываний. Рекурсивные «операторы» отвечают за формирование новых комбинаций из уже имеющихся компонентов высказывания, обеспечивают

их логико-семантическую связность. Так, оператор, отвечающий за аргументные отношения, обеспечивает предикативность высказывания; данная его характеристика является рекурсивной. На метарекурсивном уровне все высказывание может считаться рекурсивным и выступать в качестве «оператора» более высокого уровня, так как его структура особым образом представляет ситуацию определенного типа, которая может быть воспроизведена в последующих высказываниях.

Определяя высказывания как социальные действия, П. Тибо обращается к частным особенностям их реализации. Среди таких особенностей он называет следующие: 1) высказывания являются действиями, источником и адресатом которых является личность (self), персонализированная или институциональная; 2) они имеют цель, которая не сводится только к реализации телесной активности; 3) они определяют локус внимания в составе опытного знания; 4) высказывания представляют культурную, историческую, семантическую информацию в компрессированном виде; 5) они разрешают момент напряжения, который присутствует во взаимодействии личности и среды; 6) высказывания представляют собой образцы цепочек компонентов (wordings), которые позволяют выстроить цепочки ситуаций; 7) высказывания запускают «виток взаимодействия» (interactive loop), с помощью которого устанавливается место некоторого знания в экспериенциальной топологии.

В целом можно отметить, что оязыковление рассматривается П. Тибо как процесс познания и взаимодействия личности со средой с помощью высказываний, или особых действий. Этот диалогический процесс задействует ряд факторов формирования личности (самоопределение личности в диалоге с социумом и культурой и с другими личностями), он реализуется в разных форматах движения-действия (например, внутренний диалог, мышление), управляется ограничениями (обусловленными существованием доязыковых и языковых структур, а также влиянием социокогнитивных факторов), имеет ряд этапов (формирование ощущения-значения, формирование высказывания как организованных во времени структур действий личности). Подводя итог, отметим, что, согласно П. Тибо, «лингвистический поворот», осуществленный в социальном конструктивизме и постмодернизме последних десятилетий, не означает, что анализ особенностей взаимодействия с миром осуществляется посредством изучения исключительно лингвистических структур. Модель реализации языка «переносится» на изучение этого, более глобального, типа взаимодействия, в котором ведущее место принадлежит совместной артикуляции личности и среды.

Список литературы

Berthoz A. *Simplicity : Simplifying Principles for a Complex World* / G. Weiss (trans). – New Haven ; London : Yale University Press, 2012 ; Paris : Éditions Odile Jacob, 2009. – 288 p.

- Brown J.W. *Process and the Authentic Life : Toward a Psychology of Value*. – Bonn : Ontos Verlag, 2005. – 700 p.
- Brown J.W. *Microgenetic Theory and Process Thought*. – Exeter, UK : Imprint Academic, 2015. – 250 p.
- Cowley S.J. Taking a language stance // *Ecological Psychology*. – London, 2011. – Vol. 23(3). – P. 185–209. – URL: <https://doi.org/10.1080/10407413.2011.591272>
- Deacon T.W. Universal grammar and semiotic constraints // *Language Evolution / M.H. Christiansen, S. Kirby (eds.)*. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2003. – P. 111–139. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199244843.003.0007>
- Halliday M.A.K. Modes of meaning and modes of expression: types of grammatical structure and their determination by different semantic functions // *Function and Context in Linguistic Analysis: A Festschrift for William Haas / D.J. Allerton, E. Carney, D. Holdcroft (eds.)*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – P. 57–79.
- Halliday M.A.K. On language in relation to the evolution of human consciousness // *On Language and Linguistics. Volume 3 in the Collected Works of M.A.K. Halliday / J.J. Webster (ed.)*. – London ; New York : Continuum, 2003 / 1995. – P. 390–432.
- Halliday M.A.K. *An introduction to functional grammar*. – 3rd edition. – London ; New York : Routledge, 2004. – 790 p.
- Ingold T. Prospect // *Biosocial Becomings: Integrating Social and Biological Anthropology / T. Ingold, G. Palsson (eds.)*. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2013. – P. 1–21. – URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139198394.002>
- Linell P. *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and Contextual Theories of Human Sense-making*. – Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. – 518 p.
- Love N. Cognition and the language myth // *Language Sciences*. – Amsterdam, 2004. – Vol. 26. – P. 525–544. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2004.09.003>
- Love N. On languaging and languages // *Language Sciences*. – Amsterdam, 2017. – Vol. 61. – P. 113–147. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2017.04.001>
- Maturana H.R. *Biology of Cognition. Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. Urbana, IL. University of Illinois. 1970 // Autopoiesis and Cognition: the Realization of the Living*. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Co., 1980. – P. 5–58.
- Salte S.N. *Development and Evolution: Complexity and change in biology*. – Cambridge ; Massachusetts ; London, UK : The MIT Press, 1993. – 373 p.
- Thibault P.J. First-order languaging dynamics and second-order language: the distributed language view // *Ecological Psychology*. – London, 2011. – Vol. 23(3). – P. 210–245. – URL: <https://doi.org/10.1080/10407413.2011.591274>
- Thibault P.J. Simplex selves, functional synergies, and selving: Languaging in a complex world // *Language Sciences*. – Amsterdam, 2019. – Iss. 71. – P. 49–67. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.03.002>
- Thibault P.J. Languaging as emergent constraint-satisfying self-organizing activity: Dialogical context-completing, context-making, and context-seeking dynamics // *Signifiances (Signifying)*. – Paris, 2020. – Vol. 4(1). – P. 20–65. – URL: <https://doi.org/10.18145/signifiances.v4i1.269>
- Thibault P.J. Selves, interactive representations and context. A systemic functional linguistic account of process in language and world // *Language, context and text*. – Amsterdam, 2021. – Vol. 3(1). – P. 33–92. – URL: <https://doi.org/10.1075/langct.00032.thi>
- Thibault P.J. Introduction // *Distributed Languaging, Affective Dynamics, and the Human Ecology. Volume 1. The Sense-Making Body*. – London ; New York : Routledge, 2021a. – P. 1–17.
- Thibault P.J. Self // *Distributed Languaging, Affective Dynamics, and the Human Ecology. Volume 2. Co-articulating Self and World*. – London ; New York : Routledge, 2021b. – P. 111–157.
- Thompson S.A., Couper-Kuhlen E. The clause as a locus of grammar and interaction // *Language and Linguistics*. – Amsterdam, 2005. – Vol. 6(4). – P. 807–837. – URL: <https://doi.org/10.1177/146144560505054>

Werner H., Kaplan B. Symbol Formation: An organismic developmental approach to the psychology of language. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1984 / 1963. – 545 p.

Maria Kiose¹

Paul Thibault's theory of languaging

Abstract. The article explores Paul Thibault's theory of languaging which has become highly influential in social and cognitive semiotics. Self-organizing activity (selving) and the functional organization of the utterance underlie the methodology of languaging.

Selving in Thibault's view is a two-stage process of dialogical self-maintenance and self-individuation controlled by endogenous and exogenous factors. This process gives rise to the ontology of human selfhood, which manifests five knowing levels, proto-self and the feeling of what happens, other oriented interactions, triadic proto-self-other-world interactions, infant proto-languaging to languaging, and the Narrative Self and Autobiographical Memory. The socio-semiotic model of the child's developmental stages is considered within experiential topology. It is a three-level construct describing social and semiotic environment of a child in potential and real situations as well as the child's articulatory responses and context settings.

Socio-semiotic analysis of the utterance as a social activity is a complex procedure which combines identifying the clause anchored to situated locus of attention, its theme and rheme, modality, polarity, semantic roles, and the role of the utterance within the situation structure. A more complicated character of utterance expressed in the increasing distance between a child and object, a child and sign vehicle, between the symbol vehicle and the object of reference, addresser and addressee, evidences in favor of higher developed forms of languaging that a child possesses. The utterances in Thibault's view are either agentic or dynamic, they allow ontological categorization and semantic construal of the situation, besides they manifest recursive character.

Keywords: Paul Thibault; languaging; self; self-individuation; utterance; experiential topology.

For citation: Kiose M.I. (2022). Paul Thibault's theory of languaging.

METHOD: *Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 82–96.
<http://www.doi.org/10.31249/metod/02.02.06>

References

- Berthoz A. (2012 / 2009). *Simplexity: Simplifying Principles for a Complex World*. Trans. by G. Weiss. Yale University Press.
- Brown J.W. (2005). *Process and the Authentic Life: Toward a Psychology of Value*. Ontos Verlag.
- Brown J.W. (2015). *Microgenetic Theory and Process Thought*. Imprint Academic.
- Cowley S.J. (2011). Taking a language stance. *Ecological Psychology*, 23(3), 185–209.
- Deacon, T. W. (2003). Universal grammar and semiotic constraints. In: *Language Evolution (pp. 111–139)*. Morten H. Christiansen & Simon Kirby (Eds.). Oxford University Press.
- Halliday M.A.K. (1979). Modes of meaning and modes of expression: types of grammatical structure and their determination by different semantic functions. In: *Function and Context in Linguistic Analysis: A Festschrift for William Haas (pp. 57–79)*. D.J. Allerton, E. Carney and D. Holdcroft (eds.). Cambridge University Press.

---

¹ **Maria Kiose**, Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia), e-mail: maria_kiose@mail.ru

- Halliday M.A.K. (2003 / 1995). On language in relation to the evolution of human consciousness. In: *On Language and Linguistics, Volume 3 in the Collected Works of M.A.K. Halliday* (pp. 390–432). J.J. Webster (ed.). Continuum.
- Halliday M.A.K. (2004). *An Introduction to Functional Grammar*. 3rd edition. Routledge.
- Ingold T. (2013). Prospect. In: *Biosocial Becomings: Integrating Social and Biological Anthropology* (pp. 1–21). T. Ingold & G. Palsson (eds.). Cambridge University Press.
- Maturana H.R. (1980). Biology of Cognition. Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. Urbana IL: University of Illinois, 1970. In: *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* (pp. 5–58). Reidel Publishing Co.
- Linell P. (2009). *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and Contextual Theories of Human Sense-making*. Information Age Publishing.
- Love N. (2004). Cognition and the language myth. *Language Sciences*, 26, 525–544.
- Love N. (2017). On languaging and languages. *Language Sciences*, 61, 113–147.
- Salte S.N. (1993). *Development and Evolution: Complexity and change in Biology*. The MIT Press.
- Thibault P.J. (2011). First-order languaging dynamics and second-order language: the distributed language view. *Ecological Psychology*, 23(3), 210–245.
- Thibault P.J. (2019). Simplex selves, functional synergies, and selving: Languaging in a complex world. *Language Sciences*, 71, 49–67.
- Thibault P.J. (2020). Languaging as emergent constraint-satisfying self-organizing activity : Dialogical context-completing, context-making, and context-seeking dynamics. *Signifiances (Signifying)*, 4(1), 20–65.
- Thibault P.J. (2021). Selves, interactive representations and context. A systemic functional linguistic account of process in language and world. *Language, Context and Text*, 3(1), 33–92.
- Thibault P.J. (2021a). Introduction. Distributed Languaging, Affective Dynamics, and the Human Ecology. *Volume I. The Sense-Making Body* (pp. 1–17). Routledge.
- Thibault P.J. (2021b). Self. Distributed Languaging, Affective Dynamics, and the Human Ecology. In: *Volume II. Co-articulating Self and World* (pp. 111–157). Routledge.
- Thompson S.A. & Couper-Kuhlen, E. (2005). The clause as a locus of grammar and interaction. *Language and Linguistics*, 6(4), 807–837.
- Werner H. & Kaplan B. (1984 / 1963). *Symbol Formation: An organismic developmental approach to the psychology of language*. Lawrence Erlbaum.

Ходж Б.¹

**Мотивированные знаки как шарнирные понятия
для понимания роли мотивированных знаков
в семиотике Гюнтера Кресса**

Аннотация. Во время моего последнего общения с Гюнтером Крессом мы обсуждали возможное сотрудничество. Он предложил тему мотивированных знаков. Это удивило меня, поскольку я считал, что эта тема была для нас обоим решенной. Мы едва успели начать обмениваться заметками и идеями, как он, к сожалению, ушел из жизни. В этой статье я рассматриваю то, что, по его словам, было его главной целью нашего сотрудничества: утвердить доктрину мотивированных знаков как основную предпосылку социальной семиотики, используя концепцию Витгенштейна о шарнире (hinge) для направления анализа, чтобы выйти за пределы бинарных оппозиций в трактовке мотивированных знаков в работах Кресса и Соссюра. Я использую мультимодальный анализ и как объект, и как инструмент анализа, чтобы доказать, что мотивированные знаки неизменно включены в семиозис и являются ключом как к теории, так и к практике. Это выявляет более сложного Соссюра, помогает устранить некоторые строгие, но непроверенные предположения об основных семиотических принципах и позволяет проводить более основательный анализ для социальной семиотики.

Ключевые слова: Гюнтер Кресс; мотивированные знаки; социальная семиотика; мультимодальность; Фердинанд де Соссюр; значение.

Для цитирования: Ходж Боб. Мотивированные знаки как шарнирные понятия для понимания роли мотивированных знаков в семиотике Гюнтера Кресса // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 97–117. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.07>

Эту статью побудил случай – мое последнее общение с Гюнтером Крессом, в ходе которого мы обсуждали свое возможное сотрудничество. Моя реакция на это побуждение (moment) была, конечно, глубоко личной.

---

¹ **Боб Ходж**, почетный профессор Института культуры и общества Университета Западного Сиднея, e-mail: B.Hodge@westernsydney.edu.au

© Ходж Б. 2022.

Однако данная тема неизбежно вылилась в законченную научную статью. В ней я рассматриваю важные как раз для академической аудитории исследовательские вопросы.

Гюнтер выдвинул тему мотивированных знаков. Это удивило меня, поскольку я считал, что эта тема для нас обоих решена [Hodge, Kress, 1988; Kress, 2010]. Позиция Кресса по этой теме казалась последовательной и ясной (*unproblematic*) на протяжении 30 лет. Почему же именно эта тема стала основной для нашего сотрудничества?

Мы едва успели начать обмениваться заметками и идеями, как он, к сожалению, ушел из жизни. В этой статье я опираюсь на его комментарии, сделанные в то время и в других работах, чтобы рассмотреть то, что, по его словам, было его главной целью, его «мотивом» для нашего сотрудничества: исследовать место мотивированных знаков в качестве основной предпосылки социальной семиотики.

Просматривая его работы, я обнаружил две закономерности. Были сильные заявления о мотивированных знаках, утверждающие их важность, обычно без развернутой аргументации. Также было много примеров глубокого анализа, в котором использовались мотивированные знаки без их обозначения как таковых. Благодаря проделанной работе, я сделал вывод, что он понимал разрыв между теоретическими предпосылками и практикой. Мне показалось, что он рассматривал этот разрыв как «незавершенное дело».

По мере продвижения вперед, я все больше понимал, что нет никакого «незавершенного дела», нет никакой нити, которую нужно найти, чтобы связать противоречия. Вместо этого мне нужен был новый способ объяснить эти противоречия, а не их устранение. Я нашел полезной концепцию философа Людвиг Витгенштейна, идеи «шарнирных предложений» (*hinge propositions*) [Wittgenstein, 1969]. Далее я показываю ценность этой концепции как инструмента социальной семиотики, бесценной помощи для того, что я теперь считаю основным направлением социально-семиотического анализа.

У этой статьи есть еще одна цель и еще один мотивирующий принцип. Я считаю, что работа Кресса как теоретика менее важна, чем развивающаяся аналитическая практика, которую можно назвать социальным семиотическим или мультимодальным анализом, хотя резкое противопоставление этих двух направлений контрпродуктивно, поскольку теория обогащает (*informs*) практику, а практика – это то, что делает теорию достойной внимания.

Отсюда необычная форма этого обсуждения теоретических вопросов. Вместо изложения моих идей о мотивированных знаках, обобщающих (*synthesizing*) обсуждение теорий Кресса и других, я буду применять свою версию семиотического метода прежде всего к Крессу, поскольку он «делает теорию», а также к некоторым другим. Я стремлюсь объяснить и оправдать этот метод, применяя его к такому типу текста и проблемы, для

которых он обычно считается неподходящим. Я создаю небольшой, но все же разнообразный показательный корпус «делания теории» Крессом, выделяя примеры мультимодальности, и в частности мотивированных знаков, обычно используемых в социальной семиотической практике.

Анализ шарниров

Я начинаю с великого австро-британского философа Людвиг Витгенштейна, занимавшегося «деланием теории», когда он создал идею «шарнира» (*hinge*) в поздней работе, адресованной коллегам-философам в весьма специальной области эпистемологии. Я беру метафору из этого контекста и использую ее эвристически, чтобы исследовать проблемы, с которыми сталкиваются все, кто занимается историей идей. В данном случае я рассматриваю Витгенштейна как необычайно пронизательного наблюдателя процессов порождения социальных значений, см. также мое обсуждение в [Hodge, 2017, p. 127]. Я рассматриваю его как вклад в дисциплину, которая не существовала под таким названием, когда он думал и писал.

Витгенштейн писал:

(341) «Можно сказать, что *вопросы*, которые мы поднимаем, и наши *сомнения* (*Zweifel, doubts*), зависящие от того, что некоторые предложения (*Sätze, propositions*) освобождены от сомнений точно так, как шарниры, на которых те (*jene, those*) движутся¹.

(342) Иначе говоря, в логике нашего научного исследования некоторые вещи не подлежат сомнению *на деле* (*in der Tat, in deed*).

(343) Но дело вовсе не в том, что мы просто далеко не все *можем* исследовать (*wir eben nicht alles untersuchen können, we just can't investigate everything*) и по этой причине вынуждены довольствоваться предположениями (*Annahme, assumption*). Если мы хотим, чтобы дверь повернулась, шарниры должны остаться закрепленными (*müssen die Angeln feststehen, hinges must stay put*)» [Wittgenstein, 1969, p. 27].

Это понятие явно является метафорой. Как таковая, она является мотивированным знаком с целым рядом значений («возможностей», если воспользоваться термином Кресса). Для интерпретации метафор очень важно, чтобы они понимались как континуум, от более до менее «естест-

---

¹ Под *jene* (теми) понимаются остальные предложения (*Sätze*). Такая трактовка *jene* в русском переводе М.С. Козловой и Ю.А. Асеева прямо разъясняется: «на которых держится движение остальных [предложений]» [Витгенштейн, 1994. С. 362]. В английском переводе [Wittgenstein, 1969, p. 44e] вполне обиходное слово *das Satz* заменено на логический термин *proposition*, хотя в немецком оригинале [Wittgenstein, 1970] используется как обиходное слово *das Satz* (201 раз), так и логический термин *die Aussage* (45 раз). Использованное в пункте 343 слово *die Annahme* (обыденный смысл «предположение», логический – «пресуппозиция») используется Витгенштейном не слишком часто, всего 12 раз. Здесь и далее перевод наш. – *Прим. ред.*

венных» и, наоборот, менее или более «произвольных», т.е. более индивидуально выбранных. Они также ограничены общими традиционными знаниями, в данном случае знаниями о европейской практике строительства.

Эта метафора также встроена в более крупную, неустановленную модель частей и целого, в которой в данном случае одна часть, шарнир, является частью более крупной системы, включающей двери и замки, а затем окружающую стену, обе части более крупной системы, состоящей из зданий с другими стенами и другими дверьми, а также окнами. Невидимым, но само собой разумеющимся является минимальный социальный мир, включающий пользователей дверей, некоторые из которых, как воображается, хотят пройти снаружи внутрь, другие – изнутри или снаружи и, наконец, некоторые другие, неясно представленные на изображении, которые не хотят, чтобы другие входили.

Затем образ применяется к чему-то вне образа, но структурированному так же. Это нечто – принятый за данность социальный мир интеллектуалов, философов, которые являются целевой аудиторией, и, возможно, других людей, которые могут захотеть пройти через метафорическую дверь, которую конструирует Витгенштейн, если они (произвольно) этого захотят. Это еще одна континуальная форма, которая повсеместно встречается в мире семиозиса и социального конструирования смысла. Круг тех, кто может соотнести себя с этим образом, широк и разнообразен.

Это первый пример в корпусе, который я создал для этой статьи. Его цель, как и в случае с другими примерами, которые я привожу, – создать естественный корпус примеров мультимодальных знаков, включая мотивированные знаки, обращая внимание на их роль в «делании теории». Помимо семиотического анализа, чтобы сделать выводы о практике, я также использую саму идею в остальной части статьи.

В данном случае используемый Витгенштейном образ помогает мне задуматься над важным моментом, на который я уже обратил внимание. В обычной семиотической практике существует множество гипотактических форм, которые рассматриваются как непроблематичные, многозвенные структуры, плавно переходящие от высших уровней к низшим. В случае Витгенштейна высшая категория глубоко проблематична. Если эта категория является шарниром, то, по его словам, она находится вне всех конфликтных дискурсов и рассуждений.

В рамках социально-семиотического анализа я отмечаю, что это предложение является социально расположенным, чем-то принятым всеми враждующими сторонами, а не универсально истинным. Далее я использую эту идею, чтобы попытаться объяснить то, что я считал основной проблемой как внутри Кресса и Соссюра, так и между ними: видеть в нем шарнир, а не запертую дверь.

Мотивированные знаки на практике

На этом этапе было бы обычным определить «мотивированные знаки» и «мультиmodalный анализ». В соответствии с моими методологическими соображениями я откладываю этот этап и вместо этого начинаю с демонстративного определения, в котором мое понимание и понимание Кресса вырастают из анализа.

Я начинаю с текста, с которого начал он сам, открывая книгу «Мультиmodalность» [Kress, 2010]. Можно предположить, что в данном случае это действие было значимым, мотивированным знаком, означаящим, что этот текст о теории: в данном случае о мультиmodalности – главной теме этой книги.

Этой роли анализа в создании теории он придерживался с первых дней своей работы в качестве «критического лингвиста». Эти конкретные тексты гарантировали, что мы занимаемся проблемами реальных людей, вытекающими из их обстоятельств. Они всегда включали материал о мотивах.

Этот процесс никогда не происходил в вакууме. Он всегда начинался с идей и вопросов. В данном случае моим триггером или фокусом стала концепция «мотивированных знаков», разработанная Фердинандом де Соссюром, отцом-основателем семиологии [Saussure, 1983]. До того как «мотивация» стала специализированным термином в семиотике и лингвистике, это было повседневное английское и французское слово: причина или причины вести себя или действовать определенным образом.

Кресс предлагает определение, которое я использую для обозначения его теоретической позиции: «Знаки – это мотивированные соединения формы и значения» [Kress, 2010, p. 10]. Это более узкое определение, чем общее значение во французском и английском языках, и понимается как заимствованное у Соссюра [Saussure, 1983]. В английском языке принцип Соссюра звучит так: «Языковой знак произволен». Ниже я также рассматриваю французский оригинал.

Я обрамляю этот термин еще двумя терминами, которые противопоставляются «мотивированному», как часть пакета: «произвольный», предпочитаемый термин Соссюра, означающий «случайный», и «конвенциональный», чаще используемый термин Кресса, обозначающий «установленный соглашением». Я рассматриваю отношения между этим набором терминов в рамках «мультиmodalности», поскольку их связь с этим ключевым термином очень важна.

Мое обсуждение вопросов начинается, как и у Кресса, с мультиmodalного текста, в моем случае с копии страницы, сделанной моим фотоаппаратом (рис. 1).

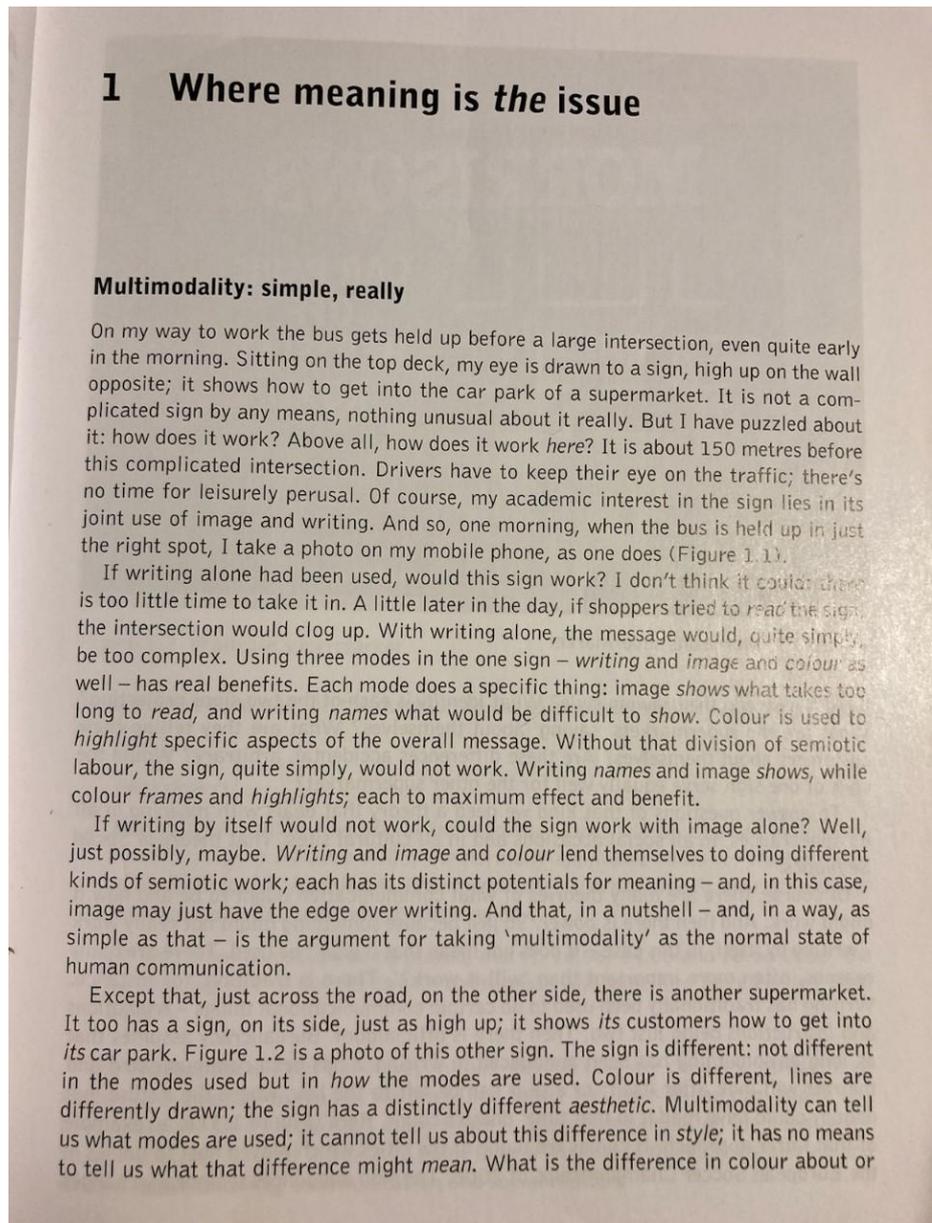

Рис. 1.
Страница 1 Кресса

Я начинаю обсуждение со ссылки на «содержание», передаваемое вербальными значениями, как оно передается через языковые знаки. Это

делает важный вывод о мультимодальном анализе, что он не похож на номодальный лингвистический анализ, который отвергает все другие модусы (modes). Напротив, он включает значения в лингвистическом модусе, поскольку они взаимодействуют с другими модусами в сложных паттернах, которые в конечном итоге дают больше смысла в том, как даже эти значения работают в социальной практике.

Я начну со сцены, которую он набросал в своих вступительных предложениях:

«(2) По моей дороге на работу даже довольно рано утром автобус замедляется перед большим перекрестком. С верхнего этажа автобуса мой взгляд привлекает высококовисящая вывеска на противоположной стене» [Kress, 2010, p. 1].

Эта история вряд ли кажется «теоретической». Она рисует ясную картину. Незаявленным является один мотивированный признак. Он стоит на первом месте. В разных культурах «первенство» имеет множество значений, но в английском, как и во многих других языках, оно означает «важно». Эта важность нуждается в поддержке со стороны конвенций, чтобы обозначить, как она важна и почему.

В данном контексте обычный ответ на этот вопрос подразумевал бы обращение к «контексту», ключевому термину для социального анализа, который часто противопоставляется «тексту». Можно понять, что Кресс мотивируется этой важной парой терминов, подразумевая первичность «контекста» в начале анализа «текста».

В этом аргументе становится важным, что Кресс использует дополнительные мотивированные знаки, чтобы расширить и обогатить роль значений. Например, кажущееся повседневным описание полно мотивированных знаков о производителе этого анализа и создателях знака, образцовый анализ которого он собирается дать. Например, он ездит на работу на автобусе (обычный работник, приезжающий на работу, как и многие его читатели, «повседневный» семиотик – хотя также и профессиональный семиотик). Все эти знаки мотивированы, а также поддерживаются конвенцией. Все они обладают более чем одной возможностью, потенциальным значением.

Он раскрывает сложность семиотической роли контекста через другие мотивированные знаки. Например, он проезжает мимо слишком быстро и находится на неправильной высоте. Это говорит ему о том, что этот знак был создан не для него и не для пассажиров автобуса. Его интерпретация опирается на эти и другие знаки, а также на его общие знания о ближайшем окружении. В значительной степени с помощью этих средств он включает важный аспект теории контекста как объекта социального семиозиса. Аспекты контекста влияют на смысл каждого текста. Поскольку существует множество соответствующих контекстов, они будут порождать разнообразные значения.

Кресс не открыл важность «контекста». Это важный термин в лингвистике и семиотике, важный в работе Халлидея, свободно, хотя и не технически, используемый в работе Кресса и значительно отсутствующий в работе Хомского. Напротив, вклад Кресса в эту дискуссию опирается на его важность, установленную этими и многими другими авторами. Он делает ее более доступной для исследования благодаря вкладу мотивированных знаков.

Микромотивированные признаки

Я утверждаю, что совместная работа Кресса и Тео Ван Левена над макетом и композицией была частью прорыва в социальной семиотике, который, помимо прочего, включал в себя радикально новую теорию мотивированных знаков. Я снова иллюстрирую и обосновываю этот тезис с помощью анализа. Эта работа была начата в «Чтении изображений» [Kress, Van Leeuwen, 1996] и вылилась в авторитетную статью [Kress, Van Leeuwen, 1998], в которой они проанализировали композицию газет. Этот проект продолжился в последнем издании [Kress, Van Leeuwen, 2021].

Я начинаю с первого предложения в тексте на рисунке.

(3) '1. Смысл – это как раз проблема' (Meaning is the issue).

Вокруг этого текста сгруппировано множество особенностей формата. Он самый большой по размеру, выделен жирным шрифтом, находится выше на странице и окружен пробелом. Порядок также является признаком. Это первое предложение. Но порядок также обозначается другой модальностью. К нему прикреплена цифра 1 – другой модальности, но с тем же сообщением. Еще одним мотивированным признаком важности является повторение этого предложения в качестве бегущего заголовка на всех остальных правых страницах главы.

Сходятся по меньшей мере шесть признаков. Каждый из них имеет одно сходное значение, что-то вроде «важно». Большинство из этих знаковых систем существенно используется в непосредственно следующем тексте. **Мультимодальность** «подзаголовка»: **простой действительно** выделен жирным шрифтом, поэтому важен, но более мелким шрифтом, чем основной заголовок, выше, чем следующий текст, окружен пространством, но меньшим, чем для основного заголовка: менее важен, чем основной заголовок, более важен, чем основной текст.

Когда я называю эти «знаки» коллегам-семиотикам, то часто получаю негативную реакцию: мол, это не совсем знаки. Это сопоставляется с интернализированной соссюрвской моделью знака, согласно которой он является картиноподобной сущностью такого же размера, как слово или изображение. Для меня такая реакция является показателем того, насколько революционна эта новая версия знаков. Рассматривая его как фундаментальный семиотический процесс, эта концепция позволяет провести

мощный и детальный анализ того, как эти особенности работают в важных семиотических процессах.

Таким образом, рассматривая это как обычный оперант над знаками, мы можем увидеть, как шесть знаков, казалось, усиливали друг друга в первом случае, здесь же они создают более тонкое значение из более сложных отношений между знаками. Формат основного текста несет смысл за счет отсутствия этих знаков, т.е. он более повседневный, менее важный, чем любой из заголовков.

Как знаки эти признаки не отображаются непосредственно на строго лингвистические знаки, т.е. слова. В первом случае они относятся к целому предложению, во втором – к аберрантному предложению, в третьем – ко многим предложениям и абзацам. Они явно являются частью семиотического кода, определяющего значения в режиме печати, но для этого они не используют слова как таковые.

Все они формируют текст и его смыслы, а не обеспечивают то, что можно назвать «содержанием», то, что традиционно понимается как «смысл»: т.е. теорию или понимание смысла Кресса в данном случае. В моем анализе все они имеют общее значение, которое можно перефразировать в вербальном коде как «это важно или нет». Поскольку их по меньшей мере шесть, мы могли бы рассматривать это как огромную избыточность, шесть знаков с одним значением. Но если мы посмотрим на любой из них, например первенство или порядок, то увидим, что каждый из них имеет множество значений.

Я называю это принципом множественности. Формально я выражаюсь следующим образом: *в семиотических системах каждое означаемое или значение может быть выражено через более чем одним означающим, и каждое означающее может вносить вклад в более чем одно означаемое.*

Формирование смысла

В предыдущем разделе я утверждал, что композиционные и типографские знаки Кресса и Ван Левена стали прорывом для мультимодальной семиотики. В этом разделе я рассматриваю проблему того, что они были слишком новаторскими для своего собственного блага. Они не только определили новый вид и уровень означающего, но и связали этот новый набор знаков со значениями и функциями, которые не были хорошо поняты или приняты. Эти значения могут быть отражены в термине «модальность».

Этот термин был ключевым для Кресса и меня, начиная с этапа критической лингвистики [Language and control, 1979], и получил дальнейшее развитие в «Социальной семиотике» [Hodge, Kress, 1988]. Это понятие было вдохновлено основополагающей работой Халлидея по грамматике [Halliday, 1970] о группе слов и морфем, называемых «модальными вспо-

могательными средствами», такими как «мог бы» (may) и «может» (can). Халлидей взял этот термин из традиционной лингвистики, чья долгая и сложная история хорошо описана Ван Дер Ауверой и Агиларом [Van der Auwera, Aguilar, 2016].

В рассмотренном нами примере есть ряд паттернов в их мотивированных значениях и функциях. Они помогают сформировать аргументацию текста. Это наиболее очевидно в случае с числами как у Кресса, так и у Витгенштейна. Они также отслеживают социальные отношения, установленные в тексте и для текста. Наконец, они формируют его как связный и социально адекватный текст.

Не случайно эта схема отражает теорию функций Халлидея, которую он назвал идеационной, межличностной и текстовой. Кресс, Ван Левен и я – все знали эту разновидность теории, настолько повлиявшую на всех нас, что ее можно считать частью потенциального смысла соответствующих частей соответствующих теорий.

Однако в этом и других подобных случаях нельзя считать, что позднее употребление означало согласие. В данном случае мы с Крессом не согласились с решением Халлидея разделить модальность на две линии – заботу о значении текстов (идеационная функция) и заботу о социальных функциях (межличностная функция). Вместо этого нам показалось более адекватным включить текстовую функцию и рассматривать ее как интеграцию всех трех функций.

Однако в последней работе Кресса «модальность» была официально отменена и заменена на «валидность» [Kress, Van Leeuwen, 2021]. Почему? Я не претендую на знание того, что он или Ван Левен действительно думали, но у него могло быть по крайней мере две веские причины. Первая – возможность путаницы с «мультимодальностью» как удачным фирменным названием его проекта, в котором «модальность» использовалась в другом смысле. Другой причиной была непрозрачность оригинального термина, который имел специализированное и спорное использование в лингвистике. Он не был доступным термином для обозначения этой ключевой идеи.

В последнем издании «Читая образы» [Kress, Van Leeuwen, 2021]¹ Кресс и Ван Левен объяснили свой выбор «валидности». Этот термин удачно поставил важнейший вопрос о продолжающейся битве за реальность вновь в центре социальной семиотики и мультимодальности. Он противопоставляет доктрину релятивизма и исключение «реальности» из семиотики, связанное с постструктуралистами, такими как Деррида [Derrida, 1988], которые использовали авторитет Соссюра, чтобы утверждать, что «вне текста ничего нет».

Эта битва настолько важна, что ей нужны четкие термины, и «валидность» выполняет эту функцию. Но за понятием, которое мы с Крессом на-

¹ См. публикуемый в нынешнем выпуске МЕТОДа обзор этого издания.

звали «модальностью», скрывается более сложная идея, которая не должна быть потеряна из-за проблем с этим словом. Здесь я ссылаюсь на другого теоретика, Грегори Бейтсона, представителя другой дисциплины (психологии, антропологии), известного и Халлидею, и Крессу. Бейтсон [Bateson, 1972] предложил модель коммуникации, которая оказалась семиотикой под другим названием. Он выделил важнейший кибернетический механизм, названный им «петлей метакоммуникации» (metacommunication loop), который модулирует основные сообщения по трем параметрам: по реальности или истине; по межличностным отношениям; по согласованности сообщений.

Работа Бейтсона настолько важна и рассматривает этот аспект языка гораздо лучше, чем работы любого лингвиста или семиотика своего времени, что ее должны внимательно и с уважением читать все лингвисты и семиотики. И, возможно, его работа дает столь необходимый недостающий термин для этого семиотического измерения: мета. Традиция Бейтсона сходится с цифровым термином «метаданные» и другими традициями, чтобы сделать его кандидатом на обозначение этого нового, очень сложного означаемого.

Термины трехсторонней структуры функций Халлидея могут быть переформулированы в соответствии с моделью Бейтсона и применены к сетям, возникшим в результате нашего анализа того, что Халлидей назвал «модальностью». Я описываю этот сложный принцип следующим образом: *все семиотические системы содержат набор знаков, которые характерным образом действуют на другие знаки, чтобы контролировать три ключевых аспекта смысла, действующего через них; их отношение к реальности, социальные отношения, в которые они встроены, и их роль в построении функционирующих текстов.*

Я применяю этот принцип для интерпретации смысловых процессов в примере Кресса. Я сосредоточусь на небольшом фрагменте из первичного источника данных, рис. 1.

**(4) 1. Если речь идет о смысле (Where meaning is the issue).
Мультимодальность: это просто, правда (Multimodality: simple, really).**

При беглом взгляде первый пункт покажется знакомым объектом для «нормальной» лингвистики и философии. Его значение кажется беспроблемным, и его можно перефразировать как «значение важно». Второй вводит первое нарушение в кажущуюся простоту смысла. Его можно перефразировать как «мультимодальность проста», но эта простота осложняется наречием со смыслом «действительно» (really).

На первый взгляд, это наречие выглядит как маркер достоверности / модальности, который усиливает основное предложение, ничего не добавляя к его содержанию. Однако в данном контексте оно практически отрицает прилагательное. Кресс утверждает, что мультимодальность проста, подразумевая при этом, что он знает, что его читатели не сочтут ее таковой. Эта интерпретация опирается на мотивированные знаки. Фраза распознается как перевод из устной формы в письменную, интерпретируемый

как ответ Кресса на первоначальную реакцию сомнения читателей-студентов: «Действительно?» «Да, действительно».

Запятая после «просто» играет незначительную, но важную роль в том, как интерпретируется фраза и как она соотносится с реальностью, ее «достоверностью» (validity). Запятая – это знак в письменном коде, сохранившийся в печатном коде, означающий паузу в речи. Оба мотивированных знака означают перерыв в потоке коммуникации и имеют ряд значений.

Лингвисты признают два вида значения. Словарный запас обычно делится на две категории: слова содержания, такие как «смысл», которые несут значение, и другие слова, такие как «the», которые часто называют «функциональными словами». Из пяти слов в первом предложении только два являются «словами содержания». Остальные три выполняют функцию модальности / достоверности. Они либо не имеют значения, либо имеют такое значение, которое трудно зафиксировать.

Так, «где», похоже, относится к месту, хотя и не говорит о том, что это за место. Но если мы посмотрим на предложение и попытаемся вычленивать значение места, то станет ясно, что речь идет не о реальном месте. Это скорее логическая категория, ограничивающая рамки основного предложения, эквивалентная словам: «Это предложение относится только к некоторым случаям». Это логическое предложение основано / мотивировано пространственной метафорой, используемой для представления логических отношений.

The – это типичный и важный вид знака в наборе знаков модальности / достоверности. Я спрашиваю: Что такое «*the*»? Как он выглядит? Отсутствие ответа показывает, что у него нет содержания-значения. Однако для Пирса это индексальный знак, указывающий на реальность, которая является его содержанием, а акт указания сам по себе является мотивированным знаком, в данном случае означающим срочность Кресса.

Каким бы бессмысленным оно ни казалось, *the* явно что-то делает. Только на этой странице его можно встретить в 25 случаях по сравнению с 3 случаями основного слова для обозначения смысла – *meaning*. Это типичное соотношение для письменного английского языка, где слова из этой категории обычно входят в число 10 наиболее частотных слов в тексте.

Но что означает этот факт сам по себе? Я перехожу от анализа текста Кресса к анализу общих способов его анализа. Этот вопрос напрямую касается распространенного раскола в семиотике между «количественными» подходами, которые якобы занимаются подсчетом вещей без какого-либо интереса к значениям, и «качественными» подходами, которые обычно исследуют значения без подсчета вещей. Но, как настаивал Пирс, *математика полна мотивированных знаков*.

«*Meaning*» встречается 3 раза на этой странице, больше, чем любое другое слово содержания. «*Meaning*» имеет 37 записей в индексе по сравнению с 21 для «мультимодальности». У «коммуникации» их 22, что немного больше, чем у «мультимодальности», но меньше, чем у «*meaning*».

Только у «mode» больше позиций, 54, чем у «meaning». Но «meaning» впервые перечислено на странице 51, и в нем нет определения. Фактически Кресс нигде не дает определения «meaning» или «мульти-modalности» в книге, которая претендует на то, чтобы быть посвященной второму, и в которой первое является «главным» вопросом.

Все эти значения вытекают из мотивированных знаков. Они могут показаться запутанно разнообразными, ничего не доказывающими. Но все они являются частью сложной оценки основных значений, «meaning» и «мульти-modalности». Отсутствие определения может означать, что Кресс считает определения трудными в данном случае или, возможно, в более общем смысле. Однако частое использование им этого термина говорит о противоположном смысле – о том, что его легко понять и использовать. В данном случае мульти-modalный анализ не вносит очевидного вклада в содержание, но мотивированные знаки дают жизненно важное свидетельство того, что этот теоретик думал о своей теме. Смысл и мульти-modalность одновременно просты и не просты, и оба связаны с проблемой, которая имеет первостепенное значение, но не поддается простому решению.

Мульти-modalный анализ Соссюра

В этом разделе я продолжаю свой эксперимент, включив мульти-modalный анализ мотивированных знаков для анализа теории, одновременно накапливая более богатый набор примеров мотивированных знаков. Я использую его, чтобы вернуться к своей задаче – проверить сильную форму очевидной позиции Кресса, что «*знаки являются мотивированными соединениями формы и значения*» [Kress, 2010, p. 10].

Эта формулировка поднимает проблему Соссюра, которому Кресс намеренно вторит. Она иллюстрирует другой вид мотивированных знаков – тех, которые производятся тем, что в теории литературы называется «интертекстуальностью». *Интертекстуальность относится к продуктивному набору мотивированных знаков во всех формах семиозиса, вербальных и невербальных, литературных и нелитературных.* Кресс знал, что слово «мотивированный» происходит от Соссюра, и знал, что его читатели будут это знать. Его значение включает отрицание утверждения Соссюра о том, что все знаки, вербальные или нет, мотивированы.

Кресс выбирает Соссюра в качестве точки отсчета – это еще один мотивированный знак. Халлидей отметил, что «текст – это смысл, а смысл – это выбор» [Halliday, 1978, p. 137]. Это резонансное утверждение может быть интегрировано в мульти-modalный анализ смысла, основанный на теории мотивированных знаков. Ван Левен [Van Leeuwen, 2008] указал на идеологическую двусмысленность «выбора» у Халлидея и в других работах, но эта двусмысленность делает его еще более аналитически продук-

тивным. Ван Левен спрашивает: «Выбор – это хорошо или плохо?» [Van Leeuwen, 2008, p. 40]. *Если выбор – это всегда мотивированное значение, то ограничения или отсутствие выбора всегда значимы во всех социальных семиотических системах.*

Я применяю эту идею к паре, Соссюру и Пирсу, которых часто называют «отцами-основателями» семиотики. В 1970-х и 1980-х годах, когда Кресс формировал свои представления о семиотике, эти два понятия рассматривались как взаимоисключающие альтернативы. Соссюр был настолько доминирующим, что многие семиотики игнорировали Пирса. Для них не существовало реального выбора. У Кресса была серьезная критика Соссюра, ясно выраженная в книге «Социальная семиотика» [Hodge, Kress, 1988]. Он знал работы Пирса и положительно отзывался о них как об основополагающих в социальной семиотике. Но предпосылки социальной семиотики были выведены в основном путем отрицания Соссюра, а не утверждения Пирса.

Кресс о Соссюре

Эта идея помогает объяснить то, что в противном случае может показаться путаницей Кресса. Когда Кресс специально анализирует Соссюра, он не отвергает его основную идею. Напротив, он говорит, что идея о том, что связь «между *формой звука* и *значением* является произвольной... что (она) кажется достаточно правдоподобной» [Kress, 2010, p. 63]. «Кажется + правдоподобно + достаточно» – это все маркеры валидности, мотивированные признаки разумности, а не догматичности.

На самом деле он всегда придерживался сложного, нюансированного взгляда на Соссюра. В 1985 г. он отличил официального догматичного Соссюра от сложного мыслителя, для которого «существует постоянное напряжение между этими противоречивыми тенденциями» [Kress, 1985, p. 86]. И Кресс, и Соссюр вызывают большее восхищение из-за напряженности, которую они признавали, а не из-за ограничивающей определенности, к которой стремились их последователи.

Он также приводит сложный контрпример из Витгенштейна [Wittgenstein, 1935], который использовал выдуманный пример шахматной игры, в которой игроки теряют одну фигуру и договариваются заменить ее якобы произвольной пуговицей. Он согласился, что апелляция Витгенштейна к «конвенции» тоже правдоподобна. Но он отступил, разыграв вымышленную игру Витгенштейна, добавив дополнительные детали, в которых у игроков может быть два варианта выбора: один произвольный, другой мотивированный. Он правдоподобно предполагает, что они, вероятно, выберут мотивированные знаки, например черные пуговицы для черных фигур.

В обоих случаях мотивированные знаки Кресса означают компромисс. Он соглашается с Витгенштейном в том, что знаки, изначально порожденные как мотивированные знаки (например, большие коронованные фигуры короля и королевы), также имеют конвенциональное значение в игре. Контрпредложение Кресса, по сути, соглашается с этой интерпретацией, но при этом настаивает на том, что движение от мотивированных к конвенциональным знакам будет дополнено импульсом к мотивированным знакам. Это картина, в которой всегда действуют две силы: мотивация и конвенционализация.

В этом разделе я продолжаю свой эксперимент, включив мультимодальный анализ мотивированных знаков для анализа теории, одновременно накапливая более богатый набор примеров мотивированных знаков. Я использую его, чтобы вернуться к своей задаче – проверить сильную форму очевидной позиции Кресса, «что знаки являются мотивированными соединениями формы и значения» [Kress, 2010, p. 10].

Мультимодальное прочтение Соссюра

Теперь я обращаюсь к тексту самого Соссюра, чтобы посмотреть, показывает ли мультимодальное прочтение его теоретического текста новые аналитические применения мотивированных знаков или предлагает новые возможности для теорий мотивированных знаков.

Текст Соссюра был мультимодальным, хотя этот статус обычно не признается. Он был произнесен из письменных заметок, затем записан, реконструирован и опубликован из заметок его студентов. Аналогично, письмо Кресса было ближе к речи, чем многие академические книги.

Эти цитаты взяты из французского оригинала плюс английский перевод:

(2) a. §2. **Premier principe: l'arbitraire du signe.**

§2. **First principle: the sign is arbitrary.**

b. *Le signe linguistique est arbitraire.*

The linguistic sign is arbitrary.

c. Le mot *arbitraire* – nous voulons dire qu'il est *immotivé*, c'est-à-dire arbitraire par rapport au signifié avec lequel il n'aucune attache naturelle dans la réalité.

Термин... подразумевает просто то, что сигнал немотивирован, т.е. произволен по отношению к своему означаемому, с которым он не имеет естественной связи [Saussure, 1917, p. 101–102], жирный и курсив в оригинале.

Этот перевод достаточно близок, что говорит о том, что на данном этапе языки достаточно близки. Невербальные знаки, композиция и типографика также похожи, что говорит о том, что эти мотивированные знаки так же сопоставимы, как и слова. В данном тексте эти мотивированные

знаки используются для того, чтобы сделать аналогичное заявление о значении: «Это очень важно».

Есть несколько небольших отличий. Текст мультимодальный, устный и письменный, но в разных пропорциях. (2)а, вероятно, был написан на доске. (2)б – это перевод на стандартный письменный французский язык. (2)с – более развернутый, все еще письменный, но ближе к речи.

Различия в способе имеют тонко различающиеся обоснования. Заголовок фиксирует идею в авторитетной форме, которая не предполагает обсуждения. Первое расширение все еще авторитетно, но это полное предложение, с которым можно не согласиться. Третье – это все еще письмо, но оно ближе к размышлениям Соссюра вслух. Это три разных вида достоверности. Первая – это официальная позиция. Третий ближе к тому, «что Соссюр действительно думал», даже если он расходится с официальной позицией.

В этом отрывке Соссюр вводит два ключевых термина, «*arbitraire*» и «*immotivé*», а в другом месте добавляет третий – «*la convention*». Я использую стратегию Уильямса, чтобы углубиться в них, исследовать значения и историю слов. В английском языке «*arbitrary*» – негативное слово, имеющее ряд значений – от «капризного», «относительного» до «деспотичного». И английский, и французский языки восходят к классическому латинскому *arbiter*, судья, через позднелатинское *arbitrarius* XVI в., относящееся к судебным делам.

Эта история, которую великий ученый Соссюр должен был хорошо знать, имеет одну особенность, которая часто встречается у Уильямса, – кажущееся резкое изменение смысла, объяснимое в терминах, обусловленных контекстом. В средневековой Франции и Англии судебные процессы были печально известны как коррумпированные и неэффективные, извращенные для обслуживания интересов влиятельных и богатых людей. Слово «произвол» впитало в себя эту идеологию и ее контекст, который Соссюр подхватывает и передает, используя это слово.

«Конвенция» здесь имеет похожую, но менее сложную историю, происходящую от латинского *con* «с», плюс *venir* «приходить» (вместе). «Мотивация» поднимает другие вопросы. Она не представлена непосредственно как слово. Она представлена в виде отрицания – *immotivé*. Более того, это отрицание не представлено напрямую через «not», а включено в глагол, размыто. Все это примеры трансформации, процесса, который играл заметную роль в теории Кресса с самого начала его творчества [см.: Hodge, Kress, 1979].

В этой ранней работе термин был взят у Хомского, который определил его как чисто грамматическую операцию, не влияющую на смысл, и превратился в семиотический инструмент, раскрывающий скрытые мотивы и значения, особенно у власть имущих. *Трансформации – это основной класс мотивированных знаков, где каждое изменение обозначает мотивы и силы, которые к нему приводят.* В данном случае трансформационный

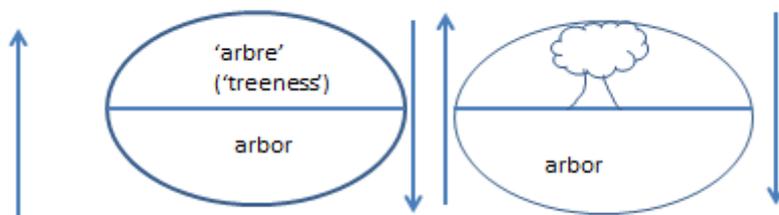

анализ обнаруживает свидетельства в виде мотивированных знаков изменений, которые влияют на суждения об обоснованности основных утверждений Соссюра о «мотивации».

Эта критика устраняет то, что ранее казалось проблемой для Кресса, – кажущееся противоречие в предложении мотивированных и конвенциональных знаков. Эта проблема является артефактом ограничений Соссюра. Вместо этого мы имеем более открытый набор вариантов, который более подходит Крессу и мультимодальной семиотике. Все знаки в той или иной степени мотивированы. Они также в какой-то степени конвенциональны. Они также, возможно, произвольны, в зависимости от того, что означает это слово.

Мотивированные знаки у Соссюра

Мое мультимодальное чтение уловило еще одно интригующее использование мотивированных знаков в том же аргументе, страницей ранее.

Saussure's model of the sign (French 1916:99, English 1983: 77)

Рис. 2.
Соссюр о знаке

Комментаторы обычно не комментируют мультимодальность этого текста. Это прежде всего диаграмма, икона в терминах Пирса, т.е. Соссюр мыслит мотивированными пространственными знаками о словах. На самом деле в тексте Соссюра много диаграмм, больше, чем у Пирса, изобретателя иконических знаков, больше, чем у Кресса или Дерриды. Соссюр мыслит в образах, в мотивированных знаках, однако его теория, выраженная в словах, переоценивает вербальные знаки и имеет неадекватную теорию этих невербальных знаков.

Я предварительно расшифровываю мотивированные знаки в этом изображении, чтобы создать значение. Овалы – это условные / мотивированные знаки для самодостаточных целых, ограниченных единств.

Сплошность линий – это мотивированный знак для сильных границ, включая внутреннюю разделительную линию. Стрелки обозначают силы, действующие направленно. В данном случае они кажутся равными и противоположными, представляя две половинки, действующие и реагирующие друг на друга.

В честь этого образа я называю эту модель «соссюровской диадой». Как и все прочтения мотивированных знаков, эта модель открыта для различных прочтений, но эта вызывает удивление, поскольку его теория, выраженная в словах, казалось, не предполагает никаких отношений внутри лингвистических знаков. На этой диаграмме единственным возможным признаком отсутствия отношений является пустое пространство между двумя кругами. Как мы можем объяснить такое противоречие?

Заключение

Я не доказал, что сильная версия мотивированных знаков Кресса верна, а Соссюра – нет. Он всегда хотел понять больше, а не доказать свою правоту. В наших наиболее продуктивных обменах мы сталкивались с разногласиями между нами, которые мы не могли смягчить компромиссом. Единственным решением было вывести обе предпосылки на новый уровень понимания, где обе оставались верными, и спроецировать глубокую новую истину за их пределами. Я рассматриваю это как поиск шарнира, как итог виртуальной дискуссии с Крессом о мотивированных знаках. Семиозис более сложен из-за вездесущих мотивированных знаков, отфильтрованных через произвольные силы, удерживаемых вместе с помощью многочисленных конвенций.

Развивая аргументацию через анализ, я показал, насколько полезны эти виды знаков для различных подходов. Существует удивительно много знаков и значений, полностью или частично создаваемых мотивированными знаками. Как правило, многие из них уже признаны в той или иной степени важными, но они становятся более мощными и гибкими в теории и аналитической практике, когда интегрируются в мультимодальную семиотику, признающую роль мотивированных знаков.

Я утверждаю, что мотивированные знаки более важны и полезны, чем признавалось ранее, в двух широких областях. Во-первых, они играют ценную роль во многих существующих аспектах анализа социальной семиотики, таких как контекст, трансформации, выбор и интертекстуальность. Особенно полезным является парадоксальный случай со словами, когда доктрина лингвистического знака как немотивированного привела к обеднению теории и практики анализа слов, наиболее важного вида знаков в вербальной лингвистике. Не менее серьезной жертвой является анализ чисел как мотивированных знаков.

В шарнирном анализе эти противоположности можно рассматривать не как препятствия для движения, а как динамические точки фокусировки. Природа мотивированных знаков помогает сохранить эту динамическую открытость.

Я вывел четыре предпосылки, взятые из этого обсуждения идей Кресса.

1. Весь семиозис мультимодален. Всякий мономодальный анализ, включая мономодальные формы лингвистики, социолингвистики и дискурс-анализа, системно неадекватен.

2. Семиозис удерживается сетями связей между формой и значением, языком и реальностью, обществом и языком, в которых мотивированные знаки играют фундаментальную роль как шарнирные явления.

3. Отношения между реальностью, языком и обществом постоянно действуют на всех семиотических агентов, в рамках каждого семиотического акта, на каждом уровне, всегда подвергаясь переговорам, тщательному изучению, регулированию и манипулированию вокруг многочисленных шарниров. Эта деятельность является частью семиозиса, а системы, которые ее осуществляют, являются основными системами, обычно опирающимися в первую очередь на мотивированные знаки.

4. В этих рамках я превращаю первоначальное предложение Кресса, *что знаки – это мотивированные соединения формы и значения*, в более общее утверждение, *что семиозис во всех режимах опирается на мотивированные соединения формы и значения*. Вместо соссюрковского размышления различий между основными силами в семиозисе я добавляю, *что семиозис включает в себя дизъюнкцию формы и значения (мотивированное введение произвольности) в большей или меньшей степени и поддерживается и обрамляется конвенциональными силами, постоянно взаимодействующими с двумя другими силами в разной степени*.

Список литературы

- Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67–120.
Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. 1. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 321–405.
Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. – Chicago : Chicago University Press, 1972. – 535 p.
Derrida J. Limited, Inc. – Evanstown, Ill. : Northwest Press, 1988. – 160 p.
Halliday M. Functional diversity in language, as seen from a consideration of modality and mood in English // Foundations of language. – 1970. – N 6(3). – P. 322–361.
Halliday M. Introduction to Functional Grammar. – London : Edward Arnold, 1985. – 700 p.
Halliday M. Language as social semiotic. – London : Edward Arnold, 1978. – 256 p.
Halliday M., Christian M. Introduction to Functional Grammar. – London : Edward Arnold, 2014. – 480 p.
Hodge B. Social semiotics for a complex world. – Cambridge : Polity, 2017. – 256 p.
Hodge B., Kress G. Language as ideology. – 1st ed. – London : Routledge, 1979. – 163 p.
Hodge B., Kress G. Language as ideology. – 2nd ed. – London : Routledge, 1993. – 230 p.

- Hodge B., Kress G. *Social semiotics*. – Cambridge : Polity, 1988. – 230 p.
- Jakobson R. *Selected writings*. – The Hague : Mouton, 1962. – 811 p.
- Jucker A. *Pragmatics in the history of linguistic thought* // Allan, Keith, Kasia Jaszczolt. *Cambridge Handbook of Pragmatics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – P. 495–512.
- Kress G. *Language processes in socio-cultural practice*. – Geelong : Deakin University Press, 1985. – 101 p.
- Kress G. *Multimodality*. – London : Bloomsbury, 2010. – 205 p.
- Kress G., Van Leeuwen T. *Front pages : The ‘critical’ analysis of newspaper layout* // *Approaches to media discourse* / Bell, Allan, Peter Garrett, eds. – Oxford : Blackwell, 1998. – P. 186–221.
- Kress G., Van Leeuwen T. *Reading Images*. – 2nd ed. – London : Routledge, 1996. – 321 p.
- Kress G., Van Leeuwen T. *Reading images*. – 4th ed. – London : Routledge, 2021. – 310 p.
- Language and control* / Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T. – London : Routledge and Kegan Paul, 1979. – 232 p.
- Partridge E. *Origins*. – London : Routledge and Kegan Paul, 1966. – 972 p.
- Peirce C.S. *Selected Papers*. – Chicago : Chicago University Press, 1956.
- Saussure F. de. *Course in General Linguistics* / Ed. by Bailly, Charles, Albert Séchehaye. – Paris : Payot, 1917. – 269 p.
- Saussure F. de. *Course in General Linguistics* / Trans. from French by Harris R., Ed. by Harris R. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 320 p.
- Van der Auwera J., Aguilar A. *History of modality and mood* // *Oxford Handbook of modality and mood* / Nuyts, Jan, Johan Van der Auwera, eds. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 9–27.
- Van Leeuwen T. *Choice* // *Tekst som flytter grenser* / Knudsen, Suzanne, Bente Aamotsbakken, eds. – Oslo : Novus Forlag, 2008. – P. 31–41.
- Williams R. *Keywords*. – London : Fontana, 1985. – 170 p.
- Wittgenstein L. *On certainty*. – Oxford : Basil Blackwell, 1969. – 54 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. – New York : Prentice Hall, 1935. – 129 p.
- Wittgenstein L. *Über Gewißheit*. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1970. – 179 S.

Bob Hodge¹

Motivated signs as hinge concepts for understanding the role of motivated signs in Gunther Kress’s semiotics

Abstract. In my last interaction with Gunther Kress we discussed a possible collaboration. He nominated the theme of motivated signs. This surprised me, since I believed that this was a settled topic for us both. We had barely begun to exchange notes and ideas before he sadly passed on. In this article I address what he stated was his major aim for our collaboration, to establish the doctrine of motivated signs as a core premise for social semiotics, incorporating Wittgenstein’s concept of the hinge to guide analysis, to transcend binaries around motivated signs in Kress’s and Saussure’s work. I use multimodal analysis as both object and instrument of analysis to argue that motivated signs are everywhere in semiosis, and a key to both theory and practice. It reveals a more complex Saussure, helps remove some potent, unexamined assumptions about basic semiotic principles, and enables more powerful analyses for social semiotics.

Keywords: Gunther Kress; motivated signs; social semiotics; multimodality; Ferdinand de Saussure; meaning.

---

¹ **Bob Hodge**, emeritus professor, Institute for Culture and Society, Western Sydney University, e-mail: B.Hodge@westernsydney.edu.au

For citation: Hodge B. (2022). Motivated signs as hinge concepts for understanding the role of motivated signs in Gunther Kress's semiotics. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 97–117. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.07>

References

- Bateson G. (1972). *Steps to an Ecology of Mind*. Chicago: Chicago University Press.
- Derrida J. (1988). *Limited, Inc.* Evanston, Ill.: Northwest Press.
- Fowler R., Hodge B., Kress G. & Trew T. (1979). *Language and Control*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Halliday M. (1970). Functional diversity in language, as seen from a consideration of modality and mood in English, *Foundations of language*, 6/3: 322–361.
- Halliday M. (1978). *Language as social semiotic*. London: Edward Arnold.
- Halliday M. (1985). *Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Halliday M & Mathiessen C. (2014). *Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Hodge B. (2017). *Social semiotics for a complex world*. Cambridge: Polity.
- Hodge B. & Kress, G. (1979). *Language as ideology* (1st ed.,) London: Routledge.
- Hodge B. & Kress G. (1988). *Social semiotics*. Cambridge: Polity.
- Hodge B. & Kress G. (1993). *Language as ideology* (2nd ed.,) London: Routledge.
- Jakobson R. (1962). *Selected writings*, The Hague: Mouton.
- Jucker A. (2012). Pragmatics in the history of linguistic thought. In *Allan, Keith & Kasia Jaszczolt. Cambridge Handbook of Pragmatics* (pp. 495–512). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kress G. (1985). *Language processes in socio-cultural practice*. Geelong: Deakin University Press.
- Kress G. (2010). *Multimodality*. London: Bloomsbury.
- Kress G. & Van Leeuwen T. (1996). *Reading Images*, 2nd ed., London: Routledge.
- Kress G. & Van Leeuwen T. (1998). Front pages: The 'critical' analysis of newspaper layout. In *Bell, Allan & Peter Garrett, eds., Approaches to media discourse* (pp. 186–221). Oxford: Blackwell.
- Kress G. & Van Leeuwen T. (2021). *Reading images*, 4th ed., London: Routledge.
- Partridge E. (1966). *Origins*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Peirce C.S. (1956). *Selected Papers*. Chicago: Chicago University Press.
- Saussure F. de. (1917). *Course in General Linguistics*. Paris: Payot.
- Saussure F. de., Harris R. (Trans. and ed.) (1983). *Course in General Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Auwers J. van der & Aguilar A. (2016). History of modality and mood. In *Nuyts, Jan & Johan Van der Auwers, eds., Oxford Handbook of modality and mood* (pp. 9–27). Oxford: Oxford University Press.
- Leeuwen T. van (2008). Choice. In *Knudsen, Suzanne & Bente Aamotsbakken, eds., Tekst som flytter grenser* (pp. 31–41). Oslo: Novus Forlag.
- Williams R. (1985). *Keywords*. London: Fontana.
- Wittgenstein L. (1935). *Philosophical Investigations*. New York: Prentice Hall.
- Wittgenstein L. (1969). *On certainty*. Edited by G. E. M. Anscombe and G.H. von Wright. Translated by Denis Paul and G.E.M. Anscombe. Oxford: Basil Blackwell.
- Wittgenstein L. (1970). *Über Gewißheit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОЦИЯ

DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.08

Демьянков В.З.¹

Базы данных: синтаксис, семантика, прагматика и «интерпретирующий зигзаг»

Аннотация. Глава из раздела «Знание как основа интерпретации» книги «Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике» Демьянкова В.З. [Демьянков, 1985].

Ключевые слова: синтаксис; семантика; прагматика; интерпретация; компьютерная лингвистика; знание.

Для цитирования: Демьянков В.З. Базы данных : синтаксис, семантика, прагматика и «интерпретирующий зигзаг» // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 118–123. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.08>

В данном разделе речь идет о следующем положении «интерпретирующего подхода»: знание и владение языком могут быть определены и описаны с помощью формального аппарата, отдаленно напоминающего распознающую грамматику. Однако в отличие от последней, в интерпретирующем подходе предполагается также, что помимо чисто грамматических языковых средств к интерпретации языковых выражений, т.е. к говорению и пониманию, привлекаются и внеязыковые знания, не «встроенные» в грамматику. Иначе говоря, в интерпретирующем подходе речь, при всех ее целеполагающих характеристиках (достижение коммуникативного эффекта, экспрессивная функция и т.п.), реализует потенции языка в контексте знаний, т.е. в рамках внутреннего мира интерпретатора, вооруженного такими знаниями.

Говорение, или, шире, продуцирование речи, – это воплощение замысла автора речи при параллельном интерпретировании получаемых промежуточных выражений по ходу их появления; при этом и в результате

---

¹ Демьянков Валерий Закневич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН, e-mail: vdemiank@mail.ru

© Демьянков В.З. 2022.

этого возможны исправления, отклонения от намеченной магистральной линии, отказ от первоначального замысла, колебания и коренная перестройка внутреннего мира говорящего (даже при отсутствии соответствующего комментария со стороны аудитории).

В принципах гипотетической интерпретации, приведенных выше, охарактеризована, по существу, та операция, которую в соответствии с многовековой традицией можно назвать «интерпретацией». А именно, интерпретация-процесс – это пульсирование гипотез, т.е. постепенное расширение и/или сужение текущего набора гипотез, в результате чего получается более или менее устойчивый набор толкований (возможно, этот набор состоит и из одного толкования, когда выражение интерпретируется «однозначно», без колебаний гипотез, т.е. без «осцилляций» значений). Интерпретация целого выражения основана на интерпретации его частей, а ход интерпретации определяется конструкцией целого, в частности расположением этих частей друг относительно друга в пространстве и времени: так, более ранние по времени элементы выражений интерпретируются раньше остальных, множество видов интерпретации бесконечно; одни виды могут быть, в конкретной концептуальной схеме, определены как исходные для других. Интерпретируемы как безукоризненно правильные, так и отклоняющиеся от правильности выражения: первый случай имеем, когда достаточно рассматривать только актуальный логически возможный мир, второй – когда приходится расширить внутренний мир интерпретатора (что предполагает способность человека-интерпретатора не отвергать с порога чужие представления и мнения).

Интерпретируя выражения на конкретном фоне, люди, видимо, предпочитают те толкования, которые минимально изменяют их внутренний мир; возможность и количество других вариантов толкований связаны со степенью лабильности внутреннего мира интерпретатора, со степенью подвижности запаса презумпций. Количество гипотез, отвергаемых по ходу интерпретации, не может быть фантастически большим, а набор результирующих толкований полностью отражает ту степень неоднозначности высказывания и обстоятельств их появления, которая релевантна для конкретного вида интерпретации и для конкретного типа внутреннего мира.

Интерпретацию одного вида, получаемую на основании интерпретации другого вида, необязательно представлять как один процесс, начинающийся только после завершения другого: интерпретирование представимо как протекающее по «квантам», и зависимый вид интерпретации на каждом этапе вовлекает очередную порцию выражения, «проработанную» в рамках «исходного» вида интерпретации (а не целое выражение, таким образом «проработанное»). Кванты – это единицы, рассматриваемые как неделимые на составные части в рамках конкретного вида интерпретации; например, для морфологической интерпретации словоформы такими квантами являются морфы (см.: [Демьянков 1982]), а семантическая интерпретация результата морфологической интерпретации может вовлекать на каждом последующем этапе очередной просканированный (т.е. отождест-

вленный с одной из единиц, хранимых в системе языковых знаний) морф в рамках конкретной гипотетической интерпретации.

Отсюда вытекает, что если имеется два «смежных» вида интерпретации, когда один из них является непосредственно исходным для другого, то интерпретирование в рамках последнего, зависимого вида происходит не после того, как все выражение целиком (текст, предложение, слово и т.п.) проинтерпретировано в рамках исходного вида, а с отставанием ровно на один квант, почти параллельно. Вот почему мы понимаем предложение (если оно в принципе может быть вами понято) уже начиная с первых по времени его сегментов, а не только тогда, когда оно нам дано целиком.

В такой концепции семантическое исследование можно определить как установление закономерностей интерпретирования, дающего «прямое значение», «буквальное значение» интерпретируемого объекта, его «внутреннюю форму» (в терминах В. фон Гумбольдта). Тогда синтаксис – это то, что связано с установлением структуры интерпретируемого объекта в терминах единиц данного уровня рассмотрения, т.е. опознание объекта как структуры, состоящей из квантов, данных в определенной конфигурации. Синтаксическая структура в таком понимании предоставляет исходный материал для семантической интерпретации объекта на данном уровне. Прагматика же оказывается связанной с установлением «суппозиций», т.е. контекстно обусловленных значений интерпретируемого выражения (что, в свою очередь, несомненно, предполагает «деятельностный» аспект интерпретации). Все три дисциплины – синтаксис, семантика и прагматика – участвуют в получении интерпретации на различных уровнях: на уровне морфов, слова, словосочетания, предложения, речевого акта, речевого эпизода (стратегии, акции и т.п.), «речевой жизни».

Формализация описываемого подхода возможна в рамках такой модели владения языком, в которой все «интерпретирующее устройство» в целом – «интерпретатор» – состоит из двух основных взаимодействующих частей: из общего механизма интерпретации и из набора баз данных. Общий механизм интерпретации определяется сформулированными выше принципами, дополненными конкретными знаниями относительно направления сканирования (когда речь идет об интерпретации текста, выполненного в той или иной конкретной системе письменности), относительно соотношенности различных уровней и т.п. Базы данных могут быть расклассифицированы по двум основаниям: 1) по статусу конкретного вида данных и 2) по уровню рассмотрения объекта интерпретации.

По первому основанию имеем три вида баз данных: а) единицы, отождествляемые с частью выражения, взятого в конкретном виде интерпретации (например, морфы, лексемы, семантические предикаты); б) регуляторные правила (определяют расширение или сужение текущего набора гипотетических интерпретаций; множество объектов, подвергаемых преобразованиям с помощью таких правил, не ограничено); в) уникальные правила (также определяют сужения или, реже, расширения текущих на-

боров гипотез: множество объектов, ими преобразуемых, ограничено конечным списком), привлекающие внеязыковые знания. Инвентари единиц могут быть отнесены к ведению синтаксиса, регулярные правила представляют данные о семантике единиц (а именно о конструкционной их семантике, позволяющей дать значение целого только исходя из семантики квантов и из конструкции), а уникальные – о прагматике.

По второму основанию различаются базы данных для морффов, слов, словосочетаний, предложений и т.п. (см. выше). Так, данные о предложениях дают сведения об устойчивых речениях типа поговорок: их синтаксис (на этом уровне) описывает возможность соположения речений между собой в тексте, семантика определяет результат буквального прочтения текста, в котором такие речения сочетаются, а прагматика – все «продолженные» толкования таких сочетаний (например, прагматика определяет мораль притчи, составленной из поговорок). Аналогично этому рассматриваются и хранимые данные для речевых актов, для речевых акций и стратегий, а также для возможных миров, интерпретируемых как «речевая жизнь» (скажем, данные о соположимости анекдотов с конкретными обстоятельствами беседы).

Итак, базы данных предоставляют возможности для интерпретирования единиц различных видов сложности: списки единиц предоставляют материал, на основе которого работают регулярные правила, дающие буквальное значение выражений. Получение всех реальных значений выражения происходит в результате двух видов операций: уникальных правил и рассмотрения выражения в контексте. Первый представляет собой установление прагматики выражения, взятого изолированно (т.е. установление узального значения лексической единицы, устойчивого словосочетания, речения и т.д. с закрепленными возможностями употребления и толкования), а второй – установление суппозиций выражения, т.е. такое сужение или расширение лексического значения, которое возникает вследствие рассмотрения и интерпретации более широкой части интерпретируемого объекта (скажем, текста), чем данное конкретное выражение-квант. Конечно, первое и второе не исключают друг друга; так, на выявлении суппозиций выражения могут оказываться те ожидания-экспектации, которые получены на основании предшествующего («левого») контекста по уникальным правилам интерпретации. И наоборот, условием для работы конкретных уникальных правил могут быть экспектации, вызванные тем квантом выражения, который находится в поле зрения интерпретатора в данный конкретный момент. Например, реификация лексем (т.е. переосмысление абстрактного имени как имени объекта) типа *угощение, выражение, исследование* представляет собой подтверждение той экспектации, что *далее речь пойдет о некотором предмете-вещи*: в выражении *Гости с интересом рассматривали красиво сервированное угощение на столе* левый контекст для единицы *угощение* вызывает экспектацию имени конкретного предмета, а не процесса.

Взаимодействие уникальных, или прагматических, правил с результатом интерпретации предшествующего контекста, затем выдвижение новых экспектаций относительно последующего контекста и их подтверждение или отклонение, т.е. процесс гипотетического интерпретирования, и создает ту пеструю гамму переходов от буквального к контекстно обусловленному значению, которая реально присутствует в речи; именно здесь лежат всевозможные соотношения между экстенционалом, интенционалом и «предметным объемом» выражения.

Процедура перехода от одного вида интерпретации к другим представляет собой, таким образом, зигзаг (см. табл.): на нижнем уровне (например, на морфологическом) интерпретатор начинает со сканирования, прибегнув к помощи инвентаря единиц этого уровня, затем обращается к регулярным правилам для единиц этого же уровня, после чего – к уникальным правилам этого же уровня (при этом непременно соблюдается принцип параллельности, упомянутый выше); после этого происходит переход на другой уровень единиц (скажем, после уровня морфов – на уровень лексем), где интерпретация начинается опять-таки со сканирования и через промежуточный этап конструкционной семантики идет к прагматике, и т.д.

Такое зигзагообразное продвижение интерпретатора по уровням можно назвать «интерпретирующим зигзагом».

Таблица

Интерпретационный зигзаг (знак вопроса означает в данной схеме отсутствие подходящего термина)

Общий механизм интерпретации	База данных		
	инвентари единиц	регулярные правила	уникальные правила
Нижняя граница – часть словоформы, верхняя – словоформа	данные о синтаксисе морфов и словарь морфов →	данные о семантике морфов →	данные о прагматике морфов →
Нижняя граница – лексема, верхняя – ?	данные о синтаксисе слова →	данные о семантике слова →	данные о прагматике слова →
Нижняя граница – словосоставляющая, верхняя – квазипредложение	данные о синтаксисе словосочетания →	данные о семантике словосочетания →	данные о прагматике словосочетания →
Нижняя граница – предложение, верхняя – ?	данные о синтаксисе высказывания →	данные о семантике высказывания →	данные о прагматике высказывания →
Нижняя граница – локуция, верхняя – ?	данные о синтаксисе речевого акта →	данные о семантике речевого акта →	данные о прагматике речевого акта →
Нижняя граница – иллокуция, верхняя – интеракция (?)	данные о синтаксисе речевого действия →	данные о семантике речевого действия →	данные о прагматике речевого действия →
Нижняя граница – эпизод, верхняя – «вся жизнь»	данные о синтаксисе «речевой жизни» →	данные о семантике «речевой жизни» →	данные о прагматике «речевой жизни» →

Список литературы

- Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 76 с.
- Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и структура словаря // Вопросы кибернетики : общение с ЭВМ на естественном языке. – Москва : Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1982. – С. 75–91.

Valery Demyankov¹

Databases: syntax, semantics, pragmatics and «interpretive zigzag»

Abstract. Chapter from the section «Knowledge as the basis of interpretation» of the book «Fundamentals of the theory of interpretation and its applications in computational linguistics» by Demyankov V.Z.

Keywords: syntax; semantics; pragmatics; interpretation; computational linguistics; knowledge.

For citation: Demyankov V.Z. (2022). Databases : syntax, semantics, pragmatics and «interpretive zigzag». *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 118–123. <http://www.doi.org/10.31249/metod/02.02.08>

References

- Demyankov V.Z. (1985). *Osnovy teorii interpretacii i ee prilozhenija v vychislitel'noj lingvistike*. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Demyankov V.Z. (1982). *Morfologicheskaja interpretacija teksta i struktura slovarja. Voprosy kibernetiki: Obshhenie s JeVM na estestvennom jazyke*, 75–91. M.: Nauchnyj sovet po kompleksnoj probleme «Kibernetika».

---

¹ Valery Demyankov, Institute of Linguistics of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: vdemiank@mail.ru

Корнев Т.А.¹

**Говорить и думать иначе.
Обзорный реферат работ Стивена Каули²**

Аннотация. Краткий обзорный реферат работ Стивена Каули призван дополнить настоящую дискуссию об оязыковлении. В нем показаны практическое значение этого понятия для решения насущных глобальных проблем и его применимость практически к любым процессам, включающим человека, культуру, высказывания и жизненный опыт. Вместе с тем отмечается также широта такого понятия, как симплексность. Работы Каули имеют важное значение для трансдисциплинарных исследований, поскольку связывают между собой лингвистику, экологию, этику, философию, когнитивистику и массу других дисциплин, строя теории, чье существование возможно только при переплетении этих дисциплин между собой. Также они имеют потенциал для привлечения внимания научного сообщества к трансдисциплинарной проблематике, поскольку берутся за решение проблем, к которым науки о жизни редко притрагиваются.

Ключевые слова: оязыковление; симплексность; эколлингвистика; агентивность; ответственность.

Для цитирования: Корнев Т.А. Говорить и думать иначе. Обзорный реферат работ Стивена Каули // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 124–133. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.09>

Основы мировосприятия

Работы Стивена Каули в сфере лингвистики не ограничиваются изучением языка как такового и даже, пожалуй, касаются его в меньшей степени, чем связанных с ним процессов – оязыковления, коммуникации, узнавания и т.д. Его вклад в развитие трансдисциплинарных подходов к наукам о жизни во многом представлен биосемиотическими изысканиями, в рамках которых датский ученый показывает, как современные нам способы жить, общаться и наделять окружение смыслами укоренены в древних, сложных и структурно схожих между собой процессах, будь то

---

¹ **Корнев Тимофей Александрович**, младший научный сотрудник ИНИОН РАН, магистр политических наук ВШЭ, e-mail: takornev@edu.hse.ru

² Исследование выполнено за счет гранта РНФ 22-18-00383 «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе».

синтез белка или социальная организация стаи шимпанзе. Не менее важно и для него, и для нас то, как эти способы влияют на восприятие человечеством явлений позднего модерна: к примеру, автономных роботов и экологических катастроф. Все эти явления и процессы – и древние, и современные, и даже те, что только ждут нас в будущем, – объединяет то, что они представляют собой сложнейшую схему, целый оркестр небольших, незаметных процессов, вместе формирующих кажущиеся нам простыми элементы окружающей реальности. Совмещение сложных (complex) и простых (simple) уровней организации (а вернее сказать, восприятия) в одно неразделимое целое – это одно из важнейших открытий недавнего времени в науках о жизни, симплектность (simplicity).

Каули заимствует это понятие у французского нейрофизиолога Алена Бертоза, который изначально задумывал его как всеобъемлющее средство описания процессов, начиная от взаимодействия молекул и заканчивая человеческим сознанием. Следовательно, оно может описывать и язык [Cowley, 2019]. В таком случае фактором, выстраивающим пределы и правила будущего языка, будет вовсе не мозг со своими структурами, как думал Бертоз. Если взглянуть на процесс оязыковления, т.е. вокализацию с присвоением ей определенного смысла, с позиции симплектности, то окажется, что это следствие взаимодействия тела и мира (body-world coordination). Для того чтобы некий предмет начал ассоциироваться с набором звуков – кажущееся простым явление, – должно произойти множество сложных процессов. Они следуют друг из друга, сплетаются и наслаиваются, уходя «вглубь» через социальную организацию первобытного общества и специфику мышц глаза вплоть до строения человеческой ДНК. Это и есть симплектность.

То, как проходит оязыковление, регулируется умвельтом – специфической для каждой человеческой популяции средой обитания. Она определяет и доступные людям наборы звуков (ономатопея), и набор явлений, которые можно наделить звуковыми описаниями. Точно так же на процесс коммуникации влияют правила сообщества и культурные коды, принятые в нем. При этом то, каким образом выстроен сам язык с его звуками и морфемами, ограничивает возможность формирования смыслов. Это, в свою очередь, влияет на формирование материальной культуры. Описанные выше процессы не индивидуальны и не глобальны: они происходят на среднем уровне, уровне локальных сообществ живущих вместе людей, поскольку каждое такое сообщество объединяет свой умвельт. Это было верно на заре языка, верно и сейчас – даже в рамках одного и того же диалекта между сообществами существуют различия в правилах коммуникации, и чем сложнее по составу становилось человечество, тем больше таких различий появлялось.

В широком смысле симплектность влияет на оязыковление путем множества природных селективных процессов – координации, конкуренции, конфликта и кооперации [Cowley, Markos, 2018]. Поскольку язык – и

следствие, и часть жизненного опыта (lived experience), его развитие не управляется из какого-либо центра. Оно происходит органически в рамках пределов, которые устанавливаются возможностями человеческого восприятия (perception). Таким образом создаются условия для формирования лексиконов – индивидуальных и, что самое важное, коллективных.

Вообще для Каули важной является тема взаимодействия и кооперации. Это понятно, поскольку коммуникация, будучи возможной в рамках одного индивидуума, все-таки чаще происходит между двумя и более. Даже персональные способы понимания мира происходят из коллективных культурных паттернов и во многом определяются историческим развитием. Подобная игра индивидуального и коллективного – это тоже симплектность. Коллективное действие, опирающееся на ее роль в науках о языке, становится для автора основой социально важной субдисциплины – эколингвистики.

Знание в борьбе за экологию

Оязыковление, будучи процессом, при котором человек проживает язык, неразрывно связано с идентичностью и социальными ролями. Это связующее звено между социальными действиями индивидуума, его биологическим строением (как homo sapiens) и его способами понимания мира. В этом и заключается смысл пары тело–мир. Оязыковление также связывает выражение смысла с произнесением звуков или жестикующей. Все это вместе конституирует оязыковление как акт, определяющий вид и функции институционализированных практик [Cowley, 2019]. Выходит, что оно формирует вокруг нас целый мир, полный своих биомов и экосистем, в рамках которых особые способы говорить и проживать язык определяют особые нормы и правила совместной жизни (и определяются ими). Это одно из измерений эколингвистики – понимание языка и его следствий через призму экологии как смежной с биологией дисциплины.

Другое измерение касается непосредственно экологии с ее климатическими катастрофами и угрозой исчезновения видов, а точнее – влияния на все это оязыковления. Поскольку языки и человеческие умельты связаны, на институциональную практику можно влиять при помощи языка: *«Люди – и только мы – можем «думать» ради мира («think» on behalf of the world): так как ответственность может формировать действие, мы формируем будущее эволюции»* [ibid.]. Это одна из ключевых фраз для понимания места, которое Каули отводит своей теории в сфере эколингвистики. Ответственность, действие, формирование – эпитеты, через которые говорит агентивность человечества. Она – актер, способный менять окружающую реальность, и Каули со своей стороны предлагает возможное решение как минимум части проблем через лингвистику, а точнее – оязыковление.

Это влияние кажется контринтуитивным. Но следует помнить, что именно оязыковление позволяет человеку связывать опыт с ментальными структурами вроде «понятий» и «причинно-следственных связей», которые, в свою очередь, определяют его будущий опыт. Поэтому оттачивание своего знания этого процесса может позволить нам «производить себя» (self-fabricate), открыв глаза на то, *как* именно то, как мы говорим, влияет на то, что происходит вокруг. И, разумеется, действовать сообща. Для этого эколингвистику необходимо понимать одновременно как науку об использовании человечеством, а также отдельными сообществами и индивидуумами окружения для поддержки своих бытийных траекторий и науку о пределах, в рамках которых это использование несет разумный и умеренный характер.

Решение экологических проблем заключается в том, что оязыковление связывает биологическое с культурным [Cowley, 2022]. Точные науки, говоря об этих проблемах, тривиализируют их и переводят в плоскость обыденного. Обращая внимание на то, как проходит этот процесс, человек способен вновь сфокусироваться на том, что обычно считается слишком очевидным для рассмотрения или остается незамеченным. Связывая различные домены между собой, оязыковление стирает между ними границы и помогает расширить круг нашего внимания, одновременно приближая нас к проблеме. Последнее, в свою очередь, делает ее более насущной и заставляет искать решение активнее.

При этом формулировка проблемы и подход к ее решению напрямую зависят от того, какие слова используются и как происходит взаимовлияние их и жизненного опыта. Слова могут трансформировать жизненный опыт через окружающую реальность: Каули называет эту естественную способность мозга «эвонирингом» (от evolution и engineering). То есть буквально инженерией эволюции среды. Первая предпосылка – понимание, что человеческие сообщества неотделимы от этой самой среды. А культивация такого понимания достигается через использование определенных означающих и грамматических конструкций: именно они позволяют человеку осознать и свою ответственность, и свою агентивность. «Думать ради мира» и «формировать будущее эволюции» – как раз такие конструкции.

Процессу трансформации противостоит существующая ныне конфигурация культурных экосистем. Это паттерны, в рамках которых люди воспроизводят практики «нормальным», «обычным» способом [Hutchins, 2014]. Наличие «нормы» предполагает ограничения, накладываемые на процесс производства смыслов – семогенез (semogenesis). Фундаментальные работы по эколингвистике объясняют этот процесс проще: ограничения накладывает идеология, а идеология – продукт языка. Две противостоящие позиции эколингвистов идеологии – идеология роста и классицизм. Они ограничивают то, как люди актуализуют практики, т.е. ограничивают семогенез. Тем самым они тормозят переход в сторону более экологических способов выражения и, как следствие, жизнедеятельности.

В итоге влияние оязыковления на экологию оказывается довольно простым для понимания: новые связанные с языком практики активизируют сегогенез, который, в свою очередь, запускает процесс эвониринга. Таким образом высказывания меняют среду. Причем этот подход максимально материалистичен: он основывается на материальной культуре, прямом жизненном опыте и, как показывает Халлидэй, классовых отношениях. Каули в свою очередь замечает: «*Экосфера пронизана практикой (praxis)*». Поэтому агентивность, которой человечество обладает в силу своего владения искусством оязыковления, должна актуализироваться, привнеся конкретные изменения в социальную, экономическую и политическую сферы человеческой жизни. И это актуализированное действие, как и процесс оязыковления, должно быть коллективным. Здесь необходимо подробнее разобраться в том, какие импликации подобная схема несет для этики, в том числе научной.

Для Каули одна из главных проблем в этой сфере заключается в том, что суждения об этическом и неэтическом отдаются на откуп экспертам (в том числе ЛПРа, публичным политикам и т.д.) [Cowley, 2021a]. В результате, как мы уже замечали, процесс сегогенеза ограничивается, и множество историй остаются не услышанными. Это уменьшает эффективность принимаемых решений, так как не учитываются локальные интересы и специфические навыки местных сообществ. Вместе с тем невовлечение последних в производство дискурса ведет к тому, что экологическая повестка не находит у них активной поддержки. Более того, наука оказывается отделена от этики – да, она старается соответствовать неким этическим стандартам, но ее целью становится сбор и анализ информации, а вовсе не поддержка человеческих жизненных траекторий. В этом наука (Englishman's science, позитивистская парадигма) резко отличается от того, что Каули называет *Wissenschaft* – знания.

Для иллюстрации этого различия автор сравнивает экологические цели ООН и китайское видение экологической цивилизации. Первые – образец западного взгляда на этику, и это просматривается в используемом в них языке и модели принятия решений. Фокус делается на сохранении, а не на развитии, а конкретные решения принимаются группой заинтересованных лиц. При этом знание, полученное благодаря десятилетиям исследований, не используется – мы не знаем, что с ним делать. Китайский вариант – думать и говорить не о том, что должно быть сделано, а о том, что происходит прямо сейчас и чего можно добиться. Традиционное для китайской философии понятие гармонии обеспечивает коллективное действие в этой колее, где достижению целей экологической цивилизации способствует каждый.

На этом примере видно, как способ говорить о проблеме влияет на возможности по ее решению. Также на нем видно то, как этика может быть напрямую включена в науку и какой дополнительный гармонизирующий эффект это привносит в нее. Здесь тоже играет роль симплектность – сложные экологические проблемы решаются путем простых высказыва-

ний. На ней построена и Wissenschaft. Человеческое мышление включает этические суждения, и каждый ученый обладает своим взглядом на этику, поэтому она также должна быть частью «новой» науки. Этика в какой-то мере упрощает мир: она делит его на то, что «должно» быть, и то, чего быть «не должно». Позитивистская наука не может прийти к заключению, что снижать выбросы углеводородов — это хорошо и должно, но именно подобные симплексные уловки (tricks) помогают нам решать экологические проблемы. Они сводятся к одному простому решению — правильно ли то или иное действие. И о правильности, этичности как раз может говорить Wissenschaft.

Симплексность и жизнь

То, как Каули использует понятие симплексности, помогает по-новому взглянуть не только на экологические проблемы, но и на другие явления и вызовы современности. Например, на «автономных» роботов и нейросети.

Прежде всего стоит заметить, что автономия, с его точки зрения, — не характеристика самой искусственной системы, а черта, которой ее наделяет наблюдатель [Cowley, Gahrn-Andersen, 2022]. Воспринимаемая автономия возникает как результат множества мелких решений, которые компьютер принимает для выполнения задач, кажущихся человеку простыми. При этом в западной традиции существует предрасположенность к восприятию таких действий как исходящих от агента, т.е. субъекта, обладающего агентивностью. Симплексные уловки заставляют нас видеть нечто, созданное и проинструментированное экспертами, как имеющее собственную волю.

Здесь главным вопросом для Каули является не то, обладает ли робот, дрон или нейросеть автономией на самом деле, а какие последствия несет восприятие человеком этих систем как автономных. Также для него важно не то, как человек и робот могут взаимодействовать, а каким образом роботы могут встроиться в широкий спектр человеческих практик. Здесь он снова перемещается в область этики и говорит об ответственности: даже если нам кажется, что роботы обладают волей, ответственность за совершенные действия должны нести не они, а инженеры, удаленные операторы и, что особенно важно, лица, в чьих интересах и по чьим инструкциям эти роботы действуют.

Задача с определением ответственных лиц кажется тем проще, чем меньше человеческих жизней оказывается под угрозой. Автономные транспортные средства, например, нечасто становятся участниками ДТП с летальным исходом. Поэтому даже в России, где эта технология в новинку, регулятор смог определить круг ответственных за происшествия: производитель узлов, поставщик ПО, оператор. Совсем другое дело — дроны-убийцы: они позволяют совершающим удары военным дистанцироваться

от последствий своих решений, в чем им помогает воспринимаемая автономия таких дронов. Это уже имеет политические последствия: отношения власти становятся более запутанными, и определить ответственных, например за военные преступления, становится гораздо сложнее.

И подобными проблемами потенциально могут быть пронизаны все сферы человеческой жизни, если внедрение «автономных» технологий будет по-настоящему массовым. Здесь, как и в случае с экологическими катастрофами, требуется понять, каким образом мы можем говорить об этих технологиях. Если люди из-за симплексных уловок считают их обладающими собственной волей, то это грозит резким снижением подотчетности человеческих акторов. Значит, в этом случае тоже потребуются включение семогенеза, позволяющего «перетянуть канат» дискурса технократической элиты в сторону сбалансированного распределения ответственности.

Каули использует термин «культура дронов» (*drone culture*), чтобы показать, что «автономные» технологии имеют крайне большой вес не только в популярной культуре и бизнес-среде, но и в среде научной [Cowley, Gahrn-Andersen, 2022]. Дроны и роботы представляются одновременно и открытием, способным решить множество насущных проблем, и угрозой безопасности человечества. В обоих течениях присутствует огромное количество интереса и, следовательно, денег. При этом о влиянии человеческого опыта на восприятие таких технологий и о том, какие последствия оно имеет и может возыметь в будущем, работ мало – публикации получаются не такими громкими, а времени и сил на интердисциплинарные исследования в этой сфере придется потратить немало. Тем не менее говорить об этом необходимо.

Говоря об «автономии» дронов, науки о жизни переходят в область постчеловеческого (*post-human*). В рамках этого постгуманизма можно судить и об автономии объектов, коими являются роботы. При этом стирается рамка между человеческим и нечеловеческим, и непосредственный (*immediate, pre-reflective*) опыт людей становится следствием практик, часто имеющих иерархический характер. Язык возникает из непосредственного опыта, поэтому он также оказывается под влиянием, например СМИ. Так как технологии уже обладают определенным укоренившимся в культуре смыслом, набор действий, который человек может с ними совершить, уже определен не только непосредственным строением роботов, дронов и т.д., но и культурой – тем, какие практики доступны для воспроизведения.

Этот же процесс меняет то, что Каули называет «социотехнической культурой» (*socio-technical culture*), т.е. способы взаимодействия человека с окружающей средой. Последние входят в понятие «оязыковленного сознания» (*enlanguaged cognition*) и, в свою очередь, приводят к изменениям в сообществах. Так, фраза «автономные дроны», повторенная достаточное количество раз, меняет наше отношение к ним и, следовательно, способы взаимодействия с ними. В этих условиях важно понимать, насколько вос-

принимаемая автономия ограничена, и всегда держать это в голове. Производство соответствующего дискурса в достаточных для радикальной перемены в «культуре дронов» объемах пока не кажется реалистичным, но как потенциальная задача оно не теряет важности. Как и в случае с экологией, этическое суждение о правильности тех или иных человеческих решений, связанных с действиями дронов, может отдалить антиутопическое будущее.

Симплексность работает и в более обыденных сферах, в меньшей степени обременяющих наблюдателя сложными моральными выборами и неминуемыми их последствиями. Каули демонстрирует это на примерах социальных организаций и чтения.

В случае организаций обычно выделяются два уровня: микроуровень – человек, его тело и сознание, – и макроуровень – правила самой социальной структуры [Secchi, Cowley, 2021]. Автор, однако, показывает, что воспринимаемое «тело» организации, то, что еще в раннее Новое время называлось *corpus*, возникает на среднем, мезоуровне. Он включает правила социальной организации как таковой, т.е. практик, зависящих от культуры и воспроизводимых людьми при взаимодействиях между собой. Идентификация себя как части различных сообществ и принадлежность к определенной культуре определяют то, как индивидуум будет мыслить, а выработанные им в ходе нахождения в обществе практики позволяют ему создавать и поддерживать новые социальные структуры. Смысл, таким образом, создается именно на среднем уровне и наделяет группу людей характеристиками мыслящего организма. Точно так же, как с «автономией» роботов, эта «автономия», или, точнее, способность сознавать (*cognition*), становится следствием множества мелких, ускользающих из-под взора процессов.

Чтение Каули называет «умелым лингвистическим действием» (*skilled linguistic action*) [Cowley, 2021b]. Оно включает процессы оязыковления, связывающие смыслы, знаки, устоявшиеся практики, жизненный опыт и сенсомоторные возможности. Помимо того что кажущийся простым процесс чтения включает в себя настолько много мелких факторов от материала, на котором напечатан текст, до особенностей культуры, к которой принадлежит чтец, атрибуты симплексности ему придает возможность интерпретации и реакции. Читающий «цепляется» за различные «подсказки» в тексте и пытается с помощью симплексных уловок выяснить намерение автора – точно так же, как наблюдатель «автономного» дрона стремится видеть в его действиях некую волю. При этом чтение не только вызывает немедленные реакции, такие как поток мыслей или вокализации, но и ведет к длительным изменениям в жизненной траектории читающего – текст становится частью его опыта.

Краткое заключение

Важность работ Каули заключается не только в том, что он продвигает фронтир нашего теоретического знания таких концептов, как симплектность и оязыковление. Он применяет эти концепты как к конкретным проблемам, актуальным и требующим немедленного решения, так и к обыденным практикам и формам взаимодействия индивидуумов. Автор не только активно включается в поиск решений обозначенных им проблем, но и привлекает таким образом внимание к самой своей теории, а шире – к трансдисциплинарности как новому способу коммуникации.

Список литературы

- Cowley S.J. The Return of Linguaging : Toward a new ecolinguistics // Chinese Semiotic Studies. – 2019. – N 15(4). – P. 483–512.
- Cowley S.J. Ecolinguistics reunited : Rewilding the territory // Journal of World Languages. – 2021a. – N 7(3). – P. 405–427.
- Cowley S.J. For an actional ethics : making better sense of science // Reconsidering Extinction in Terms of the History of Global Bioethics / Booth S., Mounsey C. (eds.). – London : Routledge, 2021b. – P. 222.
- Cowley S.J. Reading : skilled linguistic action // Language Sciences. – 2021. – N 84. – P. 101364.
- Cowley S.J., Gahrn-Andersen R. Simplicity, languages and human languaging // Language Sciences. – 2019. – N 71. – P. 4–7.
- Cowley S.J., Gahrn-Andersen R. Drones, robots, and perceived autonomy: implications for living human beings // AI & Society : Journal of Knowledge, Culture and Communication. – 2022. – N 37(2). – P. 591–594.
- Cowley S.J., Markos A. Evolution, lineages and human language // Language Sciences. – 2018. – N 71. – P. 8–18.
- Gahrn-Andersen R., Cowley S.J. Autonomous technologies in human ecologies: enlanguaged cognition, practices, and technology // AI & Society : Journal of Knowledge, Culture and Communication. – 2022. – N 37(2). – P. 687–699.
- Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // Philosophical Psychology. – 2014. – N 27(1). – P. 34–49.
- Secchi D., Cowley S.J. Cognition in Organisations : What it Is and how it Works // European Management Review. – 2021. – N 18(2). – P. 79–92.

Timofey Kornev¹

To speak and to think otherwise.

A summary review of Stephen J. Cowley

Abstract. A brief summary review of Stephen J. Cowley's work is intended to complement the present discussion of languaging. It shows the practical significance of this

---

¹ **Timofey Kornev**, Junior research fellow, INION RAN; Political science MA, HSE, e-mail: takornev@edu.hse.ru

concept for solving pressing global problems and its applicability to almost any process that includes people, culture, utterings, and life experience. At the same time, the breadth of such a concept as simplicity is also noted. Cowley's works are important for transdisciplinary research, as they link linguistics, ecology, ethics, philosophy, cognitive science, and a host of other disciplines, building theories whose existence is possible only when these disciplines are intertwined with each other. They also have the potential to draw the attention of the scientific community to transdisciplinary issues, as they take on the solution of problems that the life sciences rarely touch.

Keywords: languaging; simplicity; ecolinguistics; ethics; agency; responsibility.

For citation: Kornev T. (2022). To speak and to think otherwise. A summary review of Stephen J. Cowley. *METHOD : Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 124–133. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.09>

References

- Cowley S.J. (2019). The Return of Languaging: Toward a new ecolinguistics. *Chinese Semiotic Studies*, 15(4), 483–512.
- Cowley S.J. (2021). Ecolinguistics reunited: Rewilding the territory. *Journal of World Languages*, 7(3), 405–427.
- Cowley S.J. (2021). For an actional ethics: making better sense of science. In: *Reconsidering Extinction in Terms of the History of Global Bioethics* (p. 222). Booth, S. and Mounsey, C. (eds.). London: Routledge.
- Cowley S.J. (2021). Reading: skilled linguistic action. *Language Sciences*, 84, 101364.
- Cowley S.J. & Gahrn-Andersen, R. (2019). Simplicity, languages and human languaging. *Language Sciences*, 71, 4–7.
- Cowley S.J. & Gahrn-Andersen, R. (2022). Drones, robots, and perceived autonomy: implications for living human beings. *AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication*, 37(2), 591–594.
- Cowley S.J., Markos A. (2018). Evolution, lineages and human language. *Language Sciences*, 71, 8–18.
- Gahrn-Andersen R. & Cowley S.J. (2022). Autonomous technologies in human ecologies: enlanguaged cognition, practices, and technology. *AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication*, 37(2), 687–699.
- Hutchins E. (2014). The cultural ecosystem of human cognition. *Philosophical Psychology*, 27(1), 34–49.
- Secchi D. & Cowley S.J. (2021). Cognition in Organisations: What it Is and how it Works. *European Management Review*, 18(2), 79–92.

Свирчевский Д.А.¹

**Оязыковление: специальный выпуск журнала
«Итальянское обозрение философии языка».
(Обзор)**

Обзор статей:

Cowley S.J. Meaning comes first: languaging and biosemiotics // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021a. – Vol. 15, N 2. – P. 1–18. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021200>

Seiberth L.C. The Role of Languagings in Sellars' Theory of Experience // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 19–48. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021205>

Raimondi V. La matrice operativa del languaging: un approccio radicalmente relazionale del linguaggio // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 49–58. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021210>

Rama T. Biosemiotics at the bridge between Eco-Devo and representational theories of mind // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 59–92. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021203>

Robuschi C. The Importance of Aesthetics for the Evolution of Language // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 93–103. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021211>

Gahrn-Andersen R., Prinz R. How cyborgs transcend Maturana's concept of languaging: A (bio)engineering perspective on information processing and embodied cognition // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 104–120. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021204>

Lassiter C. Empowering Biosemiotics // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 121–138. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021202>

---

¹ Свирчевский Дмитрий Алексеевич, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: dasvirchevskiy@edu.hse.ru
© Свирчевский Д.А. 2022.

Kravchenko A. Approaching linguistic semiosis biologically : implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 139–158. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021209>

Batisti F. An Argument for Languages in Language // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 159–175. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021201>

Cowley S.J. Biosemiotics and ecolinguistics: two tales of scientific objectification // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. – 2021b. – Vol. 15, N 2. – P. 176–198. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021208>

Filaci L. La palabra liberada del lenguaje: silenzio e liberazione in María Zambrano // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 199–208. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021206>

Nodoushan M. Language and socialization? It is all about sociosemiotics // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. – 2021. – Vol. 15, N 2. – P. 209–225. – URL: <https://doi.org/10.4396/2021207>

Ключевые слова: язык; оязыковление; биосемиотика; семиотика; эволюция языка; эколлингвистика; биология развития; смысл; семиозис; символ; знак.

Для цитирования: Свирчевский Д.А. Оязыковление : специальный выпуск журнала «Итальянское обозрение философии языка». (Обзор) // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 134–147. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.10>

Авторитетный журнал «Итальянское обозрение философии языка» (Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio) посвятил второй номер 2021 г. теме «Язык, оязыковление и биосемиотика». В качестве редактора-составителя выступил выдающийся лингвист и один из ведущих специалистов по оязыковлению Стивен Дж. Каули (Stephen J. Cowley), который в настоящее время является профессором Университета Южной Дании. Свое представление собранной им подборки статей Каули назвал «Смысл прежде всего: оязыковление и биосемиотика». В этом коротком тексте Стивен Каули делает краткий обзор всех статей данного специального выпуска журнала, погружая изданные статьи в более широкий научный контекст, а также рассуждает о биосемиотике. Каули отмечает, что экологические системы создают себя сами, перемещаясь между мирами и меняя себя, вместе с тем меняя и связи с миром. Эволюция происходит между взаимосвязанными системами, которые зачастую полагаются на биологические сигналы, или семиозис. В рамках экологической эволюционной биологии развития циклы обеспечивают выживание запутанных экологических систем, которые полагаются на самомодулирующиеся подсистемы (например, метаболический процесс, мозг), где все агенты действуют самостоятельно, участвуя в более широких системах.

Каули отмечает, что статьи, представленные в номере, показывают, что смысл (meaning) стоит на первом месте. Содержание использует биологические сигналы и связывает взаимодействия и оценку рисков, и в процессе обучения агенты используют условия, которые побуждают включать или исключать аспекты того, что может быть воспринято. Картирование, или коды, влияют на метаболизм многих животных, на мир, в котором те живут и действуют. В телах метаболизм связывается с различными практиками, которые способствуют созданию мира. Люди используют прошлое и мечтают, поскольку они связывают социальные нормы, артефакты, концепции и деятельность. Семиотическое описание служит для упрощения и лучшего понимания этих процессов. Семиозис может объяснить жизнь как сферу знаков и вместо того, чтобы заниматься интерпретацией, автор предлагает обращаться к тому, как согласованность, системность могут связать семиотически-причинную связь через действие / восприятие и оязыковление. В материальном отношении биологическое сигнализирование использует культурные различия, язык и эстетические суждения. Автор отмечает, что эпистемологическая сила смысла может помочь нам взять на себя ответственность за будущее эволюции.

Роль оязыковления в теории опыта Селларса

Автор данной статьи Луц Кристофер Зайберт является профессором Потсдамского университета. В фокусе внимания автора оказывается теория оязыковления Уилфрида Селларса. Бэкграунд идей Селларса лежит главным образом в мысли Канта, Пирса и в меньшей степени – Витгенштейна. Заимствуя у Канта идею вещей в себе, Селларс коренным образом модифицирует ее. Для Селларса вещь в себе – это не та кантовская вещь в себе, истинную сущность которой человек не может постичь. Селларс устраняет кантовский разрыв между нами и вещами в себе, который происходил из-за того, что у Канта только Бог мог иметь представление о том, как вещи в себе влияют на нас. Для этого Селларс заменяет кантовский концепт «божественной истины» на истину Пирса, которая представляет собой «идеальный результат научного исследования», и получается, что вещь в себе начинает связываться с нами через новое понимание истины, которое приводит к полному переосмыслению вещей в себе. Оказывается, что, в отличие от Канта, у Селларса мы можем понять вещь в себе, проведя научное исследование. Так же интуиции, которые присутствовали у Канта и благодаря которым можно было говорить о вещах в себе, заменяются Селларсом на созданные наукой концептуальные структуры, позволяющие понять природу объектов.

Подобное понимание соотношения нас с исследуемыми объектами приводит к тому, что, говоря о фактах, мы можем понимать сами высказывания как факты, имеющие эмпирическую форму. Акты суждений об

эмпирических фактах являются оязыковлением, они могут быть естественными лингвистическими объектами, систематически связанными с другими объектами в природе. Вообще же оязыковление имеет у Селларса две стороны. С одной стороны, это содержание, логическая форма высказывания, с другой – его материальная реализация, причины, из-за которых оно существует. Для существования суждения, существования мысли они должны реализовываться в единообразных лингвистических паттернах, управляемых эпистемологическими нормами, которые проявляют эмпирическую форму независимо от того, как мы их охарактеризуем.

Также Селларс использует концепт запечатления, который он заимствует из «Логико-философского трактата» Витгенштейна, однако существенно его изменяет. Если у Витгенштейна факты запечатляли факты, то у Селларса объекты запечатляют объекты. Запечатление связывает объекты с языком, причем оно является условием, которое делает возможным существование эмпирически содержательных утверждений вообще. Запечатление создает концептуальные структуры, которые, как объекты природы, находятся в фактических взаимоотношениях с другими природными объектами. Поэтому запечатление воспроизводит двойственную структуру оязыковления: логическая форма высказывания не является эмпирической конфигурацией предложения, которое оно иллюстрирует, но существование подходящей эмпирической конфигурации является необходимым условием наличия у высказывания логической формы. В общем, знание о мире является частью мира, знание о котором оно содержит.

Поскольку фактические отношения сохраняются между запечатленными и запечатляющими объектами, мы можем рассматривать запечатляющие объекты с интенциональной позиции, которая позволяет выносить о них содержательные суждения. И все же мы не можем рассмотреть образительные способности одного отдельного суждения, это остается причинно-следственной тенью языка, и нам остается изучать возможности запечатления, используя когнитивную науку и биофункциональные нормы.

Операционная матрица языка: радикально реляционный подход к языку

Статья создана Винченцо Раймонди, профессором Компьенского технологического университета. В ней автор выступает против социальных теорий происхождения языка, согласно которым язык является социальным феноменом и понимается в контексте определенных паттернов социальных отношений. Критика данной позиции со стороны автора заключается в том, что она предполагает возможность эффективного общения без языка. Подобная критика возможна, поскольку, как отмечает автор, социальные теории происхождения языка рассматривают язык как код или символическое устройство. Автор считает, что появление доязы-

ковых практик невозможно представить независимыми от языка: язык является их конститутивным измерением, а не инструментом, созданным для их облегчения. Более того, неясно, как, независимо от отдельных семиотических компонентов коммуникативного поведения, которые их обозначают, взаимодействующие индивиды могут идентифицировать коммуникативные намерения других, необходимые для совместного осуществления деятельности: подобные компоненты можно считать скорее элементами праязыка, а сам язык, соответственно, не стоит рассматривать как нечто, что добавляется к ранее существовавшим социокультурным действиям, поскольку они не могут происходить без составляющих их операций.

Вместо этого автор предлагает исследовать понятие языковой системы, принимая во внимание различные уровни анализа, которые систематически связаны между собой. Автор считает, что операциональная взаимозависимость выходит за рамки единичных проявлений координации, оказывая влияние на жизнь каждого человека и на последующие взаимодействия, а рекурсивная координация, лежащая в основе языка, может рассматриваться как матрица характерного образа жизни вида. Постепенное закрепление привычек и языковых предпочтений играет решающую роль в эволюционном дрейфе, поэтому можно предположить, что эволюция человека была обусловлена трансформацией области взаимоотношений, когда язык стал преобладающим способом взаимодействия. Автор завершает статью тем, что отмечает, что можно открыть интересные исследовательские перспективы, подойдя к взаимозависимости между биологией, познанием и культурой через призму языка.

Биосемиотика как мост между Эко-Дево и теориями представления сознания

В данной статье автор Тиаго Рама, профессор Автономного университета Барселоны, ставит перед собой цель показать, в чем схожи биосемиотика, эволюционная биология развития и теории представления сознания (когнитивная наука). Эволюционная биология развития появилась из понимания того, что гены не являются движителем эволюции, и в данной теории познания единицей анализа становится весь организм в его отношениях с окружающим миром, а не суборганизменный уровень генов. Биосемиотика имеет схожий исходный пункт, состоящий в отрицании суборганизменной биологии, что позволяет легитимировать проведение семиотических исследований в науках о жизни. Для биосемиотики и эволюционной биологии развития центральной идеей, объединяющей их, является представление о том, что активность организмов – это важнейший фактор в объяснении сложности и разнообразия жизни.

И биосемиотика, и эволюционная биология развития изучают системы сигналов, которые соединяют организмы и регулируют их взаимо-

действие. В этих системах, в отличие от классической биологии, организмы не приспосабливаются к окружающей реальности, их место в мире не предопределено физическим положением. Вместо этого организмы выбирают, с какими аспектами мира взаимодействовать и в зависимости от своей сенсорной системы эпистемологически конструируют нишу, в которой они располагаются и взаимодействуют с выбранными аспектами мира.

Говоря о связи биосемиотики и теорий представления сознания, автор отмечает, что в них обеих содержатся рассуждения о естественных процессах, включающих в себя содержательные отношения. Разница состоит в том, что биосемиотика использует термин сигналы, а теории представления говорят о представлениях. Данные термины имеют разную историю, однако схожи по своей сути, поскольку они оба являются объектами, которые несут информацию *о чем-то*, т.е. характеризуются содержанием. Кроме того, исследуя органические процессы через референтные отношения между различными уровнями организации, когнитивная наука и биосемиотика посвящены пониманию одного и того же явления – потока информации. Также автор отмечает, что представления и сигналы легитимируют изучение явлений на определенном уровне описания, несводимом к более низким.

Автор делает вывод о том, что биосемиотика схожа как с эволюционной биологией развития, так и с когнитивной наукой. Он отмечает, что биосемиотика может служить связующим звеном между ними, поскольку ее теоретический подход может обеспечить новую основу для рассмотрения биологических и когнитивных явлений.

Значимость эстетики для эволюции языка

Статья написана профессором Трентского университета Камиллой Робуши. Используя отсылки к истории и истории философии, автор показывает тесную связь эстетики и языка, делая особый акцент на важности поэзии для последнего. Автор считает, что наиболее подходящая теория для описания языка, которая фокусируется не только на его лингвистическом выражении, – теория моделирования. Она предполагает, что люди используют язык для создания моделей их окружения. Ссылаясь на работы Юрия Лотмана и Томаса Шебека, автор говорит о том, что искусство и эстетика также являются системами моделирования. И язык, и эстетика являются отличными инструментами абстрагирования, они оба могут взаимодействовать с символами. Символическое, в свою очередь, чрезвычайно важно для развития человека. Опираясь на идеи Терренса Дикона и Юрия Лотмана, автор утверждает, что появление символического является результатом процесса интерпретации, т.е. происходит во время моделирования мира. Автор приходит к выводу, что эволюция языка порождается эстетическим моделированием, которое, создавая новые связи, допускает большую семиотическую свободу. Обращаясь к концепции цифрового и аналогового

кода Джеспера Хоффмейера, автор сравнивает эстетику с аналоговым кодом, а язык – с цифровым. Диалектически взаимодействуя, язык и эстетика создают новизну, которая и может возникнуть только в системах, где ограничения сочетаются с возможностями.

Как киборги трансформировали концепт языка Матураны: (био)инженерный взгляд на обработку информации и воплощенное познание

Авторы данной статьи Расмус Гарн-Андерсен из Университета Южной Дании и Роберт Принц из немецкой некоммерческой организации «Rechenkraft.net e.V.», занимающейся распределенными вычислениями. Гарн-Андерсен и Принц показывают, как современная биоинженерия и киборги, из мечты фантастов ставшие реальностью, меняют наше представление об оязыковлении. Авторы не согласны с существующим в науке мнением о том, будто информация, содержание сообщения, в процессе коммуникации перемещается от носителя (vehicle) к носителю без изменений, закодированная в начале движения и декодированная в конце. Они принимают точку зрения подхода радикальной лингвистики, согласно которой не следует разделять носителя информации и ее содержание.

Авторы много рассуждают о современных протезах и имплантах. Они отмечают, что благодаря новым технологиям получается передавать электромагнитные импульсы от человека к его искусственной части тела, при этом содержание сигнала не передается и не переводится на трансчеловеческий язык. Вместо этого процессор преобразует поступающие сигналы в информацию для компьютерных алгоритмов, и протез служит мостом между биологическим (человеком) и технологическим (его искусственной частью). Также авторы обращают внимание читателей на то, что существуют технологии, выстраивающие связи между машиной и организмом на клеточном уровне, указывая на молекулярную составляющую оязыковления, которая создает дополнительную гибкость в вопросе использования искусственных частей тела. Кроме того, они говорят о существовании беспроводных устройств, которые могут считывать нейронную активность людей и преобразовывать эти сигналы в действия, производимые искусственными частями тела или другими девайсами, не подключенными к человеку напрямую.

Все упомянутые технологии служат подтверждению мысли авторов о том, что процесс передачи сигналов в деятельности с использованием биологических технологий схож с оязыковлением, а использование биотехнологий может рассматриваться также как расширение возможностей оязыковления. Для авторов в контексте биотехнологий нет смысла разделять носителя информации и ее содержание. Так, случайное движение протезированной руки хранит в себе нереализованный смысловой потенциал, который при необходимой тренировке может быть воплощен в более

осмысленных и социально нагруженных действиях. Поэтому ни со стороны кибернетического протеза, ни со стороны связки человек–протез нет необходимости отделять носителя информации от ее содержания. Для авторов ответ на вопрос, есть ли у нас тело или же мы сами являемся телом, очевиден: мы – это тело, которое у нас есть и которое сможет включать в себя любое киборговое устройство по мере углубления процесса интеграции биосемиотики.

Расширение возможностей биосемиотики

Автор статьи – Чарльз Ласситир, профессор философии университета Гонзага. Свой текст автор начинает с того, что отмечает важность знаков в нашей жизни: хотя мы больше не считаем поведение животных пророчеством, как это делали древние греки, мы идентифицируем многие другие знаки. Например, крест на цепочке является для нас знаком христианских убеждений человека, который его носит. Однако восприятие знаков характерно не только для человека, но и для других, даже очень простых организмов. Автор ставит перед собой цель метафизически объединить два подхода, изучающие знаки: подход распределенного языка (*distributed language approach*) и биосемиотику. Несмотря на то что данные подходы во многом схожи, они существенно отличаются тем, что биосемиотика допускает существование теоретических сущностей (*theoretical entity*), а подход распределенного языка – нет. Кроме того, биосемиотика понимает знаки как коды, тогда как подход распределенного языка избегает упоминания кодов. Для преодоления данных различий автор предлагает прибегнуть к реализму причинной силы (*causal power realism*).

По словам автора, данная теория удовлетворяет трем требованиям, которые необходимо выполнить для объединения биосемиотики и подхода распределенного языка. Во-первых, она способна описать язык как распределенное явление, во-вторых, данная теория может выражать тройственные отношения между знаками, объектами и интерпретантами и, в-третьих, она удовлетворяет функциональной роли кодов в биосемиотике. Пожалуй, наиболее важное теоретическое изменение связано с заменой материализма Пирса, который лежит в онтологической основе биосемиотики, на вдохновленный неаристотелизмом реализм причинной силы. При такой замене получается оставить пирсовское понимание природы символической референции без необходимости принятия пирсовской метафизики. Подобное понимание биосемиотики открывает дальнейшие возможности для исследования символов при помощи натурализации такими науками, как психология, биология, социология, лингвистика и антропология. В целом, синтез подхода распределенного языка и биосемиотики предлагает набор концептуальных ресурсов для обоснования языка как воплощенной и встроенной деятельности.

**Биологический подход к лингвистическому семиозису:
последствия для эволюции человека**

Автором данной статьи является Александр Кравченко, профессор Байкальского государственного университета, известный и в России, и за рубежом своими публикациями о лингвистике и биосемиотике. Автор отмечает, что доминирующий сегодня подход к лингвистике, корни которого лежат в работах Соссюра, изучает язык в себе и для себя, забывая о процессе его естественно-исторического развития. Подобное понимание языка как чего-то автономного приводит ко множеству проблем: оказывается, что знаки являются абстрактными символами; языковые единицы, составляющие дейктическое поле языковых знаков, становятся периферийными, поскольку не соответствуют структуралистской максиме произвольности языковых знаков; принятие принципа синхронии Соссюра приводит к снижению объяснительной возможности лингвистики и забвению того факта, что человек является языковым существом биологически; уделяется мало внимания изучению грамматики, а язык оказывается внешним по отношению к биологии человека. Приверженность подобному подходу воспроизводит устоявшуюся дихотомию язык–сознание (*mind*), которое прочно укоренилось в современной науке.

В противовес традиционному пониманию языка автор предлагает изучать его при помощи биосемиотики, которая осознает биологическую природу знаков. Все живые существа являются для биосемиотики семиотическими системами, однако нельзя говорить о том, что клетка использует язык для обмена символически нагруженными сообщениями, поскольку расширение концептов языка до организмов, которые не могут думать, является необоснованным. Чтение является специфически человеческой активностью, так как предполагает не дешифровку смысла, а его создание на основе интерпретации. Именно поэтому компьютерные языки являются не языком, а кодом, и потому утверждения о биологическом использовании символов, составляющем аналог использования символов человеком, необоснованны до тех пор, пока термин «символ» используется противоречивым образом.

Также автор критикует ученых, которые считают язык инструментом культуры. Под критику подпадает, в частности, Стивен Каули, редактор-составитель данного выпуска. По мнению автора статьи, нельзя распространять антропоцентрическое понимание культуры на животных, пусть и схожих с человеком. Александр Кравченко отмечает, что, хотя в нашем мышлении доминирует дихотомия природа–культура, не существует консенсуса относительно того, чем же является последняя: с одной стороны, культура отличает человека от животных, с другой – люди сами являются частью природы. Автор предлагает отказаться от использования данной дихотомии в науке. Также он предлагает читателю задуматься над тем, насколько верно общепринятое представление о языке как продукте

человеческой культуры, появившемся благодаря разуму. По мнению автора, язык – это не то, как мы говорим, а то, как мы живем, и, ссылаясь на Хайдеггера, Кравченко добавляет, что язык – это дом бытия, в котором обитают люди. В то же время автор принимает разговоры о «языке» и «культуре» животных, пока эти термины остаются метафорами.

Кроме того, автор указывает на проблемы когнитивной науки: она видит ум, который функционирует, как компьютерная программа, частью которой является язык. Однако данный подход к исследованиям будет оставаться бесплодным до тех пор, пока не будут признаны биологическая природа сознания и языка. В противовес картезианской науке, принимающей разум как нечто само собой разумеющееся и генетически предопределенное, а язык понимающей как продукт разума, автор указывает на преувеличенную роль генетики в объяснении жизни и предлагает обращать внимание на более высокие принципы системной организации. В случае с человеком подобным принципом выступает язык, который и делает нас людьми. Чтобы понять биологические и нейрофизиологические процессы, порождающие психические явления человека, необходимо рассматривать их как поведенческие реляционные феномены, которые имеют место в реляционном образе жизни, конституируемом человеческим языком.

Аргумент в пользу языков в оязыковлении

Статья написана Филиппо Батисти, профессором университета Ка-Фоскари в Венеции. Данной статьей автор хочет доказать, что языки являются важным фактором, влияющим на человеческое взаимодействие, в противовес теориям, которые относят язык к конструкциям второго порядка. Данная работа строится на критике идей Нигеля Лав (Love), который выделил два иерархических порядка в языковых феноменах. Первый из них вбирает в себя все непосредственные аспекты взаимодействия между людьми, воплощенные в жизнь. Ко второму порядку относятся все продукты металингвистической рефлексивности, как то слова, предложения, буквальное значение, языки и так далее, которые не могли бы существовать без различных комбинаций элементов первого порядка. По Лаву, лингвистика совершает ошибку, когда постулирует второстепенные элементы как реалии, которые считаются первичными объяснениями основных лингвистических явлений.

Автор статьи приходит к выводу о том, что нет реальной необходимости постулировать онтологически реальные языки, чтобы говорить о влиянии разных языков на то, как говорящие думают и действуют. По мнению автора, трактовка языков, предлагаемая Каули, более тонка, поскольку относится к формулировкам как к ограничениям для воплощенной координации. В то же время Лав, по причине поверхностного понимания работ Уорфа, несправедливо отбрасывает важность языков. В подобных трактов-

ках, основанных на обращении к лингвистической рефлексивности, авторы упускает из виду то, как оязыковление опирается на языки и какие эффекты языки вызывают. По мнению Батисти, языки влияют на суждения, т.е. на то, как мы делаем выводы из сказанного и несказанного.

Биосемиотика и эколилингвистика: две истории научной объективации

Автором статьи является Стивен Каули, выступивший также составителем-редактором данного специального выпуска журнала. Свою статью Каули посвятил рассмотрению того, как выглядит познание с точки зрения биосемиотики и эколилингвистики. Рассуждая об идеях Джона Дили, который представляет взгляд части биосемиотиков, автор говорит, что тот предлагал начинать научное познание не с чувственных восприятий, на которых, пусть и подкрепленных математическим аппаратом, основывается наука, а со знаков. Для Дили было важно, что способность судить о референтах не может полностью основываться на чувственных впечатлениях. По Дили, в интерпретации Каули, люди и животные полагаются на знаки, но разница состоит в том, что люди знают о существовании знаков. То, что мы знаем, что мы знаем, возможно благодаря самореферентным символам. Они делают возможным научное знание.

Эколилингвистика является изучением языка и его последствий: оязыковление происходит на протяжении жизни, постепенно открывая вымыслы, случайности и факты; знаки возникают по мере того, как семиогенез способствует вовлечению в мир. Эколилингвисты подчеркивают, как люди актуализируют практики, используя объекты и объективации. Оязыковление сочетает в себе коллективное, идейное и материальное. Люди используют оязыковление, чтобы вызвать понимание, например, озвучивая непонятные мысли вслух. Оязыковление объединяет деятельность, сенсомоторное движение и способы использования «смыслового потенциала» вербальных паттернов.

Каули не согласен с тем, что для Дили наука связана с солипсизмом. Проводя аналогию с рекламой, автор статьи указывает на образность: рекламщики создают такие образы, которые выдвигают на первый план «идеальные» социальные нормы, и, так же как реальные человеческие тела отличаются от их объективированного образа в рекламе, научные объекты отличаются от фактического беспорядка. Человеческое знание опирается на культуру и семогенетическую чувствительность к нормам. По мнению автора, это гораздо больше, чем то, что Дили называет чувственными впечатлениями. Наука объединяет практики, языки и, во все большей степени, данные, которые хранятся и обрабатываются с помощью алгоритмов. Как отмечает Каули, вопрос состоит не в солипсизме, а в том, насколько социальные представления могут быть применены к реальным живым системам.

Автор говорит о том, что мы воспринимаем глазами других, будь то создание предметов или использование знаков. Биосемиотика не «объясняет», а, скорее, делает возможным конструктивное описание. Наука опирается на объективации, которые связывают практики, материальное взаимодействие и то, как деятельность использует семиогенез. Мы верим не только в знаки, но и в то, что предполагают объективации. Используя чужие глаза, эколингвисты, семиотики и многие другие могут действовать для изменения науки и нашего образа жизни.

**Слово, освобожденное от языка:
тишина и освобождение в Марии Самбрано**

Данная статья написана Лукой Филаци, профессором римского университета Ла Сапиенца. Автор обращается к рассмотрению работ испанского философа Марии Самбрано, делая особый акцент на лингвистическом измерении ее мышления. Автор отмечает, что центральной темой для Самбрано является музыкальность слов. Также важный концепт в ее мысли – тишина, представляющая не паузой в высказывании, которую необходимо заполнить, а внутренней тишиной, заглушающей болтовню психики. В этой тишине ничто не остается скрытым. Самбрано предлагает прислушиваться к словам: не только тем, которые приходят к нам от других, но также и к тем, которые возникают из нашего собственного внутреннего мира. Философ предлагает нам раскрыть истинные слова, которые истинные не в смысле притязания на истину, а в том, что они исходят из души. Истинные слова раскрываются в танце, мелодии, игривости и самоотверженности.

Язык и социализация? Все дело в социосемиотике

Автор статьи Мохаммед аль Сальмани Нодоушан, профессор Тегеранского университета. Его работа посвящена языковой социализации, которая является межпредметной областью исследований, изучающей, как социализация приводит к овладению языком и как использование языка в социальных контекстах может привести к социализации. Долгое время исследования социализации обходили стороной язык, так же как исследования овладения языком не обращали внимания на социализацию. Основная идея языковой социализации состоит в том, что использование людьми языка представляет собой социальное поведение, при котором они постоянно, причем довольно часто имплицитно, обмениваются знаниями, умениями и другой информацией посредством воплощенного общения (*embodied communication*). Телесное общение исключает традиционную инженерную метафору передачи сигнала и включает в себя все тело: жесты, позы, мол-

чание и т.д. Языковая социализация происходит через подсознательное использование новыми членами сообщества инструментов воплощенного общения, при этом новички усваивают неявные языковые нормы сообщества.

Языковая социализация – это взаимный процесс обучения тому, как использовать язык данного сообщества, и становления принятым членом этого сообщества посредством использования его языка. Автор отмечает, что социализация больше не происходит в двух традиционных направлениях, а именно через язык и в языке, к ним добавилось третье измерение, которое автор называет социализацией через социальные сети. По мнению автора, языковые структуры – не механические структуры, блуждающие в социальном пространстве. Язык является гораздо большим, чем формальный код. Язык – это семиотическая машина, которая может управлять социальными и моральными чувствами, формировать индивидуальную и коллективную идентичность и передавать совокупность знаний, идеологий и верований новым поколениям. Овладение языком является не просто овладением языковой системой: механистическое усвоение грамматических правил и лексики не поможет изучающему язык понять, как уместно себя вести в сообществе людей, язык которых он изучает. Автор отмечает, что, изучая иностранный язык, необходимо развивать соответствующие дискурсивные и семиотические компетенции, а семиотические исследования могут помочь разработать материалы, которые сделают обучение дискурсивным и семиотическим компетенциям возможным и легким.

Dmitriy Svirchevskiy¹

**Languaging: special edition of «Italian journal
of philosophy of language».**
(A review)

Articles covered:

Batisti F. (2021). An Argument for Languages in Languaging. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 159–175. <https://doi.org/10.4396/2021201>

Cowley S.J. (2021a). Meaning comes first: languaging and biosemiotics. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 1–18. <https://doi.org/10.4396/2021200>

Cowley S.J. (2021b). Biosemiotics and ecolinguistics: Two tales of scientific objectification. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 176–198. <https://doi.org/10.4396/2021208>

---

¹ **Dmitriy Svirchevskiy**, student of the National Research University Higher School of Economics, e-mail: dasvirchevskiy@edu.hse.ru

Filaci L. (2021). La palabra liberada del lenguaje: silenzio e liberazione in María Zambrano. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 199–208. <https://doi.org/10.4396/2021206>

Gahrn-Andersen R., Prinz R. (2021). How cyborgs transcend Maturana's concept of languaging: A (bio)engineering perspective on information processing and embodied cognition. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 104–120. <https://doi.org/10.4396/2021204>

Kravchenko A. (2021). Approaching linguistic semiosis biologically: Implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 139–158. <https://doi.org/10.4396/2021209>

Lassiter C. Empowering Biosemiotics. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 121–138. <https://doi.org/10.4396/2021202>

Nodoushan M. (2021). Language and socialization? It is all about socio-semiotics. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 209–225. <https://doi.org/10.4396/2021207>

Raimondi V. (2021). La matrice operativa del languaging: un approccio radicalmente relazionale del linguaggio. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 49–58. <https://doi.org/10.4396/2021210>

Rama T. (2021). Biosemiotics at the bridge between Eco-Devo and representational theories of mind. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 59–92. <https://doi.org/10.4396/2021203>

Robuschi C. (2021). The Importance of Aesthetics for the Evolution of Language. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 93–103. <https://doi.org/10.4396/2021211>

Seiberth L.C. (2021). The Role of Languagings in Sellars' Theory of Experience. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15(2), 19–48. <https://doi.org/10.4396/2021205>

Keywords: language; languaging; biosemiotics; semiotics; language evolution; ecolinguistics; developmental biology; meaning; semiosis; symbol; sign.

For citation: Svirchevskiy D. (2022). Languaging: special edition of «Italian journal of philosophy of language». (A review). *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 134–147. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.10>

Бутакова А.В.¹

**«Я», «другое» и «другой» в жизненном мире:
обзор работ Г. Сонессона**

Обзор статей:

Sonesson G. The notion of text in cultural semiotics // Sign System Studies. – 1998. – Vol. 26. – P. 88–114. – URL: <https://doi.org/10.12697/SSS.1998.26.04>

Sonesson G. Ego meets alter: The meaning of otherness in cultural semiotics // Semiotica. – 2000. – Vol. 128, N 3/4. – P. 537–559. – URL: <https://doi.org/10.1515/SEMI.2000.128.3-4.537>

Sonesson G. The meaning of meaning in biology and cognitive science: A semiotic reconstruction // Sign Systems Studies. – 2006. – Vol. 34, N 1. – P. 135–213. – URL: <https://doi.org/10.12697/SSS.2006.34.1.07>

Sonesson G. Translation and other acts of meaning. In between cognitive semiotics and semiotics of culture // Cognitive Semiotics. – 2014. – Vol. 7, N 2. – P. 249–280. – URL: <https://doi.org/10.1515/COGSEM-2014-0016>

Sonesson G. Translation as culture: The example of pictorial-verbal transposition in Sahagún's primeros memoriales and codex florentino // Semiotica. – 2020. – Vol. 232. – P. 5–39. – URL: <https://doi.org/10.1515/sem-2019-0044>

Sonesson G. Approximations to the Genuine Dialectics of the Enlightenment. On Husserl's Europe, «Social Justice Theory», and the Ethics of Semiosis // Lang. Semiotic Studies. – 2021. – Vol. 3. – P. 6–31.

Ключевые слова: семиотика культуры; жизненный мир; встреча культур; семиотические ресурсы; культурный перевод; права человека; социальная справедливость.

Для цитирования: Бутакова А.В. «Я», «другое» и «другой» в жизненном мире : обзор работ Г. Сонессона // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр пер-

---

¹ **Бутакова Анастасия Владимировна**, студентка магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) и единого трека обучения «магистратура-аспирантура», редактор центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: avbutakova@edu.hse.ru

Научные интересы шведского семиотика Гёрана Сонессона находятся на стыке биологии, семиотики и когнитивных наук. Он обращается к эволюции семиотических ресурсов в ходе человеческого филогенеза и их развитию у индивидов в детском возрасте. Особое внимание уделяется визуальной семиотике – с этой области знания Сонессон начинал свой научный путь, и в последующих публикациях нередко становится обращение к визуальным знакам в качестве примеров и кейсов. Еще одной магистральной темой для шведского ученого выступает коммуникация различных культур в прошлом и настоящем – от первых контактов европейцев с цивилизациями двух Америк в период открытия и освоения Нового Света до идейного столкновения сторонников и противников особых прав меньшинств. Именно на этой извечной дихотомии «мы – они», столь актуальной сейчас на фоне дезинтеграционных тенденций и продолжающихся конфликтов, сфокусирован обзор научных трудов Гёрана Сонессона.

Концептуальные рамки столкновения с «другим»

Человеческое сообщество многообразно – встречи непохожих друг на друга культур (*encounters of cultures*) происходили всегда, становясь все более частыми по мере развития транспортных средств и путей сообщения. Семиотика культуры выступает надежным подспорьем в изучении тенденций таких контактов и в исторической ретроспективе, и в современном мире, когда они, можно сказать, стали обыденностью. Сонессон опирается на ее «каноническую» модель, сформулированную Московско-тартуской семиотической школой. В ней с культурой отождествляются порядок, разделяемые группой нормы морали и поведения и, что немало важно, тексты. Она противопоставляется не-культуре (природе) – хаотичному, несистемному внешнему миру. Его пространство, в свою очередь, наполнено не-текстами. Находящийся внутри культуры индивид не может их понять, поскольку не знаком с ними и (или) не наделяет какой-либо ценностью. Однако эти послышки выполняются не всегда. Непростые для освоения латынь и библейский иврит, например, в определенные периоды истории играли важнейшую роль, оставаясь непонятными для широких масс [Sonesson, 1998]. Получается, что четких критериев для отделения текстов от не-текстов в модели ученых из Тарту и Москвы нет. А значит, теряет однозначность граница между культурой и не-культурой, хотя она должна пролегать в одном и том же месте.

В трактовке «канонической» модели культура всегда «асимметрично симметрична» [Sonesson, 2021, p. 8]. Находясь внутри «своей» культуры,

мы отграничиваем ее от «других» культур, относя их в той или иной степени в область природы. То же самое делает и каждая из «других» культур – для нее «наша» культура будет частью не-культуры. Таким образом, в центре всегда находится эго, собственное «я», которое противопоставляет «свое» и «чужое», порядок – хаосу, понятное и разделяемое – не имеющему смысла. Особенно отчетливо эта бинарная оппозиция проявлялась в традиционных сообществах прошлого, где обрела закрепление в самом языке. Так, для древних греков варварами были все те, кто не говорил по-гречески, а ацтеки называли носителей языка науатль пополуками (*popolucá*) [Sonesson, 2000]. В обоих случаях мы явственно наблюдаем противопоставление «себя» и «другого», который выносится за рамки «своей» культуры.

Еще одна концептуальная рамка, фиксирующая это противопоставление, но из области феноменологии, а не семиотики – «жизненный мир» немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Жизненный мир (*Lebenswelt*) представляет собой действительный окружающий мир, в котором мы живем, наш прямой опыт контакта с окружающей действительностью. Он относителен, как и умвелт Якоба фон Иксюля, но всегда единообразно структурирован. Так, каждый жизненный мир, вне зависимости от культурной принадлежности субъекта и временного периода, подразделяется на «родной мир» (*Heimwelt*) и «чужой мир» (*Fremdwelt*). Индивид, семейство, группа людей или даже целая культура идентифицируют родной мир как «дом», это особое геоисторическое место, пространство вне которого – мир «чужих».

Сонессон указывает на принципиальную схожесть, даже аналогичный характер дихотомий *Heimwelt* – *Lebenswelt* и культура – не-культура, но подчеркивает независимость этих идей друг от друга. Впрочем, жизненный мир Гуссерля и московско-тартускую культурную семиотику роднит и общая проблема – чрезмерная упрощенность предлагаемых моделей. Тот «другой», «чужой» мир рассматривается с позиции, характерной для «небольших, изолированных групп людей» [Sonesson, 2020, p. 13]. Эта рамка работает для казусов, подобных ранее упомянутым древним грекам и варварам. Для большинства контактов двух культур (жизненных миров) она, однако, является слишком узкой – и шведскому ученому есть что предложить для решения этой проблемы.

Двуликий «другой»: расширенная модель семиотики культуры

Взяв на вооружение терминологию Гуссерля, Сонессон развивает идеи Московско-тартуской школы в расширенную (*extended*) модель семиотики культуры. «Родной» мир с центром в собственном «я» остается без изменений – это своя культура (*Ego-culture*) со всеми входящими в нее текстами. Внешняя же среда – «чужой» мир (*Foreign world*) – расщепляется на две области: *Alienworld* и *Alterworld*. На русский язык эти понятия

можно перевести как «мир другого» и «мир альтер эго» соответственно. Сонессон выдвигает идею о том, что не-культура не является чем-то монолитным, и «других» на самом деле двое [Sonesson, 2000]. Одного из них (*Alius*) мы воспринимаем скорее как объект, вещь, не вступаем с ним в непосредственное взаимодействие, хотя можем говорить о нем, называя в третьем лице. Подобно тому как эго находится в центре эгокультуры, *Alius* лежит в основании *Alius-culture*. Второй же «другой» (*Alter*) выступает равноценным нам субъектом, несмотря на весь массив имеющихся различий между нашей культурой и культурой этого альтер эго (*Alter-Culture*). С ним возможна прямая коммуникация с использованием разнообразных семиотических ресурсов и обращением на «ты» и «вы». Иными словами, мир альтер эго текстуален, как и родной мир. При всем этом сохраняется асимметричная симметричность, о которой говорилось в предыдущем разделе: чтобы получить перспективу другой культуры, необходимо поменять местами эго и альтер эго, и схема «мир альтер эго – родной мир – мир другого» будет зеркальной.

Итак, между культурой и не-культурой в понимании «канонической» модели появилось новое звено – полноценно концептуализированная другая культура, которую мы признаем таковой и не относим к хаотичной природе, где нет семиозиса как такового. Однако мы противопоставляем себя как миру другого, так и этому новому миру альтер эго. Наглядную иллюстрацию соприкосновения с обоими ликами «других» можно найти, обратившись к истории открытия и освоения Америки. Впервые оказавшись на неизвестном европейцам континенте, Христофор Колумб, как указывает Сонессон, относился к местным жителям, которых там встретил, примерно так же, как к обнаруженным там ресурсам вроде драгоценных металлов или специй – он не мыслил об увиденном как об обособленной культуре и воспринял людей как *Alius*, а не равнозначных субъектов. Эрнан Кортес, напротив, рассматривал коренных американцев как *the Alter* с собственным языком, отличным от европейского видением мира и верованиями, которые можно было взять на вооружение в борьбе за территории. Он выстроил коммуникацию с ацтеками, имея в своих рядах конкистадора, выучившего юкатекский язык, и полученную в дар рабыню, которая говорила и на нем, и одновременно на ацтекском науатле; более того, Кортес позиционировал себя как ацтекское божество Кетцалькоатль [Sonesson, 2020, p. 10, 19–20]. Так, в первом случае европейская эгокультура соприкоснулась с миром другого (*Alienworld*), а во втором состоялось столкновение с миром альтер эго (*Alterworld*), деструктивное для последнего.

Расширенная модель выстроена сообразно взглядам Сонессона на задачу семиотики культуры. С его точки зрения, она состоит в изучении «конкретных коммуникативных ситуаций, а не статического соотношения между культурами» [Sonesson, 2021, p. 18]. Для этого исследователя крайне важна возможность зафиксировать изменчивость и проследить эволюцию. Особый интерес при этом представляет переход «чужой» культуры

из максимально дистанцированного *Alius* к другому, но равному, т.е. *Alter*. Подобные трансформации обозначаются понятием *Alter-ation* (формирование слова по аналогии с «Alienation»), а обратный процесс, когда «класс» другого понижается, – *Alius-ation*. Возвращаясь к Колумбу и Кортесу, эти контрастирующие коммуникативные ситуации, произошедшие в разное время, отражают динамику восприятия европейцами пространства, находящегося за рамками их родного мира.

Именно *Alter-ation*, по Сонессону, выступает вектором развития человеческого сообщества. Этот процесс породил множество мрачных страниц мировой истории, таких как разрушительные последствия колонизации Нового Света для его исконных жителей. Тем не менее в ходе установления и повторения контактов разных культур, разных социокультурных жизненных миров увеличивалось взаимопонимание между ними. И некоторые «чужие» миры постепенно смогли стать мирами альтер эго, равными партнерами для смотрящих на них эгокультур, оставаясь при этом извне.

Поиск границы между мирами

Медиатором этого перехода выступает эмпатия, т.е. способность поставить себя на место четко идентифицируемого другого и понять его [Sonesson, 2021, p. 18–19]. Так, эксплуатация Кортесом образа божества из ацтекского пантеона говорит о том, что он был эмпатичен в отношении тех, кого позже завоевал. С другой стороны, его восприятию мира альтер эго совершенно чужд альтруизм – частный случай эмпатии, для которого характерно не только владение информацией о другом и способность взглянуть на вещи с его перспективы, но и самопожертвование (*self-sacrificing sentiments*). В контексте семиотики культуры это самопожертвование можно интерпретировать как принятие имеющихся различий между эгокультурой и «чужой» культурой.

Так что же отделяет «родной» мир от «чужого», внутреннее от внешнего, «нас» от «них»? Развивая далее идею об эмпатии, провести черту между ними можно по двум критериям – это ценности (*values*) и знание о другом (*other-oriented knowledge*) [Sonesson, 1998]. Нередки ситуации, когда проведенные в соответствии с ними границы не совпадают. Молодежь, которая восхищается американским образом жизни и имеет склонность идеализировать США, считает эту страну своим «родным» миром с точки зрения ценностей, поскольку разделяет их. При этом, однако, идеализация не способствует широте познаний о «другом», и по критерию знания та же культура попадает для эго в «другой» мир. Иным образом складывается ситуация с завоеванием Мексики. Хорошо осведомленный о другой культуре Кортес, как мы выяснили раньше, воспринимал сообщество ацтеков как альтер эго. Но их политеизм, традиционный уклад жиз-

ни, памятники культуры были чужды испанцам, которые ими активно пренебрегали. Поэтому по критерию ценностей «другой» оказался куда более далеким *Alius*. Понимание внешнего в отношении эго мира не тождественно его принятию – об этом напоминает нам проведенная Сонессоном дифференциация.

Коммуникация (не)равных и трудности перевода

Соприкасаясь, культуры обмениваются идеями и пополняют свое пространство новыми текстами, которые необходимо предварительно сделать понятными для эго. В культурной семиотике Московско-тартуской школы предусмотрен механизм перевода, который позволяет принимать не-тексты из внешнего мира, превращая их в тексты культуры и наделяя смыслом. Если же текст объявляется не-текстом, то свое значение он теряет. Получается, что «каноническая» модель не связывает значение с понятием знака, как и биосемиотика, и культура в такой трактовке выступает как своего рода фильтр [Sonesson, 2006, p. 198]. Расщепление «другого» на две сущности разного характера потребовало пересмотра этого механизма, с помощью которого происходит рецепция элементов из внешнего мира.

При переводе, согласно Ю.М. Лотману, исходные идеи деформируются. Сонессон не соглашается с такой трактовкой и опирается на другую коммуникационную модель. Один субъект презентует другому артефакт; второй субъект, в свою очередь, получает задачу преобразовать этот артефакт в объект перцепции (*percept*) путем конкретизации, т.е. наделить его смыслом [Sonesson, 2014]. Таким образом, перевод представляет собой «двойной акт коммуникации, в ходе которого адресант первого речевого акта в то же время является адресатом второго и <...> пытается сохранить максимально возможное постоянство смысла в условиях языковых различий и(или) различий в семиотических ресурсах» [Sonesson, 2020, p. 12]. Кроме того, перевод как особый тип коммуникации существует в двух формах. Первая из них – «истинный» перевод, когда сообщение переносится с одного языка на другой, а второй выступает транспозиция – здесь меняются семиотические ресурсы, посредством которых передается идея. В последнем случае перевод куда более сложен, прежде всего потому, что каждый ресурс имеет свой диапазон фактов, которые он способен передать. К примеру, когда экранизируется книга, т.е. письменный текст перекладывается на язык кинематографа, описанные на бумаге детали обретают совершенно конкретное воплощение – форму, материал и т.д. Во время транспозиции, как отмечает Сонессон, субъекты необязательно максимизируют сохранность исходного смысла и могут, наоборот, транслировать через переводимый текст собственные взгляды.

Впрочем, перенос идей из одной культуры в другую (*cultural translation*) осуществляется как посредством перевода в прямом смысле,

так и через транспозицию – к какой из этих категорий относится акт коммуникации, для Сонессона не столь важно. Значение имеет то, кто выступает в качестве адресата и адресанта. Перевод не-текстов культуры с центром в *Alius* представляет для эго куда большую трудность, ведь равнозначная субъектность собеседника не признается и в его отношении реализуется лишь стратегия номинации – мы называем его, но не обращаемся к нему [Sonesson, 2020]. В ситуации коммуникации эго и альтер эго таких серьезных барьеров нет. Поэтому рассмотренный ранее процесс *Alter-ation* является наилучшим способом выстроить диалог между двумя культурами.

Почему встречи культур важны?

Несмотря все возникающие сложности, перевод для Сонессона связан в первую очередь с возможностями, а не с проблемами. Переведенные из одной культуры в другую артефакты имеют свойство накапливаться, и если это происходит в течение продолжительного периода времени и члены сообществ сохраняют к ним доступ, то внешний мир «чужой» культуры способен оказать значительное влияние на культуру «родного» мира. Так, если бы наследие античной Греции не проникло в мусульманские страны и далее вместе с компонентами культуры Византийской империи не вошло в Европу времен позднего Средневековья, европейская цивилизация была бы совершенно иной [Sonesson, 2020]. Без контактов и синтеза этих культур невозможными стали бы такие важнейшие вехи ее развития, как великие географические открытия и эпоха Просвещения, в которую были сформулированы фундаментальные ценности, сообразно с которыми мы живем по сей день.

Рассмотрим подробнее одно из важнейших достижений того времени – права человека. Их появление Сонессон также связывает с взаимодействием культур, а именно – налаживанием связей между Старым и Новым Светом. Стабильные и продолжительные контакты увеличивают объем знания о другом, которым обладает эго, и способствуют пониманию альтернативного социокультурного жизненного мира. Довольно нетривиальным примером выступает такой культурный артефакт, как «Флорентийский кодекс» монаха-францисканца Бернардино де Саагуна, – произведение на испанском языке и науатле, рассказывающее историю ацтеков и содержащее множество иллюстраций в традиционном стиле. Сама идея создания подобной рукописи – сугубо европейский культурный атрибут, однако семиотические ресурсы, задействованные при ее создании, имели уникальную специфику.

В Европе и Центральной Америке к моменту встречи их культур выработались заметно различающиеся традиции использования изображений. В первом случае они не имели четко выраженной социальной функции – активное использование иконических знаков для передачи инфор-

мации войдет в обиход позже, с появлением железнодорожного сообщения. Тем временем для коренного населения Мезоамерики изображения прочно вошли в коммуникацию – с помощью рисунков сообщалась минимальная информация о событиях, что облегчало взаимодействие сообществ, говорящих на разных языках, и передаче сообщений на дальние расстояния [Sonesson, 2020]. Работая над своей рукописью, Саагун опирался на свидетельства коренных жителей Мексики – те делились информацией, создавая рисунки, которые отражали базовые факты о прошлом и служили опорой для более подробного устного рассказа. Появление «Флорентийского кодекса» оказало значительное влияние на европейскую культуру, поскольку населяющие Старый Свет люди столкнулись с совершенно новым для них использованием знакомых семиотических средств.

Значение этого и других подобных эпизодов состоит в том, что диапазон возможного и допустимого в восприятии эго расширяется. Более того, знание о других делает доступным сравнение «родного» мира с «чужим» и вследствие этого позволяет увидеть собственный жизненный уклад под другим углом. Европейцы эпохи Просвещения становятся все более мобильными, активнее выбираясь во внешний мир «чужих» культур и знакомясь с ними. Начинают звучать голоса как путешественников, так и оставшихся в Европе мыслителей, негативно высказывающихся о колониальной политике, рабстве и угнетении коренных народов Америки. Такое понимание «другого» уже довольно далеко отошло от восприятия индивидов, не принадлежащих к своей культуре, как варваров. Вместе с тем меняется и отношение к «родному» миру – критике подвергаются порядки Старого Света и развивается обсуждение возможных преобразований.

Универсальные права человека фиксируют равенство человеческих существ вне зависимости от того, к какой культуре они принадлежат и как сильно дистанцированы от эго. Их возникновение – результат принятия критической дистанции в отношении культуры Старого Света, всех «осевших» в ней элементов (*sediments*) и начало открытой дискуссии о них [Sonesson, 2021]. Поставить под вопрос основы собственного «родного» мира и стать критичными европейцы, в свою очередь, смогли именно благодаря тому, что обрели уважение к «другому». Это касается и «чужих» жизненных миров, находящихся за океаном, и соседей на собственном континенте – Просвещение, помимо всего прочего, способствовало развитию религиозной терпимости в Европе.

Чужой среди своих, или жизненный мир сегодня

Несмотря на заметный прогресс во взаимопонимании и продуктивном взаимодействии, остаются очаги напряженности между некоторыми культурами. Отчетливо заметно противостояние «агломераций госу-

дарств» – коллективного Запада и не-Запада в лице России, Китая и исламского мира; однако в настоящее время разделительные линии пролегают и внутри жизненных миров, казавшихся целостными.

Сонессона беспокоит разворачивающийся кризис ценностей эпохи Просвещения. Все активнее на них наступает теория социальной справедливости (*social justice theory*), которая ограничивает свободу мысли и слова и стремится воздействовать на мышление людей через язык, настаивая на политкорректности в речи [Sonesson, 2021]. Она одновременно и отрицает идеи Просвещения, и развивает их, выводит на новый уровень через привилегии для групп, которые в прошлом подвергались дискриминации и остракизму со стороны общества. Так, теорию социальной справедливости можно описать понятием снятия (*Aufhebung*) по Гегелю. Ключевой вопрос заключается в том, ведет ли такая идеологическая эволюция к прогрессу человечества.

Само по себе оспаривание наследия эпохи Просвещения не является чем-то принципиально новым – это уже делали постмодернисты и постструктуралисты, но дискуссия велась преимущественно в академической среде. Сейчас же мы имеем дело с полноценным общественным движением широких масс, которое при этом претендует на однозначность и безальтернативность своих идей. Поляризация между их сторонниками и противниками отчетливо заметна. В результате социокультурные жизненные миры дробятся на более мелкие, объединяющие идеологически близких субъектов. Люди с другой точкой зрения тем временем начинают восприниматься эго как «другие».

Попытка наделить людей разными правами на основании какого-либо признака или объявить одни жизни более ценными, чем другие, – это, в сущности, проявление *Alius-ation*. Стирая равенство эго и альтер эго, мы активируем герменевтическое превращение «другого» в объект. К такому соотношению культур мы уже обращались в начале данного обзора – древние греки и варвары, ацтеки и пополуки. «Сейчас варвары, – пишет Сонессон, – это те, кто не признает особенные права особых групп, не соглашаясь с тем, что они вольны делать все, что покажется им правильным исходя из их истории, даже если это идет вразрез с наследием Просвещения» [Sonesson, 2021, p. 24]. Причина подобной ситуации – утрата той самой критической дистанции по отношению к собственному «родному» миру, которая когда-то предвосхитила утверждение идей естественного права.

Критика есть важнейший регулятор для общества. Публичная сфера (*public sphere*) Нового времени, конечно, не была идеальным пространством для обмена идеями, но тогда философы высказывались и аргументировали свое мнение куда более свободно, чем наши современники – во всяком случае, американцы и европейцы. Многие тезисы сторонников теории социальной справедливости не предполагают альтернативы и, соответственно, какой-либо дискуссии по этому вопросу, не говоря уже о критике. Так, возможность обмена мнениями в публичном пространстве

попросту исчезает, и разрыв между двумя культурами становится непреодолимым [Sonesson, 2021, p. 25]. Одна из них исходит из «классического» понимания прав человека, каким оно было в эпоху Просвещения, а вторая опирается на современное движение за социальную справедливость – и это разделение проходит через привычные нам «родные» миры государств, наций и этнокультурных групп.

Сонессон не строит прогнозов относительно дальнейшего развития кризиса, но указывает, что простого и быстрого решения нет. Предотвратить откат к «племенному» мышлению, когда всякий «другой» – *Alius*, однако, возможно. Для этого необходимо вернуть критику на ее прежнее место – в открытое публичное пространство, и дискуссии по сложным и актуальным вопросам должны вновь стать нормой для нашего общества.

Заключение

Гёран Сонессон провел серьезную работу по изучению противопоставления «себя» и «другого» с позиций семиотики, которое выступает в качестве одного из основных направлений в его исследовательских изысканиях. Сформулированная им расширенная модель семиотики культуры не ограничивается концептуализацией взаимоотношения разных культур в определенный момент времени. Она позволяет проследить динамику межкультурной коммуникации во времени и учитывает изменения, которые происходят в восприятии собственного «я» в отношении «другого». Сонессон успешно опробовал свою модель и на историческом материале, и рассмотрел через ее призму современные тенденции развития человеческого общества. Как представляется, данная теоретическая рамка ценна для социальных наук и обладает междисциплинарным потенциалом.

Anastasia Butakova¹

**Ego, Alius and the Alter inside Lifeworld:
The summary of Göran Sonesson's works.**

Articles covered:

Sonesson G. (1998). The concept of text in cultural semiotics. *Sign Systems Studies*, 26, 83–114. <https://doi.org/10.12697/SSS.1998.26.04>

---

¹ **Butakova Anastasia**, MA student at the National Research University «Higher School of Economics» (Moscow) and Combined Master's-PhD track, editor of the center of advanced methods of social studies and humanities of INION RAN, e-mail: avbutakova@edu.hse.ru

Sonesson G. (2000). Ego meets Alter: The meaning of otherness in cultural semiotics. *Semiotica*, 128(3–4), 537–560. <https://doi.org/10.1515/SEMI.2000.128.3-4.537>

Sonesson G. (2006). The meaning of meaning in biology and cognitive science: A semiotic reconstruction. *Sign Systems Studies*, 34(1), 135–213. <https://doi.org/10.12697/SSS.2006.34.1.07>

Sonesson G. (2014). Translation and other acts of meaning. In between cognitive semiotics and semiotics of culture. *Cognitive Semiotics*, 7(2), 249–280. <https://doi.org/10.1515/COGSEM-2014-0016>

Sonesson G. (2020). Translation as culture: The example of pictorial-verbal transposition in Sahagún's primeros memoriales and codex florentino. *Semiotica*, 232, 5–39. <https://doi.org/10.1515/sem-2019-0044>

Sonesson G. (2021). Approximations to the Genuine Dialectics of the Enlightenment. On Husserl's Europe, «Social Justice Theory», and the Ethics of Semiosis. *Lang. Semiotic Studies*, 3, 6–31.

Keywords: cultural semiotics; lifeworld; encounter of cultures; semiotic resources; cultural translation; human rights; social justice theory.

For citation: Butakova A. (2022). Ego, Alius and the Alter inside Lifeworld: the summary of Göran Sonesson's works. *METHOD : Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2(2), 148–158. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.11>

Д.А. Свирчевский¹

**Мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ван Левена:
чтение визуальных образов**

Реферат книги: Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design (3rd ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 2021. – 310 p.

Ключевые слова: мультимодальность; семиотика; методология; анализ изображений; анализ визуальных образов; анализ мультимодальных ситуаций.

Для цитирования: Свирчевский Д.А. Мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ван Левена: чтение визуальных образов (реферат) // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 159–175. Реф. книги Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design (3rd ed.). – L., N.Y.: Routledge, 2021. – 310 p.

В 2021 г. вышло третье издание книги «Reading Images: The Grammar of Visual Design», одной из самых известных работ Гюнтера Кресса и Тео ван Левена. В ней авторы излагают свое видение «грамматики» изображений и предлагают способы, которые могут быть использованы при анализе изображений самого разного порядка. Беря за основу семиотическую теорию Майкла Халлидея [Halliday, 1978], авторы предлагают развернутый инструментальный способ аналитической работы с мультимодальными изображениями.

Мультимодальные исследования Г. Кресса и Т. ван Левена

Гюнтер Кресс (1940–2019) был профессором Института образования Университетского колледжа Лондона. Кресс считается одним из наиболее выдающихся лингвистов, посвятивших себя социальной семиотике и мультимодальности. Его труды заложили основу этих исследовательских направлений. В числе наиболее выдающихся работ Кресса можно назвать «Language as Ideology» [Hodge, Kress, 1993], «Social Semiotics» [Hodge, Kress, 1988], «Early Spelling» [Kress, 2000], «Learning to Write» [Kress,

---

¹ Свирчевский Дмитрий Алексеевич, студент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва), e-mail: dasvirchevskiy@edu.hse.ru

1994], «Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication» [Kress, 2010].

Тео ван Левен – профессор Университета Южной Дании, также внесший значительный вклад в развитие мультимодальности и социальной семиотики. Среди наиболее известных публикаций ван Левена можно упомянуть такие труды, как «Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication» [Kress, van Leeuwen, 2001], «Speech, Music, Sound» [van Leeuwen, 1999], «Introducing Social Semiotics and Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis» [van Leeuwen, 2008].

Рассматриваемое в данном реферате третье издание «Reading Images» вышло уже после смерти Гюнтера Кресса, хотя он и успел поучаствовать в его подготовке. Таким образом, книга оказалась завершающим элементом в многолетней совместной работе авторского дуэта Кресса и ван Левена в сфере исследований мультимодальности.

Термин *мультимодальность* используется для обозначения характерной черты коммуникативных ситуаций, которые основываются на комбинировании различных форм коммуникации (*модусов*). Например, о мультимодальности идет речь, когда мы обращаем внимание на то, что в книге для формирования сообщения используются и письменный язык, и картинки, и диаграммы, и композиция страницы, а в телевизионной программе – используется комбинация разговорного языка, изображения и текста. Даже разговор в кафе может быть описан как мультимодальная ситуация, в которой сочетаются разные физические возможности и позы [Kress, 2010, p. 7]. В нашей жизни мы постоянно находимся в мультимодальных ситуациях, однако мультимодальные исследования появились сравнительно недавно, их корни можно увидеть, например, в работах Майкла Халлидея 1960-х годов [Jewitt, Bezemer, O'Halloran, 2016, p. 8].

В настоящее время интерес к мультимодальным исследованиям находится на подъеме, поэтому закономерно, что Кресс и ван Левен решили подготовить переиздание своей работы, которая уже успела стать классикой.

Чтение визуальных образов

Заглавие книги можно перевести на русский так – «Чтение образов: грамматика визуального дизайна». Книга состоит из восьми глав. В первой из них авторы задают общую концептуальную рамку своей работы, а также обрисовывают изменения, которые уже произошли и продолжают происходить во взаимоотношениях языка и текста. Вторая и третья главы посвящены описанию семиотических средств, которые могут быть использованы при выстраивании отношений между представленными на изображении элементами. Четвертая и пятая главы посвящены отношениям, возникающим между зрителем и изображением. В шестой главе авторы обсуждают композиционные приемы, используемые при создании изображений.

В седьмой главе они говорят о значимости материальной реализации изображений, а в восьмой обсуждают вопросы применимости приведенных ранее закономерностей к трехмерным и движущимся изображениям.

Данную книгу авторы посвятили тому, как «визуальная грамматика», по аналогии с грамматикой языка, описывает, как изображаемые предметы соединяются друг с другом в различных визуальных «высказываниях». Не являясь первыми исследователями языка изображений, авторы настаивают на том, что, хотя до них визуальная «грамматика» рассматривалась с точки зрения многих подходов, например истории искусств, формального описания композиции или физиологии восприятия, они первые, кто уделил систематическое внимание изучению закономерностей в том, как комбинируются элементы изображения, т.е. смыслу композиции.

Авторы указывают на то, что в основе их исследования лежат разработки социальной семиотики¹ [Hodge, Kress, 1988], а сама книга посвящена знакам, и в частности тому, как знаки производятся. В то же время, в отличие от традиционной семиотики, авторы считают, что отношение означающего и означаемого в знаке всегда является мотивированным и конвенциональным (*motivated and conventional*). Несмотря на важность и постоянное присутствие социального как в историческом формировании семиотических ресурсов, так и в социальной истории отдельного агента, именно преобразующие действия индивидов в соответствии с контурами социальных данностей постоянно меняют ресурсы и делают возможным самореализацию социальных субъектов.

В новом издании книги по сравнению с предыдущим произошло несколько изменений. Поскольку социальная сфера находится в постоянной трансформации, на уровне непосредственного использования семиотических ресурсов произошли изменения, и, хотя общие паттерны модальности изображения, описанные в предыдущих изданиях, зачастую сохраняются неизменными, аспекты их использования меняются. Поэтому авторы включили более новые примеры, иллюстрирующие применение описанных ранее паттернов на новом материале. Кроме того, авторы убрали девятую главу, являвшуюся постскриптумом.

Глава 1.

Ландшафт семиотики: язык и визуальная коммуникация

На семиотические модусы оказывают влияние история и культура обществ, в которых они существуют, поэтому их необходимо рассматри-

---

¹ Подробнее о социальной семиотике см.: Ильин М.В., Фомин И.В. Социальная семиотика: комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2018. С. 399–403.

вать в контексте их истории и окружающей среды. Авторы выделяют «старую» и «новую» визуальную грамотность. Для первой характерно использование изображений в качестве подчиненных тексту: изображения рассматриваются лишь как копии реальности. Второй форме свойственно сосуществование текстовой и визуальной репрезентации, которые уже не стремятся быть более или менее точными копиями реальности.

Изменения постепенно происходят и с тем, в каких отношениях находятся по отношению друг к другу речь и текст. В Средние века чтение было встроено в контекст речи, в эпоху Ренессанса чтение стало беззвучным отношением между текстом и читателем, а в настоящее время наблюдается тенденция к возвращению чтению статуса части групповых взаимодействий. Так, современные библиотеки зачастую представляют не пространство для уединенного штудирования текстов, а место для неформальной и иногда шумной групповой работы. Роль чтения и речи в общении меняется, эти формы коммуникации становятся мультимодальными.

Также в данной главе авторы упоминают о том, что в основе их книги лежит определенная семиотическая теория, созданная Майклом Халлидеем. Они настаивают на том, что их подход не является лингвистическим, поскольку Халлидей и его последователи рассматривали грамматические знаки как ресурсы для реализации интерпретации опыта и форм социального взаимодействия. Авторы указывают, что они изучают общение, а его основа – социальная база: смыслы, выражаемые людьми, являются в первую очередь социальными смыслами. В то же время авторы не отрицают значимость существования индивидуальных различий в способах построения текстов, продуцируемых участниками негомогенных обществ, когда в мультимодальном тексте, во-первых, изображение может нести один смысл, а печатный текст – другой, а во-вторых, эти смыслы могут по-разному восприниматься разными людьми.

Глава 2.

Нарративные репрезентации: конструирование знаков социального действия

В ней авторы вводят ряд терминов, которые описывают процесс действия, запечатленный на изображении. Актор – это участник, из которого исходит вектор или который сам является частью вектора. Зачастую акторы являются наиболее заметными на изображении благодаря размеру, положению в композиции, насыщенности цвета и резкости фокуса. Если на изображении один участник, обычно он является действующим лицом. Такую структуру авторы называют нетранзакционной (non-transactional) по аналогии с непереходными глаголами в английском языке, которые не используются с дополнениями.

В других случаях есть только вектор и цель, а актер отсутствует. Цель – это участник, на которого направлен вектор, на которого направлено действие. Для обозначения действий, которые включают только цель, авторы предлагают использовать термин событие. Событие – это когда что-то происходит с кем-то, но мы не знаем, кто или что производит действие.

Транзакционная (transactional) визуальная структура – структура, в которой есть двое участников. В данной структуре один из участников может быть актером, а другой – целью, или каждый участник может функционировать то как актер, то как цель. Во втором случае может быть не всегда понятно, существует ли некая последовательность в двунаправленных транзакциях или же они происходят одновременно, т.е. у нас, опять же, есть открытое пространство для интерпретаций. Чтобы указать на двойственную роль участников в подобных структурах, авторы условливаются называть их взаимодействующими.

Если вектор формируется при помощи направления взгляда одного или нескольких участников, авторы называют такую структуру изображением реакционной (reactional), и в данном случае вместо актеров будут реагирующие (reactors), а вместо целей – феномены (phenomena). Реагирующим обязательно должен быть человек, а феномен формируется либо при помощи другого участника, на которого реагирующий смотрит, либо при помощи встроенной структуры, например, транзакционной.

Так же как действия, реакции могут быть транзакционными и нетранзакционными. В последнем случае на изображении нет феномена, а зрителю самому нужно представить, на кого или на что направлен взгляд реагирующего. Такой прием создает у того, кто смотрит на фотографию, сильное чувство эмпатии по отношению к тем, кто на ней изображен.

Особый род вектора – выноска, которая соединяет рисунки говорящих с их речью. Выноски существовали задолго до появления комиксов, хотя и ассоциируются именно с ними. Если выноска отображает процесс речи, то авторы выделяют говорящего и высказывание, которое находится внутри выноски. Если же на выноске представлен мыслительный процесс (в этом случае она имеет контуры в виде облака), авторы считают, что в такой ситуации есть думающий (Sensor) и феномен, т.е. мысли, заключенные в выноску.

Глава 3. Концептуальные репрезентации: создание социальных конструкторов

В этой главе авторы переходят от нарративных структур к концептуальным. Они выделяют три основных вида таких структур. Классификационные структуры создают гипонимические отношения между участниками, аналитические структуры создают меронимические отноше-

ния между участниками, а символические структуры «определяют» участников визуально с точки зрения того, кем или чем они являются и что они означают.

В классификационных структурах по крайней мере один набор участников будет играть роль подчиненного по отношению по крайней мере к одному вышестоящему участнику. Если структура оставляет зрителю возможность самому догадываться о сходствах между подчиненными участниками или называть только всеохватывающую категорию в сопроводительном тексте, такую структуру они решают называть скрытой таксономией. Для скрытых таксономий важно, что совместная классификация подчиненных участников реализуется не с помощью конкретного элемента, такого как вектор, а с помощью конфигурации, особенно симметричной композиции.

Существуют также явные таксономии. Они включают вышестоящего участника либо как «заголовок», либо как элемент верхнего уровня древовидной структуры, от которого отходят все другие элементы. Обычно элементы в явных таксономиях связаны по цепочке, так что промежуточные участки будут доминировать над одними участками и подчиняться другим.

Обсуждая аналитические структуры, авторы отмечают, что данные структуры представляют участников как части целого. Аналитические структуры отображают носителя (Carrier), т.е. целое, и любое количество притяжательных атрибутов (Possessive Attributes), т.е. частей. Внешне аналитические структуры могут быть распознаны благодаря отсутствию признаков, характерных для других структур: у них нет вектора, композиционной симметрии или древовидной структуры, или нет того, что ниже авторы называют символическими атрибутами (Symbolic Attributes). Аналитические структуры делают то, что лучше всего получается у изображений, они показывают: «это есть». В пример авторы приводят карту Австралии, на которой отображены примерные ареалы проживания коренных народов этого континента. В данном случае носителем является Австралия, а притяжательными атрибутами – ее коренные народы.

Авторы выделяют собранные (assembled) и разъединенные (disconnected) аналитические структуры. В первом случае притяжательные атрибуты вместе составляют носителя, в то же время сохраняя свои отличительные черты. В разъединенных аналитических структурах мы можем наблюдать притяжательные атрибуты носителя, но не самого носителя, т.е. только части, которые не образуют целое. В качестве примера разъединенной аналитической структуры они приводят рисунок выкройки, на котором изображены части будущей одежды, пока не представляющие единое целое.

Если притяжательные атрибуты не были собраны воедино, но все же показывают, как они составляют носителя, они называются взорванными (exploded) аналитическими структурами. Как пример авторы показывают

карту Австралии, на которой материк разделен на несколько сегментов по определенным признакам.

Связанные (connected) аналитические структуры характеризуются размещением носителя в центре пространства, а притяжательные атрибуты расположены вокруг этого центра и связаны с ним не векторными линиями. Так, связанной аналитической структурой является звездчатая диаграмма, структуру которой повторяют, например, ментальные карты.

Также аналитические структуры могут быть исчерпывающими (exhaustive) и открытыми (inclusive). Аналитическая структура является исчерпывающей, если притяжательные атрибуты занимают все пространство носителя. Так, упоминавшаяся выше карта Австралии с отмеченными на ней территориями аборигенных племен является примером исчерпывающей аналитической структуры, поскольку выделенные ареалы проживания коренных народов занимают всю территорию материка, т.е. носителя. В открытых аналитических структурах притяжательные атрибуты занимают не все пространство носителя, оставляя его часть пустым, неуточненным. Подобные структуры несут возможность частичного включения и исключения, что характеризует, например, диаграмму Венна.

Временные аналитические структуры предполагают наличие на изображении реальной или воображаемой временной шкалы, на которой располагаются участники. Однако эти линии не являются векторными, они не представляют историю как поток, вместо этого они разбивают ее на последовательные стадии с фиксированными и стабильными характеристиками, этапы, которые можно рассматривать, как будто они являются объектами.

Топографические аналитические структуры характеризуются точным представлением относительного расстояния и местоположения притяжательных атрибутов. В то же время топологические аналитические структуры представляют только «логические» отношения между участниками, т.е. способ, которым они связаны друг с другом. Так, топологической аналитической структурой может быть электрическая схема.

Также авторы описывают символические аналитические структуры. Символические атрибутивные структуры характеризуются изображением двух участников: носителя, значение или идентичность которого установлены в отношениях, и символического атрибута, который представляет собой участника, воплощающего значение или идентичность, и предоставляет, передает их носителю. Распознать символический атрибут на изображении можно по следующим его признакам: он хорошо заметен благодаря использованию композиционных средств, на него могут указывать с помощью жеста, он выглядит неестественно и традиционно ассоциируется с символизмом.

Помимо символических атрибутивных структур существуют символические суггестивные (suggestive) структуры. В отличие от предыдущего типа структур, в них только один участник – носитель. Детали на подобных изображениях размываются и преуменьшаются ради создания

«настроения» и «атмосферы». Символические суггестивные структуры представляют не конкретный изображенный момент, а обобщенную сущность, передают смысл и идентичность как исходящих изнутри носителя.

Сами символы бывают двух типов: явные (open) и скрытые (disguised). Явные символы заметны даже зрителям, не понимающим их значения. Такие символы отчетливо выделяются на изображении и выглядят как что-то, изначально созданное для того, чтобы быть интерпретированным как символ. Скрытые символы на первый взгляд не кажутся неестественными или преувеличенными и обнаруживаются только при ближайшем рассмотрении изображения, когда оказывается, что не все в нем стоит понимать буквально.

В конце главы авторы говорят о том, что визуальная репрезентация может быть гораздо более сложной, чем предложение, оформленное языковыми средствами, поскольку у письменности есть линейность, при которой мы вскоре достигаем предела возможностей по обработке фрагментов линейной информации. В то же время гораздо более сложная визуальная структура может восприниматься с первого взгляда.

Глава 4. Репрезентация и взаимодействие: конструирование позиции зрителя

Глава книги начинается с указания авторов на то, что визуальный модус может создавать и поддерживать отношения не только между участниками на изображении, но и между создателями изображений и теми, кто на изображения смотрит. В данном случае взаимодействуют две группы участников: интерактивные участники, т.е. те, кто смотрит на изображения или создает их, и изображенные участники, как то люди, места и вещи, показанные на изображениях.

Изображения, с которых на зрителя смотрит взгляд, принципиально отличаются от изображений, не обладающих этой чертой. Вектор, созданный взглядом представленного участника, соединяет его со зрителем. Дополнительный вектор может быть создан при помощи жеста, когда изображенный участник указывает на зрителя. Взгляд, направленный на зрителя, создает форму прямого обращения к нему и требует, чтобы зритель вступил с представленным участником в воображаемые отношения. Характер этих отношений определяется выражением лица, смотрящего на зрителя с изображения.

Если же изображение не содержит человеческих или квазичеловеческих участников, которые смотрят прямо на зрителя, то такое изображение называется предложением (offer). В данном случае зрителю отводится роль невидимого наблюдателя, а изображение «предлагает» ему изображенных участников в качестве элементов информации, как будто они расположены на витрине магазина.

Помимо выбора характера взгляда изображенных участников, создатели изображения также должны решить, на какой дистанции от зрителя участники будут располагаться. Выбор стоит между тем, представить их крупным, средним или дальним планом, чтобы определить, в каких отношениях будут находиться участники со зрителями, конструируя социальную дистанцию, отделяющую изображенных участников от зрителя. Чем ближе изображенные участники к зрителю, тем более личные отношения возникают между ними.

Кроме того, создание изображения предполагает выбор угла зрения – перспективы. В западных культурах существует два типа изображений: с (центральной) перспективой, которые авторы называются субъективными, и без нее, в терминологии авторов – объективные. В субъективных изображениях зритель может увидеть только то, что видно с определенной точки зрения, тогда как в объективных изображениях раскрывается все, что нужно знать (или что было сочтено таковым) об изображенных участниках, даже если при этом нарушаются законы натуралистического изображения или законы природы.

Выбор угла съемки в горизонтальной плоскости влияет на то, как мы соотносим себя с объектами, помещенными в кадр. Если при фотографировании было выбрано положение, когда фотоаппарат направлен прямо на объекты съемки, образуется фронтальный угол (*frontal angle*), при котором мы становимся соучастниками того, что происходит на изображении, нам начинает казаться, что то, что мы видим, является частью нашего мира. Если же угол съемки не прямой, наклонный (*oblique angle*), т.е. камера в горизонтальной плоскости была размещена под углом к объектам съемки, то мы чувствуем, что изображенная картина не является частью нашего мира, а существует как часть *их* мира, с которым мы в данный момент не взаимодействуем, при этом изображенные люди будут скорее восприниматься как незнакомцы, чужаки.

Не менее важен выбор угла съемки по вертикали. Если выбран высокий угол съемки, объекты в кадре выглядят маленькими и незначительными. Когда изображенные участники представлены таким образом, нас заставляют смотреть на них свысока, они как бы лежат у ног зрителя. В том случае, если на изображении применен низкий угол съемки, изображенные участники кажутся внушительными и важными. Смотря на зрителя свысока, они обладают символической властью над ним.

Другой вид изображений – объективные (*objective*). К ним относятся научные или технологические изображения, такие как диаграммы и карты. В них используется или перпендикулярный угол сверху вниз, или фронтальный угол. Однако эти углы неодинаково объективны. Фронтальный угол является углом максимального увлечения и ориентирован к действию, тогда как вид сверху – это позиция отстраненного наблюдателя, который созерцает мир у своих ног.

Глава 5. Модальность и достоверность: конструирование моделей реальности

В главе авторы обсуждают, какие визуальные знаки присущи изображениям, которым мы склонны доверять. Обращаясь к лингвистической теории, разрабатываемой Халлидеем и его последователями, авторы отмечают, что в ней термин *модальность* (modality, не путать с mode («модус»)) относится к значению истинности (truth value) лингвистически реализованных утверждений о мире, причем модальность – это вопрос не об абсолютной истине, а о том, насколько истинным представляется данное утверждение. Авторы указывают на то, что концепт модальности применим как к письменным текстам, так и к изображениям, поскольку на них так же более или менее реалистично изображаются люди, места и вещи. Суждения модальности носят социальный характер и зависят от того, что считается истинным и реальным в социальной группе, для которой в первую очередь предназначено изображение.

Однако в отличие от лингвистической истины, которая основывается на вероятности («может», «будет», «должно») и частотности («иногда», «часто», «всегда»), визуальная истина основана на идее реализма, который оценивается по свидетельствам того, что можно увидеть. Критерий истины «реальность» отличается от критериев истины «вероятность» и «частота», поэтому авторы предлагают говорить о достоверности (validity), а не о модальности, как это было в предыдущих изданиях книги.

Авторы говорят о нескольких шкалах, по которым можно судить о достоверности изображения. Относительно цвета это будут шкалы его насыщенности, дифференциации и модуляции. Шкала насыщенности цвета, простирающаяся от черно-белой до полноцветной насыщенности, предполагает, что снижение цветности увеличивает абстрактную достоверность, снижая достоверность натуралистическую. Шкала дифференциации цвета распростерлась от монохромной цветовой гаммы до максимально разнообразной. Шкала цветовой модуляции переходит от простого немодулированного цвета к полностью модулированному. Цвет модулирован, когда он неравномерный, например на бледной коже видны голубые вены. Немодулированные цвета использовали многие художники, например Матисс, однако в изображениях с немодулированным цветом натуралистическое сходство с реальностью теряется. В то же время повышается абстрактная достоверность, изображение становится реальным за счет появления более глубоких смыслов. Точка максимальной достоверности не совпадает ни с одним из концов названных выше шкал, а находится где-то между ними.

Помимо цвета существуют и другие шкалы достоверности. Контекстуализация – шкала, простирающаяся от отсутствия заднего плана до его полной детализации. Также авторы говорят о такой шкале, как представ-

ление деталей, которая на одном полюсе представляет максимальное абстрагирование, а на другом – наибольшее представление деталей. Глубина – шкала, простирающаяся от отсутствия глубины до максимально глубокой перспективы. Существует также шкала освещения, которая переходит от отсутствия света и тени к их наиболее полной игре. Последняя называемая авторами шкала – яркость – ранжируется от максимального количества различных степеней яркости до двух степеней: черного и белого, или темно-серого и светло-серого, или двух значений яркости одного и того же цвета.

Авторы выделяют четыре ориентации кодирования, применимых к различным контекстам, в которых тексты создаются определенными социальными группами. Ориентация на технологическое кодирование основана на прагматическом критерии, т.е. на полезности визуальных представлений для научных или технических задач. Ориентация на сенсорное кодирование основана на ощущениях и используется в контекстах, в которых доминирует получение удовольствия: в рекламе, моде и т.д. Ориентация на абстрактное кодирование зиждется на концептуальном критерии, в котором достоверность представлений тем выше, чем больше изображение сводит конкретное к общему, а детальное представление – к представлению существенных качеств. Данная ориентация используется в науке и высоком искусстве. Ориентация на натуралистическое кодирование базируется на восприятии и остается доминирующей в западном обществе и везде, где западные медиа имеют влияние.

Авторы отмечают, что проблема достоверности особенно сложна в современном искусстве, поскольку оно, в отличие от фотографии, отверженной критериям реализма, во многом нацелено на преодоление реальности. По мнению авторов, считается что-либо достоверным или нет, зависит от социальной группы: то, что одна группа считает заслуживающим доверия, другая может не считать таковым. Достоверность – то, что *мы* считаем истинным или ложным, в этом и заключается часть силы искусства.

Глава 6. Значение композиции

В этой главе книги авторы говорят о роли композиции в изображении. Они называют три принципа композиции: ценность информации (information value), обрамление (framing) и салиентность (salience). Эти принципы применимы как к отдельным изображениям, так и к составным визуальным эффектам, которые могут сочетать надпись, изображение и другие графические элементы. Анализируя мультимодальные тексты, авторы предлагают рассматривать их составные части как взаимодополняющие и влияющие друг на друга.

Говоря о ценности информации, расположенной в левой и правой частях мультимодального текста, авторы отмечают, что правая сторона – это сторона, которая отводится для нового сообщения (message). На ней помещается, например, приглашение идентифицировать себя с образцом для подражания на развороте журнала, специальное предложение в онлайн-магазине или информация для запоминания в учебнике. Левая сторона – сторона уже данного, поскольку предполагается, что читатель знает что-то об изображенном на ней. Эта сторона является стороной прошлого, тогда как правая – стороной настоящего или будущего. Каждый новый элемент информации, однажды усвоенный, становится данным для информации, следующей за ним. В то же время авторы отмечают, что в культурах, которые пишут справа налево, данное может находиться справа, а новое – слева.

Также отличается информационная ценность элементов, расположенных по вертикальной оси. Если между верхом изображения и его низом существует противопоставление, когда одни элементы композиции размещены вверху, а контрастирующие им – внизу, то размещенное сверху является идеальным (Ideal), а расположенное снизу – реальным (Real). Идеальное – это идеализированная и обобщенная суть информации, ему противопоставляется реальное, являющееся реальностью в том смысле, что оно предоставляет более конкретную, практическую и приземленную информацию, дает больше деталей. Если сверху расположен текст, а снизу изображение – значит текст играет ведущую роль, а изображение – подчиненную.

Второй важнейший элемент композиции – обрамление. Чем оно сильнее у элемента, тем более он отделен от своего окружения. Отсутствие обрамления подчеркивает групповую идентичность. Обрамление может быть реализовано при помощи различных способов, будь то рамки, расстояние между элементами или визуальный контраст. Но обрамление может быть преодолено, если пространство одного элемента перекрывает пространство другого. Чем больше элементов композиции связаны, тем более они представлены как единая единица информации.

Салиентность в пространственно организованных текстах определяется на основе визуальных сигналов. Зрители интуитивно способны судить о «весе» различных элементов композиции, и чем больше «вес» элемента, тем больше его значимость. Линейные тексты являются синтагматическими, в них значение отдельных элементов может быть менее строго «закодировано», тогда как в парадигматических нелинейных текстах больше смысла вкладывается в отдельные элементы композиции, в них определение последовательности и связи остается за читателем.

Глава 7. Материальное производство как семиотический ресурс

В данной главе авторы предлагают рассматривать материальную составляющую текста, т.е. его физическое воплощение, как важную часть создания текста. Они выделяют три основных вида производственных технологий, границы между которыми не являются четкими и могут подвергаться дальнейшей преобразующей семиотической работе. Первый вид – технологии, в которых все аспекты изображения создаются человеческой рукой при помощи ручных инструментов (стамеска, кисти, карандаши). Вторым видом являются технологии записи, позволяющие создавать аналоговое представление того, что они представляют (аудиокассеты, фотографии и пленки). Третий вид составляют технологии, позволяющие производить синтезированные в цифровом виде представления, к которым тем не менее также прикасается рука человека. Современный переход от записи к синтезирующим технологиям означает, что вместе с записью ушла старая техника репрезентации, вместо старого натурализованного отношения идентичности между репрезентацией и референцией установилось отношение между репрезентацией и значением.

Данная классификация построена на способе создания изображений, однако не менее важно, какую модальность используют при восприятии и распространении (*modes of reception and distribution*) изображений. Некоторые поверхности, например экраны кинотеатра или стены, подходят для всеобщего восприятия, а другие, такие как книги или экран компьютера, – для личного. Медиа играют решающую роль в устранении разделения на частное и общественное, которое было характерной чертой индустриального общества, и в фрагментации массового общества на нишевые группы, основанные на «установках» и моделях потребления. Сейчас, в отличие от предыдущих периодов, поверхность, на которой просматривается текст, не всегда совпадает с той, на которой он был написан.

Говоря о значении материальности, авторы отмечают, что знаки чем-то мотивированы, поэтому, например, статуи, воздвигнутые в память о героических фигурах, сделаны из долговечных материалов, пригодных для обозначения постоянства, а определенные камни и цветы становятся символами любви из-за их редкости или формы, цвета, аромата. Материальное производство включает в себя взаимосвязанные семиотические ресурсы субстанций и орудий производства. Каждый из этих ресурсов имеет свои собственные семиотические эффекты, а во взаимодействии они создают сложные смысловые эффекты.

Еще одним семиотическим ресурсом является цвет. Вслед за Халлидеем авторы выделяют три функции коммуникативной системы: идеационную, т.е. функцию конструирования представлений о мире; межличностную, которая состоит в осуществлении взаимодействий, характеризующихся конкретными социальными целями или отношениями, и текстовую, функцию упорядочи-

вания коммуникативных актов в коммуникативные события или тексты. Существует два источника придания значения цвету: ассоциация, вопрос о том, где мы видели этот цвет раньше; и отличительные особенности цвета, материальные характеристики, которые определяют цвета. Авторы предлагают несколько шкал, по которым может быть определен каждый конкретный пример цвета.

Шкала ценности (value) – серая шкала от наиболее светлого (белого) к наиболее темному (черному) цвету. Шкала насыщенности (saturation) отвечает за то, насколько цвет насыщен, и простирается от наиболее интенсивно насыщенных цветов до самых блеклых оттенков и полного обесцвечивания. Чистота (purity) – шкала от наиболее чистого до наиболее смешанного цвета. Обычно цвета используются с одиночными названиями (синий, зеленый), однако существуют гибридные, смешанные цвета, которые зачастую называются составным названием. Модуляция (modulation) представляет цвета от полностью модулированного, богато текстурированного разными оттенками, как на картинах Сезанна, до самого плоского цвета, каким он бывает в комиксах. Шкала прозрачности (transparency) показывает, насколько цвет прозрачен, варьируясь от полностью прозрачного цвета до совсем непрозрачного. Светимость (luminosity) – шкала сияния цвета, которая показывает его способность светиться изнутри. Шкала дифференциации (differentiation) простирается от монохромного изображения до использования на нем максимальной цветовой палитры. Тон (hue) – шкала от синего до красного.

Глава 8. Третье измерение

В восьмой главе авторы говорят о том, насколько могут быть применимы предыдущие рассуждения по отношению к трехмерным и движущимся изображениям. Хотя по большей части семиотические принципы, описанные во второй и третьей главах, применимы к трехмерным объектам, есть и некоторые значимые различия. Во-первых, трехмерные объекты могут быть распложены так, что они видимы только с одной точки или же они могут быть видимы с разных точек, что допускает возможность наличия более одного прочтения объекта. Во-вторых, мы можем по-разному взаимодействовать с трехмерными объектами: возможны отношения, предполагающие только «чтение» зрителем объекта; отношения взаимодействия между пользователем и объектом (например, пить из чашки); концептуальные отношения, созданные пользователем (например, создать синтагму из нескольких разных чашек). В-третьих, внешние условия могут блокировать возможность зрителя взаимодействовать с объектом или рассматривать его с разных сторон, даже если объект обладает к этому потенциалом.

В движущихся же изображениях существует своя специфика. Связь между актором и целью может быть показана как при помощи одного кадра, в котором присутствуют и актер, и цель, так и в двух последовательных кадрах, на первом из которых показан актер, а на втором – цель, или наоборот. Кроме того, в отличие от неподвижных изображений, движущиеся изображения могут отображать события, в которых нет ни актора, ни цели. Например, кадры мерцающего света на колышущейся воде создают ощущение чистого процесса, в котором трудно отделить процесс от участников. Помимо этого наряду с нарративными процессами движущиеся изображения могут представлять процессы концептуальные, когда в атрибутах участников происходят изменения цвета, размера или формы. Наконец, у движущегося изображения нет нужды в использовании выносок, поскольку оно может представлять диалог непосредственно через речь.

Как было показано в четвертой главе, положение камеры может создавать символические отношения между зрителями и участниками изображения. В движущемся изображении эти отношения динамичны. Также становится динамичным разделение на требование и предложение, исходящее к зрителю от участников изображения.

К концепции достоверности, о которой говорилось в пятой главе, в случае с динамичными изображениями необходимо добавить фактор движения. Анимированные изображения могут представлять движение с разной степенью реалистичности или абстракции, и это повлияет на суждения о достоверности. Элементы композиции, рассмотренные в шестой главе, тоже применимы к движущимся изображениям, они также становятся динамичными. То, что изначально представало как данность, на наших глазах может стать новым, а незаметные участники стать заметными, попав в фокус.

Заключение

Первое издание «Чтения образов» вышло еще в 1996 г., и за эти годы книга успела стать одним из основополагающих методологических трудов в сфере мультимодальных исследований и социальной семиотики. Публикация уже третьего издания этой работы является ярким тому подтверждением.

Книга позволяет прикоснуться к большому спектру инструментов, которые могут быть успешно применены для анализа самых разных видов изображений в разных дисциплинах. Важно отметить, что представленный инструментарий позволяет анализировать не только изображения, но и более широкий пул мультимодальных ситуаций, окружающий нас.

Выход нового издания «Чтения образов» дает отличный повод вернуться к этой книге тем, кто уже встречался с нею ранее, и имеет все шан-

сы привлечь внимание тех, кто только начинает знакомство с проблемами семиотической методологии и анализа мультимодальных дискурсов.

Список литературы

- Ильин М.В., Фомин И.В. Социальная семиотика: комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2018. – С. 399–403.
- Bateman J., Wildfeuer J., Hiippala T. Multimodality. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. – viii, 416 p. <https://doi.org/10.1515/9783110479898>
- Halliday M.A.K. Language as a Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. – L.: Arnold, 1978. – 256 p.
- Hodge R., Kress G. Language as ideology (2nd ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 1993. – 230 p.
- Hodge R., Kress G. Social Semiotics. – Ithaca: Cornell University Press, 1988. – 285 p.
- Jewitt C., Bezemer J., O'Halloran K. Introducing Multimodality. – L.; N.Y.: Routledge, 2016. – 232 p. <https://doi.org/10.4324/9781315638027>
- Kress G. Early Spelling. – L.; N.Y.: Routledge, 2000. – 256 p.
- Kress G. Learning to Write (2nd ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 1994. – 268 p.
- Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. – L.; N.Y.: Routledge, 2010.
- Kress G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. – L.: Arnold, 2001. – vii, 142 p.
- Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design (3rd ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 2021. – 310 p.
- Van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics and Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. – N.Y.: Oxford University Press, 2008. – 172 p.
- Van Leeuwen T. Speech, Music, Sound. – Basingstoke, L.: Macmillan Press Ltd, 1999. – viii, 240 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-27700-1>

D.A. Svirchevskii¹

Multimodal approach of G. Kress and T. van Leeuwen: reading of visual images

A summary of: Kress G. & van Leeuwen T. (2021). Reading Images: The Grammar of Visual Design (3rd ed.). Routledge.

Keywords: multimodality; semiotics; methods; analysis of images; analysis of visual images; analysis of multimodal situations.

For citation: Svirchevskii D.A. (2022). Multimodal Approach of G. Kress and T. van Leeuwen: Reading of Visual Images. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2(2). 159–175. <http://www.doi.org/10.91249/metodquarterly/02.02.12>

---

¹ **Dmitrii Svirchevskii**, National research university Higher school of economics (Moscow, Russia), e-mail: dasvirchevskiy@edu.hse.ru

References

- Bateman J., Wildfeuer J. & Hiippala T. (2017). *Multimodality*. De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110479898>
- Halliday M.A.K. (1978). *Language as a Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Arnold.
- Hodge R. & Kress G. (1988). *Social Semiotics*. Cornell University Press.
- Hodge R. & Kress G. (1993). *Language as ideology* (2nd ed.). Routledge.
- Ilyin M., & Fomin I. (2018). Social semiotics: Complex study of functional and meaningful aspects of social processes and phenomena. *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*, 399–403. (In Russ.)
- Jewitt C., Bezemer J. & O'Halloran K. (2016). *Introducing Multimodality*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315638027>
- Kress G. (1994). *Learning to Write* (2nd ed.). Routledge.
- Kress G. (2000). *Early Spelling*. Routledge.
- Kress G. (2010). *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Routledge.
- Kress G. & van Leeuwen T. (2001). *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. Arnold.
- Kress G. & van Leeuwen, T. (2021). *Reading Images: The Grammar of Visual Design* (3rd ed.). Routledge.
- Van Leeuwen T. (1999). *Speech, Music, Sound*. Macmillan Press Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-27700-1>
- Van Leeuwen T. (2008). *Introducing Social Semiotics and Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford University Press.

РЕЦЕНЗИИ

DOI:10.31249/metodquarterly/02.02.13

Евстифеев Р.В.¹

**Путь очеловечивания: язык, сознание, гуманность
(Рецензия)**

Рецензия на книгу: Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. – Манускрипт, 2022. – 355 с.

Ключевые слова: глоттогенез; антропогенез; социальные заботы; языковой рубикон; сознание; гуманизм.

Для цитирования: Евстифеев Р.В. Путь очеловечивания : язык, сознание, гуманность. (Рецензия) // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – М., 2022. – Вып. 12. – Т. 2, № 2. – С. 176–187. – URL: <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.13>

Изучение происхождения языка – занятие по своей сути парадоксальное, полное противоречий и сложностей, особенно если твердо стоять на научных позициях эволюционизма.

Во-первых, процесс происхождения языка связан с таким далеким прошлым человечества, от которого не осталось никаких прямых свидетельств и почти никаких следов. Таким образом, этот процесс и его особенности могут быть воссозданы, описаны и поняты только на основе косвенных данных, что делает многочисленные существующие концепции, теории и модели происхождения языка весьма уязвимыми для критики.

Во-вторых, само явление человеческого языка может рассматриваться и пониматься весьма по-разному с точки зрения различных отраслей знания (да и внутри наук не везде достигнут консенсус по этому вопросу). Соответственно, происхождение языка, принципы и механизмы

---

¹ **Евстифеев Роман Владимирович**, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, e-mail: roman_66@list.ru

его развития в интерпретациях различных наук могут опираться на различные научные традиции, обращающие внимание на разнообразные элементы и составляющие данного процесса, в результате чего галерея картин происхождения языка, нарисованных методами различных наук, выглядит довольно пестрой, противоречивой и с перспективой, стремящейся к бесконечности.

Наконец, в-третьих, проводить исследование происхождения языка и описывать полученные результаты приходится никак иначе, как только используя известные естественные человеческие языки, которые сами, скорее всего, являются результатом процесса возникновения и развития языка. Ответ на вопрос, достаточно ли средств и возможностей языка, чтобы описать возникновение языка и этих самых средств и возможностей, пока не представляется очевидным.

Однако похоже, что указанные и многие другие серьезные сложности никогда не отталкивали, а лишь привлекали искателей истоков человеческого языка, о чем могла бы быть написана отдельная весьма интересная книга (как это сделал, например, Умберто Эко, опубликовав известную работу о безнадежных, но вечных поисках совершенного языка [Эко, 2007]).

Именно поэтому книга Николая Розова начинается с упоминания двух запретов, объявленных сначала Парижским лингвистическим обществом (1866), а потом и Лондонским филологическим обществом (1873). Как пишет автор на первой странице своей работы, «любые рассуждения по этой теме были объявлены ненаучными фантазиями, которые не должны отвлекать силы и время ученых, примерно как пустые и безнадежные попытки изобретения вечного двигателя» [Розов, 2022, с. 9].

Однако мы рискуем немного поправить автора, защитив тем самым и уважаемые научные ассоциации, и самого Николая Розова, взявшегося, на наш взгляд, вовсе не за «пустые и безнадежные» исследования.

В 1866 г. в устав Парижского лингвистического общества была внесена ст. 2, в которой содержалось указание на то, что «Общество не допускает никаких сообщений ни о происхождении языка, ни о создании универсального языка» [Société de Linguistique de Paris, 1866]. Объяснение этого запрета содержится в ст. 1 этого же устава, в которой говорится, что Общество «ставит своей целью изучение языков, легенд, преданий, обычаев, документов, которые могут пролить свет на этнографическую науку. Любые другие объекты исследования строго запрещены» [Розов, 2022, с. 256].

Отметим, что члены Парижского лингвистического общества не называли поиски истоков языка ненаучными, пустыми или безнадежными, а лишь ограничили объект своего научного интереса, что они, безусловно, могли делать с полным правом.

В 1873 г., выступая со своим годовым обращением к членам Лондонского филологического общества, его президент Александр Дж. Эллис заключительную часть доклада посвятил проблеме происхождения языка.

В частности, Эллис отметил, что вопросы о происхождении языка лежат «вне области филологии», и, продолжая, добавил: «Мы должны исследовать историческое развитие конкретного языка, а не заполнять корзины кипами бумаг о происхождении всех языков» [Ellis, 1874].

Таким образом, уважаемые научные общества уже во второй половине XIX в. четко отделили филологические проблемы современного бытования конкретного языка от проблемы происхождения языка вообще. Происхождение языка и создание универсального языка были выведены из объекта науки о языке. И в этом, как оказалось, имелся глубокий смысл, а не просто сопротивление псевдонаучной графомании.

В связи с этим считаем необходимым отметить, что книга Николая Розова посвящена *не только* происхождению языка. Соединяя в единое целое «язык и сознание» в названии книги и в предмете своего исследования, автор создает новый объект, тем самым преодолевает границы лингвистики (и ее «запретов»!) и смело вторгается в междисциплинарное пространство. Это соединение, на наш взгляд, является совершенно оправданным, методологически обоснованным и эвристически перспективным. Автор, конечно, полностью не снимает давнее «проклятие» двух уважаемых филологических обществ, но, продолжая идти по пути многих современных исследователей, существенно продвигается вперед.

Это продвижение, на наш взгляд, основано на следующих важнейших принципах научной позиции автора.

Во-первых, автор изначально выбирает эволюционную парадигму в качестве основы для своего исследования. Причем эволюционизм для Николая Розова – это развивающаяся теоретическая платформа, научная в своей основе, т.е. изменяющаяся и порождающая новые теории и объяснения.

Во-вторых, отметим научную фундированность исследования, сочетающуюся с междисциплинарностью и эвристичностью. Книга действительно приятно удивляет содержательной наполненностью, богатым спектром привлеченных, переработанных автором теорий и гипотез, причем структурированных и классифицированных, но не препарированных, а подготовленных к использованию как самим автором, так и для работ будущих исследователей.

Наконец, в-третьих (*last but not least*), книга Николая Розова написана с гуманистических позиций, в основе которых не только сам объект работы, но и, собственно, человек, человечество в целом, его современные проблемы и перспективы. Большой гуманистический потенциал работы ярко выражен в заключении книги, и мы к нему еще вернемся.

Постараемся дать краткий обзор содержания книги, обращая внимание на результаты и важнейшие выводы.

В первых трех главах автор представляет впечатляющий критический анализ и, что важно, – глубокий синтез существующих теорий происхождения языка. Обширная литература по этому вопросу структурирована автором таким образом, чтобы выделить типы и составить типологию

подходов с определением наиболее перспективных исходных позиций для дальнейшего теоретического продвижения. Поскольку в этих главах содержится важнейшая методологическая основа авторского подхода, рассмотрим их подробнее.

В первой главе автор выделяет различные уровни концепций глоттогенеза (от экологического и социального до анатомического и генного) и определяет уровни, на которых сосредоточено его внимание: это прежде всего взаимодействие с природным окружением, внутригрупповые и межгрупповые социальные порядки, психические процессы, установки, способности (согласно авторской дефиниции – «верхний» уровень).

Автор признает роль и значение анатомических, психофизиологических, генных структур и механизмов («нижние уровни») в эволюционном процессе, но оговаривает, что данные явления и процессы не входят в предмет исследования. На наш взгляд, это важная оговорка, демонстрирующая методологическую позицию автора и снимающая часть возможных претензий и замечаний к работе, переводя их в разряд пожеланий по дальнейшим перспективным направлениям исследований (об этом будет сказано ниже).

Исходя из очерченного автором предмета исследования, развитие языка и сознания связано прежде всего с изменениями в массовом поведении предков человека. В соответствии с этой идеей автор формулирует главный исследовательский вопрос своей работы следующим образом: какие именно сдвиги в массовом поведении гоминид приводили к поступательному развитию языка и сознания и почему эти сдвиги происходили?

Во второй главе книги автор обращается к описанию принципов когнитивной эволюции, подчеркивая парадигмальный и методологический характер данной главы. На высоком теоретическом уровне в главе представлены основные модели генно-культурной коэволюции, а также культурного драйва.

Обобщение богатой интеллектуальной традиции эволюционизма в биологии и в макросоциальной сфере позволяет автору сформулировать принципы когнитивной эволюции, которые конгруэнтны, по его мнению, принципам эволюции глоттогенеза (принцип обеспечения, принцип зоны ближайшего эволюционного развития, принцип экспансии волшебных палочек, принцип приспособления к ранее установленным структурам и др.).

Для объяснения когнитивной эволюции автор обращается к функциональной модели А. Стинчкомба и переходит к описанию авторского подхода, в соответствии с которым социальные и языковые структуры складываются для обеспечения объективных забот как абстрактного и расширенного аналога «функции», «потребности», «нужды».

Возникающие трудности, связанные с отсутствием прямых данных о развитии речи и языка гоминид и явной недостаточности косвенных данных, автор предлагает разрешать при помощи номологического подхода, предложенного Карлом Гемпелем, в основе которого лежит процесс

дедуктивного вывода суждений о явлениях-следствиях из суждений о начальных условиях-причинах и из «универсальных гипотез».

В результате автор формулирует гипотезу исследования, в которой связывает типы социальных порядков и коммуникативных забот с используемыми знаковыми средствами, предполагая, что при добавлении новых практик и механизмов фиксации на основе этих средств непременно сложатся новые обеспечивающие данные заботы языковые структуры.

Третья глава посвящена детальному изложению базовых моделей и понятийных конструкций, используемых в исследовании, таких как динамическая взаимосвязь техноприродных ниш и социальных порядков; вызовы-угрозы и вызовы-возможности, их связь с заботами; пробы и механизмы фиксации на разных уровнях отбора; коммуникативные заботы, практики общения и знаковые структуры, обеспечивающие эти заботы. Как видно из данного перечня, автору приходится совмещать достижения социологии (Э. Дюркгейм, Э. Гофман, Р. Коллинз) и психологии (Л.С. Выготский, Д. Узнадзе, Б. Скиннер). Анализ и синтез указанных моделей и понятий позволяет автору дать свою трактовку человеческого сознания как системы особых когнитивных способностей, обеспечивающих «единство апперцепции», или «тотальность», сознания.

Следующие две главы посвящены раскрытию особенностей «прорыва к речи» и начального этапа зарождения языка и представляют собой авторский синтез и интерпретацию целого ряда теорий и гипотез, выработанных в рамках антропологии, приматологии, психологии, нейронауки.

Так, в четвертой главе автор на основе анализа научных фактов жизни человекообразных обезьян приходит к выводу о наличии у них зачаточных аналогов значимых элементов психики, поведения и развития человека, полагая, что феномены предсознания, предритуалов, предустановок, дифференцированных звуковых сигналов должны были быть свойственны и гоминидам. Далее автор предполагает, что для прорыва к языку и сознанию принципиальным был переход от доминирования альфа-самцов к эгалитарным коалициям с последующим самоодомашниванием (на наш взгляд, этот авторский термин не слишком удачен) и формированием совместной интенциональности и нормативности.

В пятой главе автор рисует картину перехода «языкового Рубикона», т.е. перехода гоминид от развития сигнальной коммуникации к различению слогов и фонем. Указывая на существование разнообразных объяснений этого феномена (груминг, пение, жестикуляция, «зеркальные нейроны», труд и.д.), Николай Розов отстаивает принципиальную роль нормативности и ритуалов, поведенческих ответов на базовые заботы и вызовы социальных порядков в формировании первых языковых структур: протослогов, протослов, холофраз, фонем и слогов.

Отметим, что в этой главе автор также пытается ответить на важнейший вопрос: что первично в процессе зарождения языка – генные мутации, рост мозга или умножение протослов. Отвергая гипотезу историче-

ски быстрых мутаций речевого аппарата и мозга, автор делает вывод о непрямой опосредованной связи между растущими потребностями начальных речевых способностей и ростом объема мозга.

Следующие три главы раскрывают некоторые, преимущественно собственнолингвистические, механизмы рождения и развития языка (глоттоароморфозы, по терминологии автора).

В шестой главе автор, продолжая тему развития членораздельной и осмысленной речи, обосновывает значимость непонимания и соответствующей, возникающей из этого заботы о распознавании смыслов, которые содержатся в издаваемых звуках. Именно такое угадывание и переиначивание порождает, по мнению автора, начальные стадии развития речи через механизмы отбора знаковых форм в поведении, отбора наследуемых задатков среди индивидов, групп, популяций.

В седьмой главе рассматриваются фазы развития протоязыка, включая выход семантики речи за пределы наличной ситуации. Появление вводных протофраз (сообщающих о произошедшем в другом месте и другом времени) и пиджин-предложений (предложений с порядком протослов, но еще без синтаксиса и грамматики) может рассматриваться как протоязык, стимулируемый определенными заботами. По мнению автора, именно на этом этапе происходит отделение сознания от внимания, появление способностей распознавать (или мысленно устанавливать) связи и отношения между воспринимаемыми и/или мыслимыми объектами, включать их в различные знакомые контексты.

Восьмая глава посвящена превращению протоязыка в полноценный язык с набором синтаксических конструкций и грамматическими правилами согласования словоформ. Этот переход, по мнению автора, во многом совершился в процессе установления долговременных отношений относительно обособленных сообществ, овладевших практиками общих собраний, дистантного контроля, разбирательств, общими языковыми средствами типа пиджин-предложений. При этом возникают новые заботы взаимопонимания из-за отсутствия общего опыта и контекста, а в результате коммуникативных проб складываются более точные и абстрактные языковые конструкции, преодолевающие нечеткость и двусмысленность. В результате происходит формирование ментальных карт как каркасов способностей сознания и мышления, базовых логических структур, обусловливающих своеобразную «тотальность» сознания.

Содержание девятой главы сам автор называет не иначе как «вполне авантюрное вторжение» в самую темную и неисследованную тему языкового разрыва, рассматривая это как «упражнение в расширении исторического и макросоциологического сознания».

На основе критического рассмотрения двух крупных исследовательских программ, направленных на заполнение промежутка между завершением глоттогенеза и известными древнейшими языками, автор постулирует и показывает сомнительность самой идеи «реконструирования единого пра-

языка». При этом автором рассмотрены и оценены разнообразные факторы, влияющие на процессы глоттогенеза, такие как природные факторы, включая роль катастрофы «вулканической зимы» после извержения вулкана Тоба, расселение сапиенсов, этапы политической эволюции. Автор предпринимает попытку проследить языковое развитие на широком географическом пространстве расселения человека разумного, делая, однако, весьма важную оговорку о том, что эти «рассуждения остаются во многом умозрительными, они имеют эвристический характер и призваны обнаружить идейные возможности дальнейших междисциплинарных исследований предистории человечества».

Две завершающие главы книги посвящены социально-эволюционным факторам разнообразия языков и природе родства современных языков. Сам автор признает определенную провокативность этих глав (как, кстати, и всей работы), их противоречие историческим и лингвистическим канонам и предполагает, что некоторые идеи могут вызвать ожесточенное неприятие со стороны приверженцев этих канонов. (Если такая реакция последует, то мы с большой заинтересованностью будем следить за развернувшейся дискуссией.)

С содержательной точки зрения в последних главах книги действительно содержатся смелые идеи и утверждения – от объяснений сложности и простоты некоторых существующих языков до раскрытия природы родства современных языков, включая альтернативный взгляд на происхождение романских языков.

Заключение книги представляет отдельный интерес по двум причинам. Во-первых, в нем автор рисует перспективы дальнейших исследований в этой сфере, а во-вторых, подводит общие итоги работы в виде философского эпилога, в которой связывает тему происхождения языка и сознания с перспективами развития современного человеческого общества.

Завершая краткий обзор содержания книги, необходимо заметить, что автор, на наш взгляд, в целом справился со сложностями и проблемами, указанными нами в начале рецензии, хотя и в разной степени.

Отвечая на почти полное отсутствие прямых свидетельств происхождения языка, автор вырабатывает собственную логику исследования, восполняя естественные пробелы специальными приемами интерпретации косвенных данных, полученных другими учеными, и логическими процедурами, позволяющими, на взгляд автора, прийти к более или менее непротиворечивым результатам. Представляется, что в этом отношении работа автора заслуживает внимания, глубокого изучения и дальнейшего развития.

Что касается междисциплинарности, то и здесь автору удалось совместить достижения целого ряда наук, с одной стороны, и, с другой – довольно убедительно уклониться от синтеза достижений некоторых других наук. В рамках данной работы это получилось, на наш взгляд, вполне логично и с научной точки зрения полезно, хотя нетрудно предвидеть и возможные возражения, и критику такого подхода, о чем будет сказано ниже.

А вот ответ на вопрос, достаточно ли средств и возможностей языка, чтобы описать возникновение языка, так и остался неочевидным. Косвенным подтверждением этой неочевидности можно считать попытки автора выйти из чисто текстового представления результатов исследования при помощи многочисленных и хорошо исполненных таблиц и схем, часто играющих вполне самостоятельную роль презентации основных идей автора. Кроме того, необходимо отметить, что и в самом тексте работы заметны попытки автора выйти за пределы привычной терминологии, ввести собственные понятийные конструкции, часто удачные, но которые, однако, пока трудно оценивать в целом как состоявшиеся и однозначно приемлемые в соответствующем научном дискурсе.

Теоретически ценные и интересные идеи автора, изложенные в книге, тем не менее не лишены ряда недостатков, которые связаны прежде всего с масштабным объемом научной информации, теорий, гипотез и фактов, которые приходится использовать и интерпретировать в ходе исследования.

Наиболее общее замечание может быть сформулировано следующим образом: поистине гигантский массив работ в сфере палеоистории, археологии, палеопсихологии, антропологии, генетики, разнообразных отраслей биологии и др., которые так или иначе затрагивают проблемы происхождения человека, предъявляют особые требования к принципам авторской оценки и отбора значимых для исследования работ. Иными словами, какая-то часть работ, и весьма значительная, неминуемо остается за пределами авторской теоретико-методологической воронки, что вполне объяснимо. Однако масштабность поставленной автором задачи и естественная ограниченность привлекаемых к анализу и интерпретации источников («узость воронки») создают безграничные возможности для альтернативных идей, опирающихся на другой корпус исследовательских работ.

Это, конечно, не является недостатком собственно книги Розова, а представляет системное противоречие, свойственное исследованиям с такого рода масштабными задачами. Тем не менее мы обязаны это зафиксировать, чтобы иметь возможность высказать ощущение некоторой неровности в корпусе представленной в книге научной литературы. Безусловно, у автора получились блестящие обзоры и синтез работ по лингвистике, палеолингвистике, философии языка, эволюционной теории. Однако, когда автор перемещается в область биологии, антропологии, археологии, становится заметным, что в «теоретико-методологическую воронку» автора иногда попадают работы, которые могут вызывать сомнения в своей научной ценности и даже достоверности. Например, автор более 15 раз ссылается на публикации С.В. Дробышевского, антрополога и известного популяризатора науки, научные работы которого часто становятся объектом критики со стороны специалистов [Журавлев, 2020].

Говоря о возможном существовании социальной стратификации в верхнем палеолите, автор ссылается на работу американского исследователя У. Фитча об эволюции языка, в которой Фитч, в частности, пишет о

свидетельствах со стоянки Сунгирь (Россия), ссылаясь, в свою очередь, на научно-популярную работу И. Таттерсала [Tattersall, 1999], в которой воспроизводятся общеизвестные факты без ссылок на источники, и на статью П. Мелларса [Mellars, 2005], в которой вообще нет упоминания исследований Сунгирской стоянки.

Представляется, что при использовании данных, полученных благодаря изучению стоянки Сунгирь, целесообразно было бы сослаться на первоисточник, каковым по праву можно считать фундаментальную монографию коллектива авторов, специально посвященную итогам научного изучения находок и останков Сунгирской стоянки [Homo Sungirensis ... , 2000].

Есть в книге примеры и иного рода несоответствий. Например, перечисляя в начале третьей главы базовые теории и модели, необходимые для авторской концепции происхождения языка и сознания, автор включает в список концепцию Арнольда Тойнби как «расширение классической схемы вызов-ответ». При этом автор ссылается на русский сокращенный перевод масштабного 12-томного труда английского историка (русское издание вышло в одном томе!). Стоит заметить, что сама концепция Тойнби изначально относилась к обществам и государствам, а точнее, говоря словами Тойнби, – к цивилизациям, и подвергалась обоснованной критике со стороны профессиональных историков. На наш взгляд, использование данной концепции применительно к проблемам антропогенеза и глоттогенеза должно предваряться существенной теоретической проработкой и переработкой теории Тойнби.

Отмеченные недостатки никоим образом не уменьшают научную значимость проделанной Н. Розовым работы и полученных результатов. Напротив, как видится рецензенту, все указанные спорные моменты носят такой характер, который лишь подчеркивает *научность* книги Розова и ее встроенность в современный научный дискурс, который предполагает использование и авторскую интерпретацию научных достижений других исследователей, определенную смелость и даже намеренную провокативность некоторых суждений и выводов наравне с готовностью к диалогу и содержательной дискуссии.

Предпоследнее, что, на наш взгляд, необходимо сказать о книге Николая Розова, – это то, что после прочтения столь насыщенной и богатой идеями работы создается устойчивое ощущение противоречия между постановкой сложной исследовательской задачи и ограниченностью предмета исследования. Напомним, что автор, признавая существование и обоснованность различных уровней концепций глоттогенеза, от экологического и социального до анатомического и генного, ограничивает свой предмет исследования взаимодействием с природным окружением, внутригрупповыми и межгрупповыми социальными порядками, психическими процессами и способностями.

С точки зрения современных требований к науке, такое ограничение вполне научно и бесспорно. Однако, когда мы говорим о процессах такой

сложности и давности, как происхождение языка, мы не можем с точностью полагаться на привычные нам деления наук и их предметов и на их значимость для данного процесса. В результате, на наш взгляд, перспективным представляется совмещение новейших достижений биологии, генетики, антропологии с достижениями лингвистов, психологов, философов, включая и работу Николая Розова.

Возвращаясь к аргументам филологов XIX в., выведших проблему происхождения языка из пределов филологической науки, стоит признать это решение обоснованным. Рождение языка – действительно не филологическая проблема, вернее, ее вообще невозможно уложить в рамки какой-то одной науки, поскольку картина происхождения языка включала в себя разнородные, разнонаправленные, но сложно взаимосвязанные процессы изменений природного характера, трансформаций на генном и анатомическом уровнях, а также сдвигов в психике, поведении и социальных порядках, что привело в совокупности к появлению языковых практик и собственно языка. В каких пропорциях и как это все влияло на происхождение языка, современная наука вряд ли в состоянии ответить. Но она может продвигаться по пути понимания, предпринимая попытки междисциплинарного обобщения достижений различных наук и постепенно приближаясь к моменту, когда уровень развития науки и наши научные возможности позволят обобщать и синтезировать результаты десятков разнообразных отраслей науки, что, на наш взгляд, является совершенно необходимым для раскрытия тайны происхождения языка, сознания и человека.

В связи с этим считаем необходимым вернуться к гуманистическому потенциалу книги Н. Розова. Конечно, история нашего вида переполнена конфликтами и насилием, но при этом, как отмечает автор, условиями перехода ранних гоминид к человечности и прорыва к членораздельной речи стала смена внутригрупповых порядков от диктата сильнейших к доминированию эгалитарных солидарных коалиций. Отсюда исходит позиция автора, связанная с надеждой на силу коммуникаций, переговоров и альянсов, ведущих к урегулированию международных и социальных конфликтов. В основе этой позиции также лежит авторское понимание смысла истории как «перманентного самоиспытания человеческого рода на способность создания социальных порядков, которые обеспечивают полноценную, т.е. защищенную, свободную, достойную, осмысленную жизнь каждого человека в каждом поколении при учете неизбывных дефицита ресурсов и конфликтности интересов» [Розов, 2022, с. 48].

Сознание и язык, заключает автор, в наше время призваны стать средствами совершенствования и глобального распространения гуманных порядков через мирное общение и вовлечение.

Высокий научный уровень книги Николая Розова, ее богатое и глубокое теоретико-методологическое оснащение, обоснованные и значимые выводы и результаты, а также тесно связанный с содержанием ее гуманистический заряд делают публикацию работы Розова заметным событием

научной жизни. Стоит, правда, предупредить, что книга не является легким чтением, она требует от читателя постоянного внимания и усилий для понимания авторских идей. Собственно, это именно те усилия, которые, по словам самого автора, способствовали развитию и превращению ранних гоминид в современного человека. Так что, видимо, и нам, чтобы оставаться людьми, необходимо постоянно поддерживать, использовать и развивать умения слушать, читать, понимать, договариваться, ошибаться и исправлять свои ошибки.

Список литературы

- Журавлев А. Что не так в новой книге «Палеонтология антрополога» // PaleoNews. – 2020. – 5 мая. – URL: <https://paleonews.live/exclousive/1375-zhuravlev-review> (accessed: 24.01.2023).
- Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – Санкт-Петербург : Александрия, 2007. – 423 с.
- Ellis, Alexander J., esq. Second annual address of the president to the philological society, delivered at the anniversary meeting // Transactions of the Philological Society. – Wiley, 1874. – Vol. 15, Issue 1. – P. 248–252.
- Номо Sungirensis: Верхнепалеолитический человек : экологические и эволюционные аспекты исследования. – Москва : Научный мир, 2000. – 468 с.
- Mellars P.A. The impossible coincidence : A single-species model for the origins of modern human behavior in Europe // Evolutionary Anthropology. – 2005 – N 14. – P. 12–27.
- Société de Linguistique de Paris. Statuts de 1866. – URL: <https://www.slp-paris.com/statuts1866.html> (accessed: 24.01.2023).
- Tattersall I. Becoming Human : Evolution and human uniqueness. – New York : Harcourt-Brace, 1999. – 272 с.

Roman Evstifeev¹

The path of humanizing: language, consciousness, humanity

Review of: Rozov N.S. (2022). Proishozhdenie jazyka i soznanija. Kak social'nye porjadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti. Manuscript.

Keywords: glottogenesis; anthropogenesis; social concerns; linguistic rubicon; consciousness; humanism.

For citation: Evstifeev R. (2022). The way of humanizing: language, consciousness, humanity. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies*, 2 (2), 176–187. <http://www.doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.13>

---

¹ Roman Evstifeev, Pol. Sci. PhD, Leading Researcher, INION RAN, e-mail: roman_66@list.ru

References

- Eco U. (2007). *The Search for the Perfect Language (the Making of Europe)*. Saint-Petersburg: Aleksandrija.
- Ellis, Alexander J., esq. (1874). Second annual address of the president to the philological society, delivered at the anniversary meeting. *Transactions of the Philological Society*, 15(1), 248–252.
- Homo Sungirensis: Upper Palaeolithic Man: Ecological and Evolutionary Aspects of the Investigation*. (2000). M.: Nauchnyj mir. (In Russ.)
- Mellars P.A. (2005). The impossible coincidence: A single-species model for the origins of modern human behavior in Europe. *Evolutionary Anthropology*, 14, 12–27.
- Société de Linguistique de Paris. *Statuts de 1866*. [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.slp-paris.com/statuts1866.html> (accessed: 24.01.2023).
- Tattersall I. (1999). *Becoming Human: Evolution and human uniqueness*. N.Y. : Harcourt-Brace.
- Zhuravlev A. (2020). *Что не так в новой книге «Paleontologija antropologa»*. PaleoNews. [Electronic resource]. Mode of access: <https://paleonews.live/exclousive/1375-zhuravlev-review> (accessed: 24.01.2023).

**МЕТОД
МОСКОВСКИЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Выпуск 12
(продолжение серии ежегодников МЕТОД)
Том 2 № 2

Дизайнер (художник) И.А. Михеев
Корректор В.И. Чеботарева
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999
Подписано к печати 2/ X – 2022 г.
Формат 70×100/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,5 Уч.-изд. л. 12,8
Тираж 500 экз. (1 – 100 экз. – 1-й завод) Заказ № 175

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д.88, литера У